

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Санат Кушкумбаев	Центральноазиатский вектор внешней политики Казахстана: курс на кооперацию и сближение.	7
------------------	---	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Серик Сейдуманов, Зарема Шаукенова	К актуализации проблемы культурной идентичности.	12
Алуа Жолдыбалина, Слямжар Ахметжаров, Ермек Токтаров	Местные сообщества в селах как форма гражданского участия: проблемы и перспективы	21
Айгуль Садвокасова, Петр Казмиркевич, Бауыржан Баглай, Корлан Муслимова	Миграция и социальная адаптация внутренних переселенцев и студентов Казахстана	34
Ерназар Кумар	Взгляды местных экологов на проблемы экологического просвещения в Казахстане	54

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Мейрам Сарыбаев, Ермек Чукубаев, Арсен Малтабаров	Цифровая трансформация стран Центральноазиатского региона: перспективы сферы государственного управления Казахстана	83
---	---	----

РЕЦЕНЗИЯ

Мурат Лаумулин	Обзор литературы по Центральной Азии за 2022 год. Часть IV.	102
----------------	---	-----

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова

Верстка: Павел Романенко
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в ТОО «Надежда 2050». г. Кокшетау, улица Баймуханова, 3.
Тираж: 300 экземпляров

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Санат Көшкімбаев	Қазақстан сыртқы саясатының Орталық Азиялық векторы: ынтымақтастық пен жақындау бағы 7
------------------	--

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Серік Сейдуманов, Зарема Шәукенова	Мәдени сәйкестілік мәселенің өзектендіруі 12
Алуа Жолдыбалина, Слямжар Ахметжаров, Ермек Тоқтаров	Ауылдардағы жергілікті қауымдастықтар азаматтық қатысу формасы ретінде: мәселелері мен болашағы. 21
Айгүл Сәдуақасова, Петр Казмиркевич, Бауыржан Бағлай, Қорлан Мүслімова	Қазақстандағы ішкі мигранттар мен студенттердің миграциясы және әлеуметтік бейімделуі 34
Ерназар Құмар	Қазақстандағы экологиялық ағарту мәселелеріне жергілікті экобелсенділердің көзқарастары 54

АКТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Мейрам Сарыбаев, Ермек Чукубаев, Арсен Малтабаров	Орталық Азия аймағы елдерінің цифрлық трансформациясы: Қазақстанның мемлекеттік басқару саласының перспективалары 83
---	--

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин	Орта Азия бойынша 2022 жылға арналған әдебиеттерге шолу. IV бөлім. 102
----------------	--

Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
Алматы қаласы ҚСЗИ
Өкілдігінің басшысы

Шығаруға жауапты: Алмас Арызқұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бекірова
Беттеу: Павел Романенко
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. «Надежда 2050» ЖШС баспасынан басылып шығарылды
Көкшетау қ., Баймұқанов, 3. Таралымы: 300 дана.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Sanat Kushkumbayev** The Central Asian vector of the foreign policy of Kazakhstan: the course to cooperation and rapproach 7

POLITICS AND SOCIETY

- Serik Seidumanov, Zarema Shaukenova** To the actualization of the problem of cultural identity 12
- Alua Zholdybalina, Slyamzhar Akhmetzharov, Yermek Toktarov** Local communities in rural area as a form of civil activity: problems and prospects 21
- Aigul Sadvokassova, Petr Kazmirkevich, Bauyrzhan Baglay, Korlan Muslimova** Migration and social adaptation of internal migrants and students in Kazakhstan 34
- Yernazar Kumar** Local eco-activist's perspectives on environmental awareness issues in Kazakhstan 54

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Meiram Sarybayev, Ermek Chukubayev, Arsen Maltabarov** Digital transformation of the countries of the Central Asian region: prospects of public administration in Kazakhstan. 83

REVIEW

- Murat Laumulin** Review of foreign literature on Central Asia 2022 102

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
Head of the representative
office of KazISS in Almaty

Responsible for publication: Almas Arzikulov
Editor-corrector: Akmaral Bakirova
Layout: Pavel Romanenko

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644, ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by «Nadegda 2050» LLP, Kokshetau, Baimukanov street, 3.
Copies: 300.

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, доктор PhD по экономике
Айжан Молдагалиева	– редактор, старший эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Редакциялық кеңес

Еркін Тұқымов	–	Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
Рахман Алшанов	–	«Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Гүлмира Илеуова	–	«Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Насимова	–	Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
Вячеслав Додонов	–	ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
Андрей Чеботарёв	–	«Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
Мартин Брусис	–	әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
Синтия Каплан	–	Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
Геннадий Чуфрин	–	РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Әсел Әбен	–	бас редактор, Алматы қаласы ҚСЗИ Өкілдігінің басшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы
Айжан Молдағалиева	–	редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ аға сарапшысы

Editorial Board

Yerkin Tukumov	–	Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
Rakhman Alshanov	–	President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
Gulmira Ileuova	–	Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
Gulnar Nasimova	–	Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
Vyacheslav Dodonov	–	Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
Andrey Chebotarev	–	Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
Martin Brusiš	–	Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
Cynthia Kaplan	–	Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
Gennady Chufrin	–	Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
Assel Aben	–	Chief Editor, Head of the representative office of KazISS in Almaty, PhD in Economics
Aizhan Moldagaliyeva	–	Editor, senior expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

МРНТИ:
11.25.40

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА: КУРС НА КООПЕРАЦИЮ И СБЛИЖЕНИЕ

Санат Кушкумбаев

Заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор политических наук

Аннотация. Углубление региональной кооперации в Центральной Азии является одним из важнейших приоритетов внешней политики Казахстана. В представленной статье автором рассмотрены приоритетные сферы взаимодействия Казахстана со странами Центральной Азии.

Ключевые слова: *внешняя политика, кооперация, сотрудничество, геополитика, Центральная Азия*

ҚАЗАҚСТАН СЫРТҚЫ САЯСАТЫНЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯЛЫҚ ВЕКТОРЫ: ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ПЕН ЖАҚЫНДАУ БАҒЫ

Санат Көшкімбаев

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары, саясат ғылымдарының докторы

Аңдатпа. Орталық Азиядағы өңірлік ынтымақтастықты тереңдету Қазақстанның сыртқы саясатының маңызды басымдықтарының бірі болып табылады. Ұсынылған мақалада автор Қазақстан мен Орталық Азия елдерінің өзара іс-қимылының басым бағыттарын қарастырады.

Түйінді сөздер: *сыртқы саясат, ынтымақтастық, геосаясат, Орталық Азия*

THE CENTRAL ASIAN VECTOR OF THE FOREIGN POLICY OF KAZAKHSTAN: THE COURSE TO COOPERATION AND RAPPROACH

Sanat Kushkumbayev

Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Political Sciences

Annotation. Deepening regional cooperation in Central Asia is one of the most important priorities of Kazakhstan's foreign policy. In the presented article, the author considers the priority areas of interaction between Kazakhstan and the countries of Central Asia.

Keywords: *foreign policy, cooperation, geopolitics, Central Asia*

Введение

Сотрудничество Казахстана со странами Центральной Азии на двусторонней основе и в многостороннем формате прошло тернистый, но насыщенный событиями путь, охватывающий весь тридцатилетний период независимого развития. За это время произошло немало знаковых событий. Казахстан вместе с другими региональными соседями прошел непростую стадию политического транзита и преодолел ряд экономических кризисов. Сами страны региона также претерпели сложную и противоречивую эволюцию, обусловленную, в том числе их геополитическим положением и разнородным развитием, нерешенными пограничными, хозяйственными и экологическими проблемами.

Обсуждение

Как известно, в книге «Великая шахматная доска» американский геополитик Збигнев Бжезинский пророчил Центральной Азии стать крайне нестабильной зоной Евразии. В дальнейшем в экспертной среде по этому поводу возникло множество дискуссий. Но несмотря на то, что геополитическая конкуренция в азиатской части постсоветского пространства перманентно оставалась напряженной, а крупные державы неустанно продвигали здесь свои стратегические интересы и присутствие, ситуация в регионе не скатилась к открытому соперничеству и противостоянию.

Большую роль в сравнительно стабильном развитии Центральной Азии сыграли совместные усилия самих стран региона. Конфликтогенная обстановка на значительной части внешнего периметра, межстрановые проблемы касательно границ, водного и энергетического распределения, экстренные решения задач по укреплению государственности в совокупности требовали взвешенных подходов от политических элит новых центральноазиатских государств. Казахстан весь период независимости последовательно придерживался стратегии на углубление сотрудничества с государствами Центральной Азии. Во всех стратегических документах нашей страны закреплён вектор на центральноазиатскую кооперацию. Поэтому у Президента К.К. Токаева, очевидно, есть внушительный пакет предложений в

повестку очередной встречи глав государств региона Центральной Азии в июле т.г. С начала 2010-х гг. повестка региональной безопасности заметно расширилась и обрела масштабность, в том числе за счет проактивного участия Казахстана в международных структурах. Это нашло отражение в Концепции внешней политики РК на 2014–2020 гг. Ее первым и основным приоритетом выделена заинтересованность в политически стабильном, экономически устойчивом и безопасном развитии Центральной Азии.

Отмечено стремление нашей страны к развитию внутрирегиональной интеграции в целях снижения конфликтогенного потенциала, решения социально-экономических проблем, развязки узла водно-энергетических и иных противоречий. Перспективной целью была обозначена трансформация региона в единый интегрированный субъект международной политики и экономики. В настоящее время страны Центральной Азии демонстрируют решительный настрой на решение ключевых вопросов двусторонней и региональной повестки. Думается, что с учетом повестки предыдущих встреч можно будет вести речь о консолидированных подходах, создании конкретизированной дорожной карты регионального сотрудничества. Наряду с вопросами транзита, торговли, энергетики, в фокусе будут вопросы воды, экологии, изменения климата. В этом году, наряду с ситуацией в Афганистане, в повестку выдвинулись вопросы международной безопасности.

Одной из актуальных для стран региона остается проблема урегулирования водных вопросов. Рост водопотребления, обусловленный интенсивной сельскохозяйственной, промышленной деятельностью, ростом населения в регионе трансграничных бассейнов в сопряжении с проблемой изменения климата, таяния ледников и других, все чаще выступают триггерами социально-экономических проблем. Поэтому очевидно, что компромиссные и взаимоприемлемые подходы сторон в урегулировании водных вопросов – единственный продуктивный путь. Ключевой аспект – наличие политической воли всех сторон – позволяет открыто и оперативно поднимать и обсуждать все вопросы в этой сфере. У этой комплексной проблемы есть экологическое, социальное, экономическое измерения. Продуктивным путем видится создание Водно-энергетического консорциума государств Центральной Азии, а также усиление кооперации через бассейновые водохозяйственные объединения «Сырдарья» и «Амударья». При поддержке всех стран Центральной Азии и международных партнеров следует завершить проект восстановления северной части Аральского моря.

Перманентно актуальным в повестке стран региона является вопрос раскрытия транспортно-транзитного потенциала. В государствах региона возросло понимание того факта, что укрепление сотрудничества в транспортной сфере способствует свободному перемещению товаров и услуг, выступает в качестве важного инструмента развития социальных и экономических отношений и в конечном итоге – улучшения условий и качества жизни населения. По оценкам экспертов, из-за несовершенства процедур

пересечения границ странами Центральной Азии затрачивается 40% всего времени, необходимого на доставку товаров по международным маршрутам. Улучшение транспортной связанности внутри и между странами Центральной Азии будет способствовать увеличению ВВП региональных стран на 15%. Как известно, через территорию государств проходят международные транспортные коридоры, а также различные региональные коридоры в рамках торговли стран Центральной Азии. С целью усиления транспортной связанности региона Казахстан заинтересован в участии всех стран Центральной Азии в развитии Транскаспийского международного транспортного коридора.

В торгово-экономической сфере мы можем видеть важные сдвиги. На взаимовыгодной основе реализуются весьма перспективные проекты. В числе последних крупных инициатив создание Международного центра торгово-экономического сотрудничества (МЦТЭС) «Центральная Азия» на границе Казахстана и Узбекистана. Этот проект имеет очень большую региональную перспективу. МЦТЭС даст толчок развитию торгово-экономических связей во всем регионе, новый импульс получат межрегиональные инфраструктурные и торговые проекты. В настоящее время интерес к теме подпитывается усилением центральноазиатского взаимодействия, импульс которому, безусловно, придал действующий формат консультативных встреч лидеров государств пяти стран. Такой вектор развития событий был обусловлен относительно стабильным развитием стран Центральной Азии, вовлеченностью крупных внешних игроков, в том числе оформленному в форматы C5+, а также постоянным интересом Казахстана и деятельной позицией Узбекистана в вопросах региональной кооперации. При этом Казахстан выступает не просто региональным медиатором, а проактивным субъектом, находящимся в поисках интегрированных решений общих проблем. На нынешнем этапе участие страны в процессах региональной кооперации находится в особой динамике.

Заключение

Соответственно, нынешний этап регионального сотрудничества между пятью государствами в форме консультативных встреч глав государств, несмотря на ряд неудач предшествующих этапов, имеет свою предысторию и платформу. И хотя повестка особо не отличается от постановки вопросов в рамках прежних структур, принципиальным становится пятисторонний формат без нерегиональных акторов, предусмотрительность в подходах и стремление стран Центральной Азии учитывать региональные особенности и новые глобальные тренды. Таким образом, простая истина в том, что сообща и скоординированно легче и эффективнее отстаивать и продвигать национальные интересы. Соответственно, усиление региональной субъектности региона Центральной Азии – это усиление национальных позиций и субъектности.

Об авторе

Санат Кайрслямович Кушкумбаев

– широко признанный казахстанский политолог-международник. Родился 2 декабря 1972 года.

С.Кушкумбаев относится к числу первых выпускников-студентов факультета философии и политологии КазГУ им. аль-Фараби по специальности «Политология». В 1996 году он заложил свой кирпичик в фундамент политической науки Казахстана, став в последующем перво-

классным экспертом по проблемам внешней политики, международных отношений, регионального сотрудничества и безопасности в Центральной Азии. Его докторская диссертация на тему «Многостороннее взаимодействие в сфере безопасности Центральной Азии» (2007 г.), по сей день не теряет своей актуальности и вызывает интерес у ученых-политологов, регионоведов.

Исследовательско-аналитическая деятельность Саната Кайрслямовича неразрывно связана с трудовой деятельностью, которая велась в ведущих аналитических центрах и институтах страны. В их числе можно отметить Институт развития Казахстана, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК, Комитет внешнеполитического анализа и прогнозирования МИД РК. Но более продолжительный период времени С.Кушкумбаев ведет активную деятельность в Казахстанском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Наряду с этим автор вносит свой весомый вклад в развитие страны, являясь членом Экспертного совета при Совете безопасности РК и членом Совета по внешней политике при МИД РК.

Высокий уровень профессионализма в сочетании с душевным теплом и обаянием, высокими моральными качествами, снискали глубокое уважение не только у коллектива КИСИ, но и широкого круга научного сообщества.

В декабре текущего года **Санат Кайрслямович Кушкумбаев отметил 50-летний Юбилей!** Коллектив Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК высоко ценит вклад Санат Кайрслямовича в дело развития института и казахстанской политической науки, и желает юбиляру долгих, активных и творчески наполненных лет жизни!!!

МРНТИ
04.51.51

К АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Серик Сейдуманов¹,
Зарема Шаукенова²

¹доктор социологических наук, профессор,
академик НАН РК, Генеральный директор Института
философии политологии и религиоведения КН МОН РК

²доктор социологических наук, профессор,
академик НАН РК, Вице-президент Национальной
академии наук Республики Казахстан
e-mail*: zarema_13@bk.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.01>

Аннотация. В статье раскрывается вопрос о необходимости рассмотрения культурной идентичности как проблемы социального характера. Авторами поднимается тема культурной идентичности с позиций междисциплинарных подходов. Изучение культурной идентичности в гуманитарном дискурсе современности связано с проблемами межкультурной коммуникации и диалога культур. Особое значение отводится роли культурной идентичности, именно она является источником, «сохраняющим» и передающим опыт духовно-нравственной коммуникации и духовно-нравственных ценностей. Авторы обосновывают идею о необходимости формирования новой культурной идентичности в условиях модернизации казахстанского общества.

Ключевые слова: культурная идентичность, модернизация, межкультурная коммуникация, ценности

МӘДЕНИ СӘЙКЕСТІЛІК МӘСЕЛЕНІҢ ӨЗЕКТЕНДІРУІ

Серік Сейдуманов¹, Зарема Шәукенова²

¹ әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі,
ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас директоры

² ҚР ҰҒА академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор,
Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының Вице-президенті,

Аңдатпа. Мақалада мәдени сәйкестікті әлеуметтік сипаттағы мәселесі ретінде қарастыру қажеттілігі туралы мәселе ашылады. Авторлар мәдени сәйкестілік тақырыбын пәнаралық көзқарастар тұрғысынан көтереді. Қазіргі заманның гуманитарлық дискурсындағы мәдени сәйкестікті зерттеу мәдениетаралық коммуникация және мәдениеттер диалогы мәселелерімен байланысты. Мәдени сәйкестіктің рөліне ерекше мән беріледі, ол рухани-адамгершілік қарым-қатынас пен рухани-адамгершілік құндылықтардың тәжірибесін «сақтайтын» және жеткізетін қайнар көзі. Авторлар қазақстандық қоғамды жаңғырту жағдайында жаңа мәдени сәйкестікті қалыптастыру қажеттілігі туралы идеяны негіздейді.

Түйін сөздер: *мәдени сәйкестілік, модернизация, мәдениетаралық қарым-қатынас, құндылықтар*

TO THE ACTUALIZATION OF THE PROBLEM OF CULTURAL IDENTITY

Serik Seidumanov¹, Zarema Shaukenova²

¹ professor, academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, doctor of Sociological sciences, director of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies

² doctor of Sociological sciences, professor, academician of the National Academy of Sciences of the RK, Vice-President of the National Academy of Sciences of the RK

Annotation. The article reveals the question of the need to consider cultural identity as a problem of a social nature. The authors raise the topic of cultural identity from the standpoint of interdisciplinary approaches. The study of cultural identity in the modern humanitarian discourse is connected with the problems of intercultural communication and dialogue of cultures. Particular importance is given to the role of cultural identity, it is it that is the source, «preserving» and transmitting the experience of spiritual and moral communication and spiritual and moral values. The authors substantiate the idea of the need to form a new cultural identity in the context of the modernization of Kazakhstani society.

Considering the impact of these factors, and using the methodology of comparing political parties proposed by K.Janda, the author sets out her view on the features of institutionalisation, problem orientation, social support, organisational complexity, centralisation of power, autonomy, coherence, involvement, strategy and tactics, governmental status of political parties in post-industrial society.

Keywords: *cultural identity, modernization, intercultural communication, values.*

Введение

Проблема диалога культур остается наиболее актуальной в контексте концепции единства в многообразии, признанной в мировом культурном

сообществе условием жизнестойкости различных культурных моделей, особенно в традиционных обществах. Но понимание значения диалога культур должно быть осознанно как понимание необходимости вовлечения собственных культурных форм жизни в глобальный процесс культурной интеграции. Вопрос о том, как осуществить культурную интеграцию, не деконструировав при этом национальную культурную традицию, становится в гуманитарных современных исследованиях дискуссионным. Поиск общих диалогических истоков в тех или иных национальных традициях усложнен проблемой поиска общих оснований диалога, предполагающих наличие презумпции культурного суверенитета и культурной инновации к диалогу. Несомненно, что условием сохранения культуры является традиция, которая хранит истоки культурного бытия. О роли традиции в сохранении культуры народа исписано множество страниц, и этот дискурс традиции, начавшийся еще в античности, до сих пор актуализируется в проблемном поле сохранения традиции, языка, культурной идентичности.

Культурное возрождение, как процесс необходимой перезагрузки национальных и духовных ценностей, осуществляется с периодичностью, примерно в 25-50 лет, и устойчивым фактором в этом процессе всегда остается культурная традиция. В чем же ее жизнестойкость, жизнеобеспеченность для множества поколений? В ее непрерывном опыте передачи тех достижений, которые были и будут осуществлены в таких формах общественно-го сознания как наука, мораль, философия, религия.

Ренессанс культурных традиций, происходящих в нашем обществе, в нашем времени отличается от прошлых Ренессансов турбулентностью и динамичностью самих культурных, социальных и политических процессов, поскольку в них происходит трансформация культурных традиций.

Культурные традиции подвергаются также трансформации, влиянию из вне и влиянию со стороны общества, которое «цементировалось» этими традициями в силу глобальных культурных изменений. И в этом случае, «притязания культуры» [1] на фундирование культурного суверенитета могут остаться всего лишь притязаниями, если в обществе не появятся силы, способствующие возрождению культурных традиций. Желание модернизироваться – еще одна причина, не дающая полноценно развиваться традиции в глобальном культурном процессе, поскольку имеется ложное представление о «закостенелости», «архаичности», традиции, ее «нерелевантности» культуре постмодерна.

Более того, традиционалисты от культурологии не готовы принять и понять инновационность культурной традиции через диалог, коммуникативность и переоценку тех или иных компонентов культурной традиции.

Вопрос об открытости традиционной культуры мировым культурным процессам и инновационным изменениям креативной культурной индустрии в работах известных ученых современности приобретает онтологический характер, связанный с культурной идентичностью человека.

Культурные ценности, прививаемые в традиционном обществе, подвергаются критике со стороны представителей глобальных культурных ценностей, продвигающих ценности массовой культуры. Интегрирование традиционных и глобальных культурных ценностей в обществах, культивирующих традицию, происходит не всегда гладко, поскольку необходимо сохранение культурного суверенитета, культурной уникальности. Идентификация современной культуры и современного культурного человека связана как с сохранением культурной традиции, так и с частичным разрывом с культурными традиционными ценностями. Основная задача в этой проблеме – это достижение культурного баланса между культурой традиции и культурой постмодерна.

Для полноценного изучения роли традиции в формировании культурного бытия необходимо исследование опыта отдельных культурных традиций, который демонстрируют свою культурную актуальность, востребованность и готовность к принятию инновационных трендов культуры, и не только к принятию, а к со-творческому диалогу.

В данной статье осуществляется попытка реконструкции опыта казахской культуры, в которой традиция духовности является моделью креативного, диалогического сотворчества с другими культурами.

Методы исследования

Статья подготовлена с применением качественных научных методов: метода дедукции и индукции, сравнительного анализа, а также метода классификации. Исследование проводилось с использованием общенаучных методов синтеза, анализа и изучения.

Результаты исследования и их обсуждение

Любая культура, культурная традиция стремится к самосохранению исходных культурных форм, и не всегда принципами этого самосохранения должны стать культурная дистанция и непринятие другой культуры. Напротив, часто культурные формы сохранялись благодаря принципу толерантности и признанию культурного многообразия.

Казахская культура, будучи многогранной и уникальной, развивалась в модели диалога с другими культурными традициями. Развиваясь как многообразный культурный феномен, казахская культура репрезентировала тюркские, исламские, казахские культурные ценности, собирая их в единый культурный феномен, единую культурную традицию. Основой этого культурного единения послужила толерантность, базирующаяся на открытости другим культурным традициям, признании взаимовлияния традиций и культурного плюрализма. Обратившись к исследовательскому опыту изучения культуры в пространстве Казахстана в трудах Марко Поло, Плано Карпини, китайским документальным хроникам, арабским географическим источникам, мы увидим уникальность коммуникативных культурных

практик, бытовавших здесь [2].

В работах представителей тюркского интеллектуализма – Махмуда Кашгари, Юсуфа Баласагуни, Х-А. Яссави, Ахмеда Югнеки раскрывается принцип толерантности, как условие консолидации общества и условие развития совершенного человека. Диалог культурных и религиозных традиций, воплощенный в их сочинениях, демонстрирует необходимость культурной толерантности в современных культурных процессах.

Абай, как один из величайших представителей диалогической стратегии, необходимой для осуществления человеком своей сущности, знаменитый свой принцип «Адам бол!» связывал с диалогом многообразных культурных традиций [3]. В знаменитой своей работе «Слова назидания» ученый переоткрывает возможности диалога культур посредством толерантности, возводимой им в принцип жизни. Осуществленная им критика форм отчужденного сознания и фрагментарной идентичности показывает экзистенциальную интерпретацию толерантности, ведущей к коммуникативной рациональной практике, к которой через несколько столетий призвал Юрген Хабермас [4].

Что же означает толерантность в казахской культуре? Прежде всего, толерантность в казахской культуре связана с деконструкцией культурных стереотипов другой культуры и культурного Другого. Во-вторых, с деконструкцией межрелигиозной нетерпимости, что наиболее нам ценно в современном конструировании межконфессиональной коммуникации.

В-третьих, толерантность в казахской культуре является установкой, обладающей постоянством, формирующей культуру толерантности и толерантного культурного сознания. Исторически известно, что культурное пространство Казахстана формировалось в условиях взаимного сосуществования разных культурных и религиозных традиций, таких как манихейство, буддизм, зороастризм, христианство, иудаизм, ислам.

Происходившая культурная коммуникация не привела к ассимиляции казахской культуры, а устойчивость и ее жизнеспособность связаны с духовной концентрацией морального контента в культурной традиции и культурой толерантности в коммуникативной практике культурного пространства. Гибкость культурной традиции заключалась в умении слышать иное мнение, видеть иную культуру быта, стремлении к диалогу и миру. Например, в творческом дискурсе жырау толерантность и мирный диалог – одна из ключевых тем.

Обучать и воспитывать в обществе культуру диалога и толерантности – еще один тренд казахской культуры, который мы фиксируем в сочинениях аль-Фараби, Баласагуни, Абая. Вообще, стремление к признанию своей уникальности через многообразие культурных форм и моделей в творчестве Абая, потрясающе. Понимать собственную культуру через другую культуру Абай призывает каждого, поскольку увидеть себя со стороны, «глазами» культурного Другого позволяет осуществить культурно-рефлек-

сивный опыт, который весьма полезен для объективной оценки собственного культурного опыта.

Попытка удачного конструирования диалога религиозных культур, светского и религиозного миропонимания была осуществлена Ибраем Алтынсариным, представителем известного движения – Казахского Просвещения, миссия которого еще не до конца осмыслена нами, она требует глубокого понимания и полноценной интерпретации. Казахское Просвещение сыграло колоссальную роль в интеллектуализации общества и появлению интеллектуалов новой формации. Ибрай Алтынсарин своими работами задал новую точку отсчета в диалоге культур – консолидации, органичному балансу светских и религиозных ценностей, западных и восточных. Понимание роли традиции в исследованиях Алтынсарина как «мягкой силы» в воспитании и образовании молодежи имеет современное значение в моделировании концепции образования.

Диалог религиозных ценностей с ценностями гражданскими в учении Алтынсарина основывается на признании свободы вероисповедания и свободы личности, а культурное многообразие, как фактор развития коммуникативных отношений Востока и Запада, может реанимировать вновь культурный диалог и культурную толерантность в современном мире.

Казахские просветители подняли и тему культурной идентичности, которая является темой очень актуальной в общем гуманитарном дискурсе Казахстана.

Культурная идентичность и ее устойчивость – основа культурной парадигмы. Путь на сближение и диалог цивилизаций – тренд культурной перспективы, но в нем должен быть уникальный путь собственной культуры обязательно осуществлен. Эта идея просветителей разрабатывалась как идея баланса традиционной, национальной культуры и мировой культуры. Сохранение уникальности культуры через сохранение языка, образа мысли, вернее, культуры мысли, кода культуры. Опасение, что в глобальном культурном взаимодействии может исчезнуть культурная традиция и культурный код в исследованиях XXI столетия является популярным, как в западном, так и в восточном дискурсах культурологии и культурной антропологии.

Динамизм культурных процессов современности показывает необходимость признания диалогического взаимодействия, с одной стороны, а с другой – необходимость «удержания», «сохранения» своей культурной традиции, благодаря которой сохраняется культурная идентичность. Опыт взаимодействия культурных традиций в культурных процессах Казахстана выявляет синтез разных традиций, но культурной ассимиляции не произошло.

С чем это связано? С силой духа казахской культуры.

Определения культурной идентичности в казахском гуманитарном дискурсе связаны с концептуализацией культурных парадигм, а также со способностью восприятия различных культурных течений, которые оказывают

воздействие на традиционную казахскую культуру. Вообще, определение культурной идентичности – проблема сложная и однозначного решения ее нет, поскольку отличаются и теоретико-методологические подходы в ее исследовании, определяющие аспекты и компоненты культурной идентичности. Актуальность междисциплинарной методологии в изучении этого вопроса базируется на применении методов, разработанных в философии, культурологии, социологии и религиоведении. Культурная идентичность, согласно, например, Максус Веберу, связана с этническим компонентом, в то время как в восточных дискурсах, она связана с этической составляющей. Теории культурологов и их методы, направленные на изучение культурной идентичности, отличаются не только разнообразием классических и постклассических подходов, но и личностной интерпретацией, не всегда способной избежать субъективной оценки. В связи с этим проблема культурной идентичности успешно изучается в социологической науке, поскольку запрос в обществе на эту тему увеличивается с заметным постоянством, особенно среди молодежи.

Культурная идентичность, трактуемая как отождествление человека с этносом, обществом, группой, раскрывается в социализации и коммуникации. Принадлежность к социуму и признание культурных образцов, норм, обычаев, традиций данного общества в качестве парадигмальных, определяет культурную идентичность человека.

Социологические исследования культурной идентичности показывают турбулентность культурной идентичности среди молодежи: одни определяют ее через религиозную принадлежность, другие – через этническую принадлежность, третьи – через субкультуру той или иной молодежной группы. Исследования последних лет показывают, что культурная идентичность подвергается трансформации из-за усилившегося процесса межкультурных коммуникативных практик, деконструирующих культурные границы традиционных обществ.

С одной стороны, это естественный процесс мультикультуризации обществ, который невозможно остановить. Но, с другой стороны, появляется проблема разрушения традиционных культурных ценностей, которые являются фундаментом для нашего общества.

Противоречия возникают между культурными ценностями молодежи и ценностями традиционной культуры, которые первые считают неким «тормозом» для инновационного развития. Но так ли это на самом деле? Кризис духовных ценностей, о которых пишут уже лет сто, по сути дела, всегда назревает в тех социумах, в которых не развивается молодежная политика, направленная на формирование личности, имеющей и опирающейся на духовно-нравственные образцы общества, к которому она принадлежит.

В работах известных ученых – З. Баумана, А. Гидденса, Т. Мак-Портленда, У. Уорнера, Э. Хобсбаума, Н. Хомского, М. Кастельса [5] и мно-

гих других вопросы культурной идентичности поднимаются как проблемы социального характера.

Процесс формирования культурной идентичности зависит от использования духовно-нравственного опыта и культурных образцов, сложившихся в историческом развитии Казахстана, вне опоры на которые, невозможно говорить об устойчивой культурной идентичности.

Социально-политические изменения, происходящие сегодня в казахстанском обществе, показывают наличие разных типов культурной идентичности, основанных на меняющейся шкале ценностей – от коллективных к индивидуалистическим. В целом, данная тенденция – общемировая. Однако увеличение крена к индивидуалистическим ценностям приводит к обособлению человека от общества, к фрагментации общества, деконструкции общих целей, направленных на благополучие и процветание страны.

Что необходимо для формирования культурной идентичности, определяющейся как уникальная и толерантная культурная идентичность, в которой реализуются опыт традиционных культурных образцов и современная инновационная креативность, межкультурная коммуникация? Необходимо комплексное развитие молодежной политики, в которой должна осуществляться социализация молодежи, направленная на усвоение собственных ценностей, межпоколенческой преемственности, фундирование патриотизма, толерантного восприятия других культур и религий.

В условиях развития современного Казахстана необходимо говорить и о формировании новой модели культурной идентичности казахстанца, которая должна быть креативной, инновационной, и в которой базовым компонентом является традиционная казахская культура с ее великой духовной силой, преобразующей человека и мир.

Заключение

Новая культурная идентичность – это не мифологизация проблем культурологии и социологии. Это длительный процесс формирования личности, которая будет отождествлять себя с культурными образцами казахской культуры, интегрироваться с культурными традициями других этносов, проживающих на территории Казахстана; коммуницировать в межкультурном, межрелигиозном пространстве, конструируя себя креативной личностью, уважающей свободу и суверенитет других культур и религий; деятельной личностью, реализующей свои способности и творящей культуру Нового Казахстана.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Марко Поло. Путешествие. Л.: Художественная литература. 1940. – 336 с.
3. Абай. Слова назидания. Алма-Ата: Жазушы, 1970. – 126 с.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. М., 2005. – 424 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. – 608 с..

References

1. Benhabib S. *The claims of culture. Equality and diversity in the global era*. Moscow: Logos, 2003. – 350 p.
2. Marco Polo. *Travel*. L.: Fiction. 1940. – 336 p.
3. Abai. *Words of edification*. Alma-Ata: Zhazushy, 1970. – 126 p.
4. Habermas Yu. *Involving the other. Essays on political theory*. M., 2005. – 424 p.
5. Castels M. *The Information age: economy, society and culture*. M., 2000. – 608 p.

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В СЕЛАХ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алуа Жолдыбалина¹,
Слямжар Ахметжаров²,
Ермек Токтаров³

¹ Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, PhD, (Астана, Казахстан), e-mail: zholdybalina@kisi.kz

² руководитель Методологической лаборатории КИСИ при Президенте РК, PhD, (Астана, Казахстан), e-mail: akhmetzharov@kisi.kz

³ руководитель Отдела политических исследований КИСИ при Президенте РК, PhD, (Астана, Казахстан), e-mail: toktarov_eb@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.02>

Аннотация. В рамках статьи проведен анализ международного опыта по развитию местных сообществ, рассмотрена реализация отдельных социальных проектов по повышению потенциала местных сообществ в сельской местности Казахстана, а также согласно экспертному опросу изучены основные инструменты вовлечения сельских граждан в процесс принятия решений на местном уровне. Кроме того, представлены рекомендации по повышению потенциала местных сообществ в сельских территориях.

Ключевые слова: село, сельские сообщества, местное самоуправление, сельские жители, участие, процесс принятия решения, гражданское участие, НПО.

АУЫЛДАРДАҒЫ ЖЕРГІЛІКТІ ҚАУЫМДАСТЫҚТАР АЗАМАТТЫҚ ҚАТЫСУ ФОРМАСЫ РЕТІНДЕ: МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН БОЛАШАҒЫ

Алуа Жолдыбалина¹, Слямжар Ахметжаров², Ермек Токтаров³

¹ ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, PhD, (Астана, Қазақстан), e-mail: zholdybalina@kisi.kz

² ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ әдістемелік зертханасының басшы-

сы, PhD, (Астана, Қазақстан), e-mail: akhmetzharov@kisi.kz

³ ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ саяси зерттеулер бөлімінің басшысы, PhD, (Астана, Қазақстан), e-mail: toktarov_eb@kisi.kz

Аңдатпа. Мақала аясында жергілікті қауымдастықтарды дамытудың халықаралық тәжірибесіне талдау жүргізіліп, Қазақстан ауылдарында жергілікті қауымдастықтардың әлеуетін арттыру бойынша жеке әлеуметтік жобаларды іске асыру қарастырылып, сараптамалық сауалнама нәтижелері бойынша жергілікті деңгейде шешім қабылдау үдерісіне ауыл азаматтарын тартудың негізгі құралдары талдау жасалған. Сонымен қатар, ауылдардағы жергілікті қауымдастықтың әлеуетін арттыру бойынша ұсыныстар берілген.

Түйінді сөздер: ауыл, ауылдық қауымдастық, жергілікті өзін-өзі басқару, ауыл тұрғындары, қатысу, шешім қабылдау процесі, азаматтық қатысу, ҰЕҰ.

LOCAL COMMUNITIES IN RURAL AREA AS A FORM OF CIVIL ACTIVITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Alua Zholdybalina¹, Slyamzhar Akhmetzharov², Yermek Toktarov³

¹ Deputy Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD, (Astana, Kazakhstan), e-mail: zholdybalina@kisi.kz

² Head of the Methodological Laboratory of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD, (Astana, Kazakhstan), e-mail: akhmetzharov@kisi.kz

³ Head of Political Researches Department of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD (Astana, Kazakhstan), e-mail: toktarov_eb@kisi.kz

Abstract. Within the framework of the article, an analysis of international experience in the development of local communities was carried out, the implementation of individual social projects to increase the capacity of local communities in rural areas of Kazakhstan was considered, and, according to an expert survey, the main tools for involving rural citizens in the decision-making process at the local level were studied. In addition, recommendations are presented to increase the capacity of local communities in rural areas.

Keywords: village, rural community, local self-government, rural residents, participation, decision-making process, civic participation, NGOs.

Введение

В настоящее время сельские местности Казахстана находятся на острие общественно-политических процессов. **Во-первых**, государственная программа развития регионов на 2020-2025 годы расставляет акценты в

территориальном развитии, основываясь не на экономическом потенциале, а на человеческом капитале сел. В частности, в рамках программы, определяются «опорные села» по критерию наибольшего социально-демографического потенциала. Модернизация социально-инженерной инфраструктуры и поддержка предпринимательства в опорных селах предоставит значительный толчок развитию экономики села. **Во-вторых**, с 2018 года в Казахстане внедрен бюджет четвертого уровня, согласно которому все малые поселки с населением более 2-х тыс человек имеют возможность самостоятельно утверждать бюджет своего сообщества, определяя, на какие локальные проблемы будут потрачены средства. **В-третьих**, с 2021 года проходят прямые выборы акимов сельских округов и выборы стали важным этапом в развитии избирательной системы Казахстана.

Методы исследования

На основе контент-анализа зарубежных источников и публикаций на сайтах местных исполнительных органов в Казахстане по вопросам местных сообществ были выявлены наиболее актуальные тенденции развития сообществ на местах. Анализ статистических данных наряду с экспертным опросом позволили определить перспективы местных сообществ в селах Казахстана.

Результаты исследования и их обсуждение

Международный опыт развития местных сообществ в сельской местности

В международной практике под местным сообществом (local community) чаще всего понимается группа людей, проживающая на общей территории и имеющая общую историю, культуру, политические и экономические интересы. Иногда данное понятие совпадает с понятием коренного народа (indigenous people), который в силу проживания в сельской местности сталкивается с теми же вызовами, как и местные сообщества по всему миру.

Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) в документе «Rural 3.0. Основа для развития сельских районов» выделила 6 мега-трендов, с которыми сталкиваются все местные сообщества в сельских регионах. К ним относятся:

1. **Старение населения и миграция.** Общая тенденция старения населения в странах ОЭСР продолжается, и она более заметна в сельских регионах. Как следствие, возрастает конкуренция за таланты. Способность сельских сообществ предоставлять привлекательные предложения и интегрировать вновь прибывших мигрантов будет определять их способность решать проблемы старения и сокращения населения.

2. **Урбанизация.** Миграция из сельской местности в мегаполисы, а

также старение населения, особенно в отдаленных сельских районах, способствуют смещению политического баланса внутри стран в сторону мегаполисов. Среди тех, кто чувствует себя обделенным и кого не слышат, может возрасти политическое недовольство. Важно, учитывать интересы сельских жителей в процессе принятия решений.

3. *Глобальные сдвиги в производстве.* Производство крупными компаниями товаров и услуг все в большей степени рассредоточено по странам. Сельским регионам необходимо специализироваться и сосредоточиться на основных областях, в которых они смогут конкурировать в мировой экономике. Этому будет способствовать повышение конкурентоспособности за счет стимулирования инноваций и инвестиций в профессиональные навыки.

4. *Подъем развивающихся экономик.* Центр экономического притяжения, вероятно, продолжит смещаться в сторону Азии, Африки и Латинской Америки. Увеличение глобального среднего класса приведет к увеличению спроса на сырье, продукты питания и технологии из сельских районов. Страны с развивающейся экономикой будут проявлять все больший интерес к технологиям для повышения производительности сельского хозяйства, производства энергии и управления земельными и водными ресурсами более устойчивыми способами. Экспорт технических услуг и опыта на развивающиеся рынки может стать ключевым фактором роста сельской экономики.

5. *Изменение климата и давление на окружающую среду.* К 2050 году 60% мирового населения будет сталкиваться с проблемами воды. Больше внимания будет уделяться эффективному использованию ресурсов, а также разработке и распространению технологий, которые позволят достичь этого результата. Сельские районы могут воспользоваться этими тенденциями за счет инвестиций и технологий, связанных с возобновляемыми источниками энергии и циркулярной экономикой.

6. *Технологические прорывы.* Развитие новых технологий (цифровизация, автоматизация, искусственный интеллект и т.д.) приведет к появлению трудосберегающих технологий и продуктовых инноваций в сельском, лесном и горнодобывающем хозяйстве. Эти изменения также создадут новые рабочие места. Достижения в области коммуникационных технологий и цифровой грамотности откроют новые способы доступа к услугам, которые помогут преодолеть тиранию расстояния [1].

Между тем, в контексте развития потенциала местных сообществ высокая роль принадлежит международным организациям. Так, Всемирный Банк реализует программы развития по инициативе сообществ (Community-driven development - CDD). Данные программы работают на принципах прозрачности, участия, подотчетности и развития местного потенциала. При этом акцент делается на сообществах в регионах, с низким уровнем жизни. Как отмечает Всемирный Банк, при наличии четких и прозрачных правил,

доступа к информации и соответствующей технической и финансовой поддержке бедные сообщества могут эффективно организовываться для определения приоритетов сообщества и решения местных проблем. Им необходима работа в партнерстве с местными органами власти и другими учреждениями для создания небольших предприятий, строительства инфраструктуры и предоставления базовых услуг. Таким образом, подходы и деятельность в рамках CDD являются важными элементами эффективной стратегии сокращения бедности и устойчивого развития.

Всемирный Банк поддерживал CDD программы по доступу к чистой воде, строительству сельских дорог, школ и поликлиник, по питанию для матерей и младенцев и поддержку микропредприятий. Подход партнерства локальных сообществ с местными органами власти, в том числе **передача ресурсов под прямой контроль общественных групп**, привел к эффективному оказанию основных услуг и, при сохранении устойчивости в течение долгого времени, ощутимому сокращению бедности, особенно среди беднейших слоев населения. По состоянию на июнь 2020 года насчитывалось 327 активных проектов CDD в 90 странах, в том числе 71 страна, поддерживаемые Международной ассоциацией развития (МАР), на общую сумму 33 миллиарда долларов США (65% из которых приходятся на МАР) [2].

В **Индонезии** в 2018 году был запущен проект «Инвестирование в питание и ранние годы». Проект является флагманской инициативой правительства Индонезии по предотвращению задержки роста в детстве и инвестированию в человеческий капитал. Стратегия, запущенная вице-президентом Индонезии в августе 2017 года, обязывает 23 министерства, 514 региональных органов власти и 75000 деревень объединить усилия в области здравоохранения, водоснабжения и санитарии, дошкольного образования, социальной защиты, сельского хозяйства и продовольственной безопасности для домохозяйств с беременными матерями и детьми до 2 лет.

В **Афганистане** проект «Гражданская хартия в Афганистане» нацелен на охват 10 миллионов человек на первом этапе, обеспечивая людям доступ к основным услугам в области водоснабжения, дорог, ирригации, электричества и мониторинга образования и здравоохранения. Проект реализуется через подход к развитию, основанному на участии сообществ, направленный на повышение удовлетворенности граждан и доверия к правительству. В стадии реализации находятся 7 172 проекта водоснабжения, орошения, электроснабжения, транспорта, школ и другие. Афганистан использует проект «Гражданская хартия» для мобилизации местных сообществ на проведение кампаний по информированию общественности о COVID-19. Руководители деревень делятся жизненно важной информацией во время небольших собраний. Правительство расширяет программу вместе с проектом «Афганские общины и домашние хозяйства» (REACH), в рамках которого планируется охватить

90% территории страны, или 34 миллиона человек.

В **Боливии** действует проект общественных инвестиций в сельские районы на сумму 40 миллионов долларов. Цель проекта - борьба с крайней нищетой в сельских районах среди мелких землевладельцев, особенно среди коренного населения. С конца 2011 года в рамках проекта ответственность и ресурсы были переданы более чем 362 620 сельским жителям в 656 уязвимых общинах и поддержано 880 подпроектов по улучшению доступа к базовой и производственной инфраструктуре для сельских домохозяйств. На сегодняшний день проект расширил доступ к дорогам для более чем 29 866 человек, а также расширил и улучшил ирригацию для более чем 73 638 бенефициаров.

В **Марокко** Национальная инициатива по человеческому развитию (INDH) была запущена в 2005 году для улучшения условий жизни бедных и уязвимых групп за счет расширения экономических возможностей, улучшения доступа к базовым и социальным услугам и улучшения управления.

Некоторые страны в силу культурных и исторических особенностей сталкиваются с необходимостью решения вопросов коренного населения, которое чаще всего проживает в сельской местности. Например, в **Канаде** коренное население распределено неравномерно и проживает преимущественно в сельских регионах. Общины коренных народов в отдаленных сельских районах сталкиваются с рядом проблем, связанных с уровнем образования, жильем, водоснабжением и санитарией, а также цифровой связью. Совершенствование процессов обеспечения землевладения и инструментов для мобилизации потенциала ее развития создает новые экономические возможности для коренного населения Канады. Гарантированные права на землю повышают автономию, приносят доход и создают экономические возможности. Эти права проистекают из привязанности к земле, которая включает в себя материальное и культурное воспроизводство, которое предшествовало европейскому заселению.

Предприниматели из числа коренного населения более широко представлены в первичном секторе (пищевая и сельскохозяйственная, лесная и горнодобывающая промышленности), строительстве и других неторгуемых услугах и меньше представлены в более дорогих бизнес-услугах (например, в финансах и страховании, научных и технических услугах). Коренные народы, проживающие в сельских районах, сталкиваются с препятствиями для роста бизнеса: неделимость земель коренных народов, дискриминация и плохая кредитная история. Правительство Канады поддержало создание финансовых институтов аборигенов (AFI), специальных кредитных инструментов и программ поддержки бизнеса, а также политику преференциальных закупок для улучшения условий для предпринимательства коренных народов. Однако также необходимо привлечение частного капитала, предоставление более

качественного обучения предпринимательству и вспомогательные услуги, а также снизить барьеры для входа малых фирм на рынок государственных закупок.

В Швеции проживает коренной народ – саамы. Местное сообщество саамов важно для экономического развития и качества жизни на севере Швеции. Основными сферами саамского бизнеса являются оленеводство, туризм, культурный сектор и другие виды деятельности в сельской местности. В Швеции насчитывается около 3 900 оленеводов, а общий оборот отрасли оценивается примерно в 43 миллиона долларов США. Отрасль оленеводства ограничена такими факторами, как наличие хищников, питающихся северным оленем, изменение климата и конкурирующие виды землепользования (например, горнодобывающая промышленность). Растет сектор природного туризма с такими видами деятельности, как охота, рыбалка, катание на лыжах, снегоходах и собачьих упряжках, может создать новые источники дохода и возможности трудоустройства для саамов.

Инструменты вовлечения сельских граждан в процесс принятия решений в Казахстане

Согласно закону «О местном государственном управлении и самоуправлении в РК» от 23 января 2001 года № 1486 под **местным сообществом** понимается совокупность жителей (членов местного сообщества), проживающих на территории соответствующей административно-территориальной единицы, в границах которой осуществляется местное самоуправление, формируются и функционируют его органы [3].

В соответствии с Законом «Об административно-территориальном устройстве РК» от 8 декабря 1993 года № 2572-ХІІ селом является населенный пункт с численностью населения от 50 до 3000 человек [4]. По данным Бюро национальной статистики АСПиР РК всего в Республике Казахстан **6 316 сел, 2 186 сельских округа**, из которых 510 состоят из одного сельского населенного пункта. Численность сельского населения в Республике Казахстан по состоянию на 1 сентября 2022 года составляет **7 444 673 человек (38,8%)** [5]. Сельское население преобладает в Туркестанской, Алматинской и Жамбылской областях.

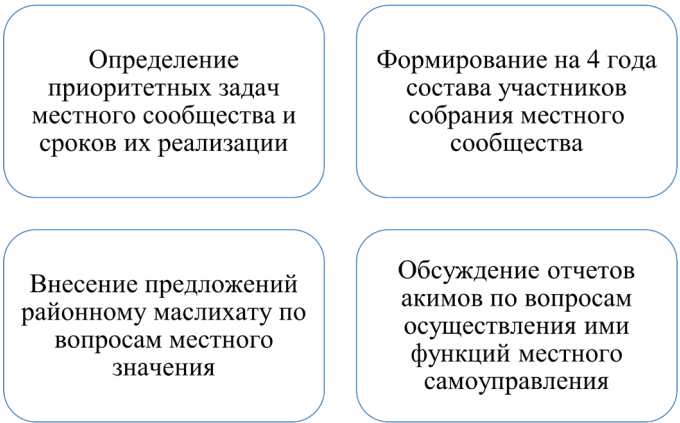
В настоящее время сельские граждане Казахстана имеют ряд инструментов участия в местном самоуправлении. Правовой основой вовлечения сельчан в процесс принятия решений является закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан», принятый в 2001 году.

В связи с отсутствием сельского маслихата, состав представителей местного сообщества от сельского округа формируется путем проведения сходов и собраний. Нужно отметить, что сельские округа, как правило, состоят из нескольких населенных пунктов, расположенных на достаточно большом расстоянии друг от друга. Собрать сход всех жителей в таких

округах представляется затруднительным. По этой причине, закон дает возможность отдельно в каждом населенном пункте провести раздельный сход для выбора его представителей [6].

По результатам раздельных сходов, формируется состав участников общего схода сельского округа, в котором пропорционально представлены все населенные пункты. Впоследствии, избранные представители населенных пунктов регулярно участвуют в таких сходах. В круг вопросов, обсуждаемых на сходах, входят следующие вопросы (рис.1).

Рисунок 1. Круг вопросов, обсуждаемых на сходах.

В целях оперативного решения вопросов в период между сходами, участники схода из своего состава определяют количество и избирают членов собрания местного сообщества. Собрания проводятся значительно чаще, чем сходы, и предназначены для обсуждения текущих вопросов местного значения. В компетенцию собраний входят (рис. 2).

Рисунок 2. Рамки компетенций собраний.

Решения сходов и собраний подлежат рассмотрению акимом. Аким может одобрить решение или выразить свое несогласие с ним. В случае согласия акима с решением, акимат обеспечивает исполнение решения схода/собрания. В случае несогласия акима с решением, проводится повторное обсуждение вопроса на сходе/собрании.

В свою очередь, в рамках действующего законодательства сельский аким обязан отчитываться о решении вопросов местного значения, разрабатывать и представлять на утверждение программу развития местного сообщества, объяснять принимаемые им решения.

Одним из путей повышения гражданской активности местных сообществ является грантовое стимулирование. В целях реализации социальных проектов и повышения потенциала местных сообществ в сельских территориях, МИОР РК реализуются государственные гранты. Оператором предоставления государственных грантов для указанных целей является НАО «Центр поддержки гражданских инициатив» (ЦПГИ). Нужно отметить, что ЦПГИ содействует реализации социальных проектов государства.

Анализ онлайн-платформы ЦПГИ позволяет рассмотреть практики реализации социальных проектов по разным направлениям в сельской местности, позитивно влияющих на потенциал местных сообществ [7]. Вот некоторые из них:

В Костанайской области инициативной группой «Живой родник» на средства мини-гранта в Михайловском сельском округе отремонтированы подъездные пути, площадка перед востребованным родником, также был произведен ремонт места забора воды. В селе Карасу Карасуского района ОО «Детский центр «Полюс» (отряд скаутов) выиграло грант в 500 000 тенге на реализацию проекта «Вторая жизнь плотине». В рамках данного проекта был построен плавучий пир, спасательный пост, реконструирована плотина, и подготовлена пляжная зона для сельчан.

В Кызылординской области в рамках гранта организованы вебинары для 262 участников по следующим тематикам – «Заманауи маркетинг», «Управление проектами», «Фандрайзинг және ҮЕҰ тұрақтылығы», «Стратегическое планирование», «Қаржылық сауаттылық, бухгалтерлік және салық есебі», «Мониторинг және бағалау», «Социальное предпринимательство», «Дизайнерлік ойлау, Сыни ойлау», «Көшбасшылық және өзіңөзі дамыту».

В Жамбылской области проект «Ремонт прогулочных и комнатных колясок» в с. Толе-би Шуйского района помог из 126 инвалидов колясочников охватить 46% или 58 человек. Для бенефициаров собрали из старых колясок 15 обновленных, кроме того провели текущий ремонт имеющихся колясок. По проекту ИГ «Скандинавские палочки» в Шуйском районе дети с инвалидностью вовлекались в производство скандинавских палок для ходьбы, что позволило им активнее участвовать в жизни общества, не-

которые получили работу.

В Кызылординской области благодаря участию инициативной группы «Тарлан» в проекте было закуплено необходимое для занятий дзюдо снаряжение и одежда для участников: 15 татами ковриков, комплекты ки-моно, гантели, спортивный канат, также были закуплены медали для награждения отличившихся учеников во время проведения конкурсов и соревнований. Вместе с тем, инициативная группа «Достык» с помощью гранта в 500 000 тенге помогла жителям Жалагашского района решить проблему с повсеместной загрязненностью территории мусором, а также подготовкой к отопительному сезону.

Таким образом, реализация социальных проектов в рамках грантовой деятельности позволяет повышать потенциал местных сообществ в сельских территориях Казахстана. Выделение грантов для сельских активистов и НПО позволяет собственными силами решать частично актуальные проблемы села. Однако, необходимо отметить, что малое количество НПО в сельских территориях препятствует полноценной реализации социальных проектов на селе и детальному решению проблем местного значения.

Результаты экспертного опроса

Однако, несмотря на наличие законодательной платформы участия граждан в местном самоуправлении, среди сельских граждан наблюдается пассивность и незаинтересованность в участии в решении вопросов местного значения. По мнению экспертов, основными препятствиями активному участию жителей в местном самоуправлении являются:

1. **Недостаточно высокая правовая грамотность населения.** Гражданская активность требует высокой правовой культуры, без которой не могут быть реализованы в полной мере права и свободы человека. Однако, согласно экспертным оценкам, среди сельских жителей наблюдается недостаток знаний о своей роли в обсуждении вопросов местного значения.

2. **Малый практический опыт участия в управлении.** По мнению экспертов, в сельской местности Казахстана преобладают патерналистские настроения. Многие сельчане считают, что решение местных проблем целиком и полностью возлагается на акиматы. Кроме того, иждивенческие настроения сельчан проявляются посредством их высоких ожиданий в отношении социальной поддержки со стороны государства. В свою очередь, это приводит к безразличию к общественным делам.

3. **Неустойчивое социально-экономическое положение сельских граждан.** Согласно экспертным оценкам, слабая гражданская активность сельских граждан также обусловлена сложной социально-экономической ситуацией на селе. По мнению экспертов сельчане прежде всего обеспокоены решением своих материальных вопросов нежели участием в общественных делах.

4. **Отсутствие четкой и понятной информации касательно трат и расходов местных бюджетов.** Начиная с 2011 года, государственные ор-

ганы в Казахстане обязаны разрабатывать и размещать на своих сайтах «гражданский бюджет» — документ, который предназначен для ознакомления граждан с основными направлениями государственного бюджета. Применение инфографики и доступного языка должно способствовать повышению прозрачности и доступности основной бюджетной информации рядовому пользователю. Однако, на практике госорганы, включая местные органы власти, зачастую не обрабатывают бюджетные данные для представления их в доступном для восприятия пользователем виде. Сельским гражданам становится непонятно, каким образом осуществляется аккумулярование, распределение и использование общественных ресурсов. В свою очередь, это является препятствием для вовлечения сельчан в решение социально-значимых вопросов.

5. Низкая обеспеченность расходов сельских бюджетов собственными доходами в рамках 4-го уровня бюджетов. Внедрение бюджетов 4-го уровня с 1 января 2020 года в городах районного значения, селах, поселках и сельских округах не приносит высокого уровня финансовой самостоятельности сельским территориям ввиду необходимости переводить часть своих средств в бюджеты районного и городского уровня, а также узкого списка налоговых поступлений в местный бюджет. В настоящее время, перечень видов налоговых поступлений в местный бюджет ограничивается пятью позициями: ИПН, налог на имущество физических лиц, налог на транспортные средства, земельный налог и плата за размещение наружной рекламы. Это приводит к тому, что бюджеты сельских округов, сел и поселков более чем на 75% остаются дотационными. Другим недостатком в разработке бюджетов четвертого уровня является отсутствие гендерного подхода, который учитывает потребности населения, обеспечивает справедливую бюджетную политику и содействует снижению неравенства между женщинами и мужчинами, повышает прозрачность, адресность услуг. Нужно отметить, что все указанные проблемы местного бюджета ведут к отсутствию возможности оперативного решения социальных проблем на селе. В свою очередь, это негативно влияет на реализацию решений, принятых на собраниях и сходах местного сообщества. Среди сельских граждан появляется мнение о декоративной роли данных институтов в связи с их неспособностью повлиять на решение социальных проблем

Выводы

Во всех указанных реформах ключевым фактором успеха является участие людей. Для продуктивного и эффективного участия необходимо, чтобы люди были объединены общими интересами – в местное сообщество. Широкое вовлечение местных сообществ в решение проблем местного уровня является прочным фундаментом системы местного самоуправления. Гражданская активность жителей на сельском уровне стимулирует

региональные власти к достижению поставленных целей и эффективной реализации социально-экономической политики на местах.

В целях повышения потенциала местных сообществ к участию в общественной жизни села, целесообразно масштабировать позитивный опыт реализаций социальных проектов в селах на другие сельские территории. Нужно увеличить количество лотов и грантов по вопросу вовлечения граждан в процессы местного самоуправления. Получаемые сельскими НПО малые гранты не позволяют произвести широкое влияние на все местное сообщество. Важно рассмотреть возможность укрупнения успешных социальных проектов путем предоставления грантов большего размера (до 5 млн тенге) сельским НПО, которые показали конкретные результаты и имеют положительные отзывы бенефициаров.

В целях распространения в регионах лучших практик решения проблем местных сообществ в селах необходимо стимулировать процесс обмена опытом местных сообществ. Для этого, целесообразно провести Республиканский форум сельских НПО и общественных объединений. Мероприятие позволит консолидировать гражданское общество на местах, осветить работу активных граждан в селах, презентовать туристический потенциал казахстанских сел, а также сделает вклад в укрепление позитивного образа сельской жизни.

Целесообразно оказывать грантовую помощь сельским НПО и общественным объединениям, проводящих обучение сельчан и оказывающих им консультативную помощь по финансовым, правовым и другим вопросам. Для повышения эффективности обучения необходимо определить целевые группы сельчан и провести оценку их потребностей, а в обучении применять интерактивные методы с использованием современных каналов коммуникаций. Кроме того, необходимо рассмотреть возможность обучения специалистов акиматов, непосредственно взаимодействующих с местным сообществом. Это позволит расширить участие населения в обсуждении и решении вопросов местного значения.

Источник финансирования исследований

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант No. AP09057996).

Список источников

1. Rural 3.0. Highlights people-centred rural policy <https://www.oecd.org/rural/rural-development-conference/documents/Rural-3.0-Policy-Highlights.pdf>
2. World Bank Group Strategy for Fragility, Conflict, and Violence 2020–2025 <https://documents1.worldbank.org/curated/en/844591582815510521/pdf/World-Bank-Group-Strategy-for-Fragility-Conflict-and-Violence-2020-2025.pdf>
3. Закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в РК» от 23 января 2001 года № 1486 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_

4. Закон «Об административно-территориальном устройстве РК» от 8 декабря 1993 года № 2572-XII https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930004200_
5. Краткие итоги / на казахском и русском языках / Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. https://stat.gov.kz/for_users/national/2020. - С.5
6. Закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в РК» от 23 января 2001 года № 1486 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_
7. Сайт «Центр поддержки гражданских инициатив» (ЦПГИ) // <https://cisc.kz/projects>

References

1. Rural 3.0. Highlights people-centred rural policy <https://www.oecd.org/rural/rural-development-conference/documents/Rural-3.0-Policy-Highlights.pdf>
2. World Bank Group Strategy for Fragility, Conflict, and Violence 2020–2025 <https://documents1.worldbank.org/curated/en/844591582815510521/pdf/World-Bank-Group-Strategy-for-Fragility-Conflict-and-Violence-2020-2025.pdf>
3. Закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в РК» от 23 января 2001 года № 1486 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_
4. Закон «Об административно-территориальном устройстве РК» от 8 декабря 1993 года № 2572-XII https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930004200_
5. Краткие итоги / на казахском и русском языках / Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. https://stat.gov.kz/for_users/national/2020. - С.5
6. Закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в РК» от 23 января 2001 года № 1486 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_
7. Сайт «Центр поддержки гражданских инициатив» (CPGI) // <https://cisc.kz/projects>

МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВНУТРЕННИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА

Айгуль Садвокасова^{1*},
Петр Казмиркевич²,
Бауыржан Баглай³,
Корлан Муслимова⁴

¹ доктор социологических наук, Executive visitor Scholar of Maxwell Scholl of Citizenship and Public Affairs of Syracuse University, USA, e-mail: aigul.sad.astana@gmail.com

² МА международный эксперт МОМ, Польша, Варшава, e-mail: peteralbert72@gmail.com

³ Магистр международных отношений, Академия государственного управления при Президенте РК, Казахстан, Астана, e-mail: bauyrzhan.baglay@apa.kz

⁴ старший преподаватель Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, Казахстан, Караганда, e-mail: korlan0709@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.03>

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы внутренней миграции в Республике Казахстан. На основе вторичного анализа данных, полученных авторами в рамках оценки программы переселения по инициативе и при поддержке Международной организации по миграции в 2021 году [1], были изучены социальная адаптация внутренних переселенцев, их интеграция в принимающее общество, а также государственная политика в сфере миграции и управления миграционными процессами в стране. Методологическую основу исследования составили результаты социологического опроса переселенцев (N=354), глубинных интервью со специалистами центров занятости, государственных служащих, работающих в регионах прибытия и выбытия и в центральных министерствах. Для сравнения некоторые по некоторым параметрам были использованы результаты опроса студентов (N=150), обучающихся по программе «Серпін».

Ключевые слова: миграция, адаптация, программа переселения Казахстана «Юг-Север», студенческая молодежь программы «Серпін»

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ІШКІ МИГРАНТТАР МЕН СТУДЕНТТЕРДІҢ МИГРАЦИЯСЫ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК БЕЙІМДЕЛУІ

Айгүл Сәдуақасова^{1*}, Петр Казмиркевич², Бауыржан Бағлай³, Қорлан Мүслімова⁴

¹ әлеуметтану ғылымдарының докторы, Executive visitor Scholar of Maxwell School of Citizenship and Public Affairs of Syracuse University, USA, e-mail: aigul.sad.astana@gmail.com

² МА халықаралық сарапшы ХҚҰ, Польша, Варшава, e-mail: peteralbert72@gmail.com

³ халықаралық қатынастар магистрі, ҚР Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару Академиясы, Қазақстан, Астана, e-mail: bauyrzhan.baglay@apa.kz

⁴ Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің аға оқытушысы, Қазақстан, Қарағанды, e-mail: korlan0709@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы ішкі көші-қон мәселелері қарастырылған. 2021 жылы Халықаралық көші-қон ұйымы бастамашылық еткен және қолдаған қоныс аудару бағдарламасын бағалау шеңберінде авторлар алған мәліметтерді қайталама талдау негізінде, ел ішінде қоныс аударғандар әлеуметтік бейімдеу, оларды қабылдаушы қоғамға біріктіру, сондай-ақ елдегі көші-қон саласындағы мемлекеттік саясат және көші-қон процестерін басқару. Зерттеудің әдістемелік негізі мигранттар арасында жүргізілген социологиялық сауалнаманың нәтижелері (N=354), халықты жұмыспен қамту орталықтарының мамандарымен, келу және кету аймақтарында және орталық министрліктерде жұмыс істейтін мемлекеттік қызметшілермен тереңдетілген сұхбаттарю Кейбір сұрақтарды салыстырмалы түрде көрсету үшін «Серпін» бағдарламасы бойынша оқитын студенттер арасында сауалнама жүргізу болды (N=150).

Түйін сөздер: көші-қон, бейімделу, Қазақстандағы Оңтүстік-Солтүстік қоныстандыру бағдарламасы, «Серпін» бағдарламасы бойынша оқитын жастар

MIGRATION AND SOCIAL ADAPTATION OF INTERNAL MIGRANTS AND STUDENTS IN KAZAKHSTAN

Aigul Sadvokassova^{1*}, Petr Kazmirkevich², Bauyrzhan Baglay³, Korlan Muslimova⁴

¹ Doctor of Sociology, Executive visitor Scholar of Maxwell School of Citizenship and Public Affairs of Syracuse University, USA, e-mail*: aigul.sad.astana@gmail.com

² MA international expert of IOM, Poland, Warsaw, e-mail: peteralbert72@gmail.com

³ Master of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Astana, e-mail: bauyrzhan.baglay@apa.kz

⁴ Senior lecturer of the E.A. Buketov Karaganda University, Kazakhstan, Karaganda, email: korlan0709@mail.ru

Abstract. This article discusses the issues of internal migration in the Republic of Kazakhstan. The researchers based on a secondary analysis of data obtained by as part of an assessment of the resettlement program initiated and supported by the International Organization for Migration in 2021. The social adaptation of internally displaced persons, their integration into the host society, as well as public policy was studied in the field of migration and management of migration processes in the country. The methodological basis of the study was the results of a sociological survey of migrants (N=354), in-depth interviews with specialists from employment centers, civil servants working in the regions of arrival and departure and in central ministries. and students a survey of students (N=150) of the “Serp” program.

Keywords: migration, adaptation, “South-North” resettlement program of Kazakhstan, youth, who studying on “Serp” program.

Введение

Правительство Казахстана реализует программу эффективной занятости, в том числе с учетом потребностей в трудовых ресурсах внутренних регионов. Необходимость введения мер по улучшению ситуации на рынках труда северных регионов оправдывает ряд структурных демографических и экономических факторов. Так, по прогнозным данным, к 2050 году численность населения Казахстана будет составлять 24,5 миллиона человек [1]. При этом на севере страны численность населения может сократиться на 0,9 миллиона человек, а на юге вырастет на 5,3 миллиона человек.

По данным Министерства труда и социальной защиты населения РК «За последние пять лет в северных регионах, кроме Акмолинской области, сохраняется ежегодная тенденция снижения численности населения. Кроме того, в северных регионах из-за низкого коэффициента рождаемости наблюдается тенденция старения населения. Например, общий коэффициент естественного прироста населения в Северо-Казахстанской области составляет 1,14 пункта, что более чем в 10 раз меньше республиканского показателя. При сохранении этой тенденции к 2022 году в северных регионах страны прогнозируется снижение доли лиц, входящих в состав рабочей силы, с 59 процентов до 50 процентов, и увеличение доли лиц, не входящих в состав рабочей силы, с 41 процента до 50 процентов» [2].

Ежегодно численность населения в северных регионах страны умень-

шается, что приводит к депопуляции и «оголению» территории. К примеру, с октября 2020 года в Костанайской области численность населения сократилась на 6,3 тыс. человек, в Павлодарской области стало меньше на 2,6 тыс. человек, а в Северо-Казахстанской области уменьшилось на 5,39 тыс. жителей. В это время население южных регионов Казахстана продолжает расти. Численность жителей Туркестанской области с начала 2021 года увеличилась на 28,6 тыс. человек — до 2 066,6 тыс. (по состоянию на конец октября 2021 г.) [3]. Этот показатель почти в четыре раза больше, чем живет в почти сравнимой по площади Северо-Казахстанской области. Данный демографический дисбаланс может привести к тому, что к 2050 году 55% населения (5,2 миллион человек) будет проживать на юге страны [4]. В то же время, за 2014–2018 годы количество внутренних мигрантов выросло вдвое. Столь резкий рост внутренней миграции отражает дифференциацию регионов в экономическом и социальном плане.

Также высоки миграционные потери северных и восточных регионов Казахстана. Наибольший уровень внешней миграции приходится на Карагандинскую и Костанайскую области [5]. К примеру, начиная с 2015 года отрицательное сальдо внешней миграции среди трудоспособного населения составило в сумме 87,7 тыс. чел., т.е. **ежегодно страна теряет более 14 тыс. потенциальной рабочей силы**. В региональном разрезе лидерами по оттоку трудоспособного населения за пределы РК стали Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская и Павлодарская области. В этих регионах темпы выбытия были настолько высоки, что, к примеру, в период с 2015 по 2020 годы число прибывших в Карагандинскую область составляло всего 11% от всех выбывших [6].

«Государственная программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы «Еңбек» была направлена, в том числе, на выравнивание региональных диспропорций труда, стимулирование мобильности трудовых ресурсов. Государственная поддержка участников данной программы включает предоставление субсидий на: переезд, возмещение расходов по найму (аренде) жилья и оплату коммунальных услуг в течение 12 месяцев. В 2017–2019 годах планировалось переселить 2,7 тыс. человек, в 2020 г. – 3 тыс. человек и в 2021 г. – 3,2 тыс. человек по данной программе. На сегодня переезд осуществляется в Восточно-Казахстанскую, Северо-Казахстанскую, Костанайскую и Павлодарскую области. С 1 января 2020 года в регионы прибытия оралманов и переселенцев были включены Акмолинская и Карагандинская области. По официальным данным, за январь–сентябрь 2018 года 1919 семей (7 144 человек) были переселены по программе трудовой мобильности [7]. По состоянию на 1 июля 2020 года, 3019 человек в составе 853 семей из трудноизбыточных южных регионов переселились в северные регионы.

Как указывают данные СМИ, более половины переселенцев переехали в Павлодарскую – 31%, Восточно-Казахстанскую – 27%, Северо-Казахстан-

скую – 22%, Костанайскую области – 16%. Большинство из них выехали из Туркестанской области – 36%, из Алматинской – 28%, из Жамбылской – 15%, из Кызылординской – 13,5%, из Мангистауской области – 2,7% [8].

По состоянию на 1 ноября 2021 г в рамках мобильности трудовых ресурсов переселено 1 814 семей или 6 201 человек, 42% переселенцев, или 2610 человек, трудоспособного возраста. Из них трудоустроены 1886 человек или 70%. Кроме того, 130 человек заняты предпринимательской деятельностью и 8 человек охвачены обучением на новом месте жительства [8].

Ежегодно правительством определяется квота внутреннего переселения с учетом потребности в трудовых ресурсах регионов и работодателей. В целом в рамках программы инициируется переезд тех граждан, которые соответствуют существующему запросу на рынке труда. Зачастую речь идет о потребности в высококвалифицированных специалистах.

Растущая миграция отражается на новом поколении человеческого капитала страны. Эксперты утверждают, что на данный момент очень актуален вопрос интеллектуальной эмиграции, так как такая «утечка мозгов» идет вкупе со снижением уровня человеческого капитала и соответственно спадом производительности труда в целом [9]. Кроме того, невзирая на пандемию и карантинные ограничения на высоком уровне остаётся образовательная миграция из Казахстана.

Еще ранее, в 2014 году, была запущена республиканская программа «Серпін – 2050» в рамках проекта «Мәңгілік ел жастары – индустрияға» с целью равномерного распределения образовательных ресурсов и содействия трудовой занятости молодежи. В связи с этим был выработан механизм реализации данной программы – образовательная миграция молодежи в особенности из южных областей Казахстана в северные, западные и восточные регионы страны.

Были отобраны те южные доноры-регионы, уровень трудовой занятости которых составляло норму, а то и переизбыток, – это Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области. В качестве принимающих сторон, испытывающих нехватку рабочих кадров, выступили Акмолинская, Актюбинская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области.

Проект реализуется Министерством просвещения Республики Казахстан (МП РК), акиматами областей и города Астана. С 2014 года ежегодно за счёт республиканского бюджета выделяются государственные образовательные гранты абитуриентам для обучения в высших учебных заведениях (вузах) и в организациях технического и профессионального образования (ТиПО). В 2014-2015 гг. было выделено 2050 грантов, в том числе вузам – 1050 мест (поступили 540 человек), ТиПО – 1000 мест. В 2015-2016 гг. – 6200 грантов: вузам – 5000 мест, ТиПО – 1200 мест. В 2016-2017 гг. поступили в вузы 1578 человек. В 2017-2018 гг. – 4513 грантов:

вузам – 3793 места, ТиПО – 720 мест. В 2019 году из 5000 грантов по программе «Серпін» было освоено 2400 грантов. По сведениям СМИ, в 2018 году окончили вуз 931 студент, а в 2019 году – 4000. Согласно МП РК, в 2018 году было трудоустроено 50% выпускников данной программы. В 2018 году из Павлодара уехали 70% выпускников, т.е. из 67 вернулись в южные области 47 человек. Таким образом, наблюдается низкая степень закрепленности выпускников, окончивших учебное заведение по госпрограмме «Серпін», в принимающих областях.

Методология исследования

Теоретические рамки. Данная статья основывается на методологии оценки МОМ программы переселения «Юг-Север». Как указывалось, выше, группа оценки МОМ выработала подход, базирующийся на «теории изменений». Понимание того, что такие факторы как географическая удаленность, различия в климате и структуре расселения, различия на рынках труда, незнание местных культурных и социальных условий имеют существенное значение для успешной адаптации к новому месту прибытия. При этом для Казахстана, как страны с огромной территорией, высоким уровнем дисперсности ставит общий комплекс задач по адаптации и реинтеграции переселенцев. Согласно определению МОМ, *“реинтеграция может считаться устойчивой, когда возвращенцы достигли уровня экономической самодостаточности, социальной стабильности в своих общинах и психосоциального благополучия, которые позволяют им справляться с движущимися силами (ре)миграции”* [10].

Исходя из данного понимания, авторы доклада МОМ отмечают, что любая схема реинтеграции должна учитывать целый ряд проблем. Для этого весь процесс переселения был разделен на четыре этапа и детально проанализирован: до отъезда, первоначальное предоставление услуг в пункте назначения, индивидуальная помощь лицам с особыми потребностями и обеспечение устойчивости/сокращение факторов ремиграции.

Методология исследования включает количественный опрос внутренних переселенцев - участников программы переселения Юг-Север, а также для сравнения отдельных данных был проведен опрос студентов, обучающихся по программе «Серпін». Качественное исследование проведено в формате глубинного интервью с бенефициарами программы, работниками центров занятости и государственных управлений занятости для выявления факторов уязвимости, определения различий в проблемах интеграции между различными группами бенефициаров, выявления барьеров в процессе оказания помощи.

Участниками программы, согласно Правилам добровольного переселения лиц для повышения мобильности рабочей силы [11] являются граждане Республики Казахстан из числа лиц, ищущих работу, безработного, самостоятельно занятого населения, а также молодежь в возрасте до двадцати лет.

цати девяти лет, в том числе прошедшие обучение по программе «Серпін», кандасы (оралманы) и переселенцы, прибывшие в регионы, определенные Правительством РК, и включенные в региональную квоту приема, прибывших для постоянного проживания и иные категории граждан.

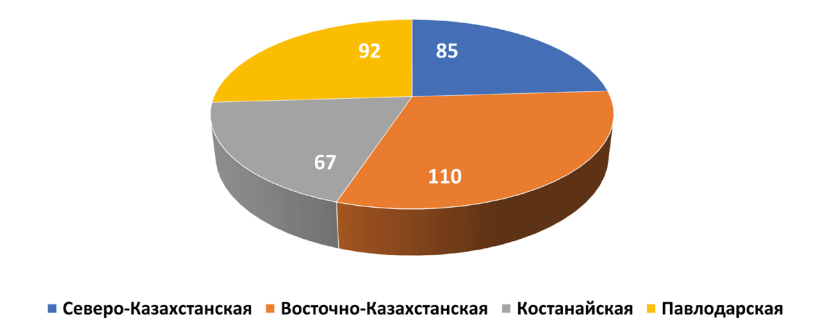
Согласно официальной статистике в период с 2017-2021 г. планировалось охватить 11,4 тыс. семей оралманов (кандасов) и переселенцев. К 2021 г. 96% переселенцев из числа трудоспособных должны быть трудоустроены (табл.1)

Таблица 1. Официальные индикаторы программы переселения:

Задача 2. Повышение мобильности трудовых ресурсов								
	Показатели результатов:			2017	2018	2019	2020	2021
1)	Количество семей оралманов и переселенцев, охваченных мерами социальной поддержки в рамках повышения мобильности трудовых ресурсов	Тыс. чел.	МИО	2.7	2.7	2.7	3	3.2
2)	Доля трудоустроенных из числа трудоспособных переселенцев	%	МЗСР, МИО	90	92	94	95	96

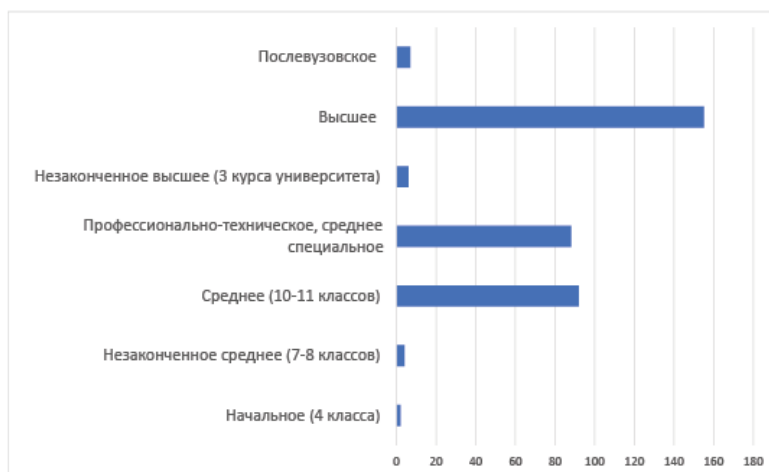
Выборка количественного опроса была рассчитана на основе данных, отраженных в Плате мероприятий по реализации Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы [12] (Таб. 1). По официальным данным, за январь-сентябрь 2018 года 2019 семей (7 144 человек) были переселены по программе трудовой мобильности. По состоянию на 1 июля 2020 года, 3019 человек в составе 853 семей из трудоизбыточных южных регионов переселились в северные регионы [13].

Рисунок 1. Количество опрошенных бенефициаров в регионах прибытия, всего 354

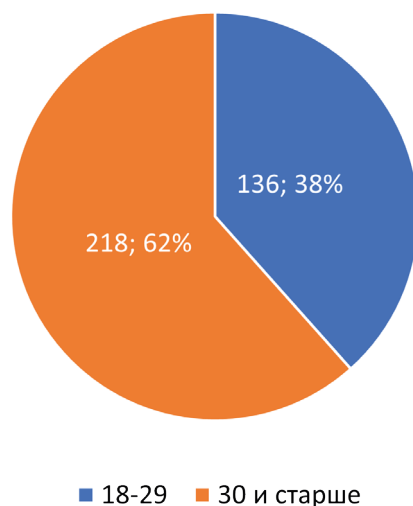
Одним из факторов успешности интеграции в принимающее общество по мнению экспертов является наличие специальности [14]. В опросе приняло участие около 45% выпускников вузов и 27,7% не имеющих полного среднего образования (рис. 2).

Рисунок 2. Уровень образования опрошенных бенефициаров

В выборке представлено более 38% респондентов моложе 30 лет (рис. 3).

Рисунок 3. Возраст опрошенных бенефициаров

Всего в опросе приняли участие 171 женщина, что составляет 48,3% всей выборки. Значительную долю составили домохозяйки, в том числе 25 женщин, находящиеся в декретном отпуске (14,6% от всех опрошенных женщин).

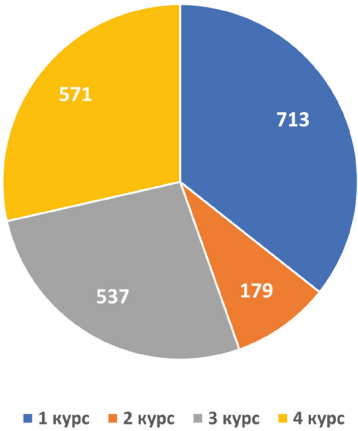
Таблица 3. Гендерный состав опрошенных бенефициаров программы переселения «Юг-Север», %

Области	Мужчины	Женщины
ВКО	46,4%	53,6% (включая 13,6% домохозяйек/находящихся в декретном отпуске)
СКО	51,8%	48,2% (включая 9,8% домохозяйек/находящихся в декретном отпуске)
Павлодарская	58,7%	41,3% (включая 15,8% домохозяйек/находящихся в декретном отпуске)
Костанайская	50,7%	49,3% (включая 15,2% домохозяйек/находящихся в декретном отпуске)

Углубленные интервью с бенефициарами программы и государственными должностными лицами проводились в регионах прибытия и выбытия переселенцев.

Всего было проведено 37 интервью с представителями Министерства труда и социальной защиты и местных исполнительных органов.

Рисунок 4. Обучающиеся по программе «Серпін» в КарГУ им. Е. Букетова в 2021-2022 уч.г. (всего 2000 чел.)

Были опрошены студенты, обучающиеся в Карагандинском государственном университете им. Е. Букетова по программе «Серпін» [15]. Данный университет принимает студентов с 2017 года. Всего опрошено 150 респондентов.

Рисунок 5. Возраст опрошенных респондентов, %

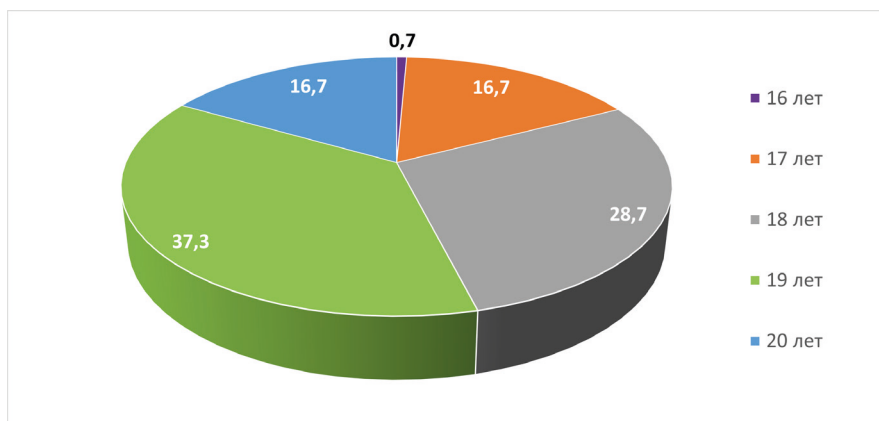
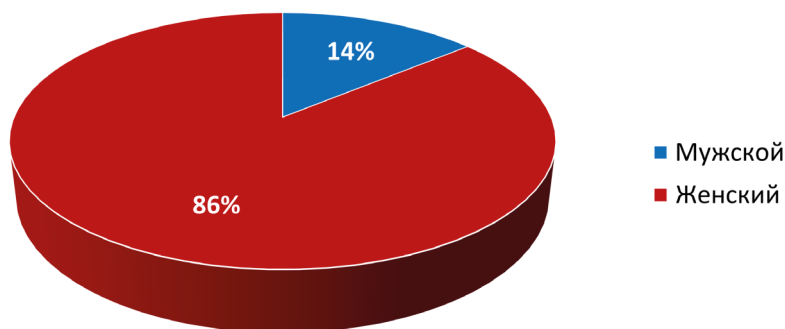

Рисунок 6. Гендерный состав респондентов, %

Результаты исследования

В данной статье акцентируется внимание на трех аспектах устойчивой интеграции внутренних переселенцев и студентов: психологические потребности, общинные связи и поддержка, расширение прав и возможностей, языковая и культурная интеграция.

Устойчивая интеграция переселенных лиц

Общая самооценка интеграции

Для оценки долгосрочных результатов интеграции респондентам необ-

ходимо было ответить на несколько вопросов, касающихся текущего уровня общей адаптации к новой среде, чувства, испытываемые в процессе переселения, а также чувства принадлежности к новому месту жительства. Оценка стремилась охватить как субъективный аспект (общее психологическое благополучие), так и более объективный (конкретные социально-экономические проблемы). При анализе данных, в частности учитывались три фактора – географическое местоположение, в которое человек был переселен, тип поселения предыдущего проживания и пол. Значительные различия наблюдались в отношении двух последних факторов, которые также были взаимосвязаны, поскольку опрошенные женщины чаще, чем мужчины, проживали в городских районах до отъезда, но больше из них приезжали жить в сельские районы в регионах назначения.

Психологические аспекты

Психологический аспект адаптации внутренних мигрантов оценивался через вопрос: „Было ли вам сложно привыкать к жизни на новом месте жительства?” Подавляющее большинство (от 88,2% в Восточном Казахстане до примерно 90% в трех других регионах) утверждают, что адаптировались к новой среде (таблица 6). Менее чем от 6,5% до 9,1% жителей четырех регионов сообщают о продолжающихся трудностях адаптации. Сложность привыкания чаще отмечается переселившимися в Восточно-Казахстанскую область. Эти сложности, согласно ответам респондентов, связаны в большей степени с поиском и приобретением в собственность жилья. Так, 24,5% (27 респ.) столкнулись с проблемой поиска жилья и 19,1% (21 респ.) - с приобретением жилья в собственность.

Таблица 6. Легкость адаптации на новом месте по регионам прибытия (% опрошенных)

БЫЛО ЛИ ВАМ СЛОЖНО ПРИВЫКАТЬ К ЖИЗНИ НА НОВОМ МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА?

		Привыкать было легко, сложностей не было	Было немного сложно, но уже привык(ла)	Да, очень сложно и до сих пор не могу привыкнуть	Затрудняюсь ответить
СКО	Количество	35	42	6	2
	%	41,2	49,4	7,1	2,3
ВКО	Количество	39	58	10	3
	%	35,5	52,7	9,1	2,7
Костанайская область	Количество	33	27	5	2
	%	49,3	40,3	7,4	3,0
Павлодарская область	Количество	53	31	6	2
	%	57,6	33,7	6,5	2,2

	Количество	160	158	27	9
ВСЕ ОБЛАСТИ	%	45.2	44.6	7.6	2.5

$N=354$.

Для студентов, исходя из опроса, адаптация проходила сложнее. 66,7% опрошенных ответили, что было сложно, но уже привыкли. И этот показатель несколько выше, чем у опрошенных участников программы переселения (табл. 6, 7).

Таблица 7. Легкость адаптации на новом месте студентов
(% опрошенных)

БЫЛО ЛИ ВАМ СЛОЖНО ПРИВЫКАТЬ К ЖИЗНИ НА НОВОМ МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА?

		Привыкать было легко, сложностей не было	Было немного сложно, но уже привык(ла)	Да, очень сложно и до сих пор не могу привыкнуть	Затрудняюсь ответить
ВСЕГО	Количество	39	93	16	2
	%	26,0	62,0	10,7	1,3

$N=150$

Существенным критерием оценки адаптации можно считать высокий уровень удовлетворенности бенефициаров качеством жизни на новом месте. Новые жители Восточно-Казахстанской, Павлодарской областей показывают высокий уровень удовлетворенности своим свободным времяпровождением, образованием, которое получают дети, доходом, своим питанием, здоровьем (табл.8).

Таблица 8. Удовлетворенность жизнью на новом месте
(опрос бенефициаров), %

ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СТЕПЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ УСЛОВИЯМИ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

	СКО			ВКО			Костанайская			Павлодарская		
	Удовл.	Неудовл.	З/О	Удовл.	Неудовл.	З/О	Удовл.	Неудовл.	З/О	Удовл.	Неудовл.	З/О
Свободное времяпровождение	56,5	22,4	21,2	--	--	--	89,6	70,5	--	88,0	80,7	30,3
Образованием, которое получают дети	64,7	14,1	21,2	76,4	20,7	20,9	91,0	--	--	84,8	10,9	40,3

	СКО			ВКО			Костанайская			Павлодарская		
	Удовл.	Не-удовл.	З/О	Удовл.	Не-удовл.	З/О	Удовл.	Не-удовл.	З/О	Удовл.	Не-удовл.	З/О
Доход домохозяйства	51,8	25,9	22,4	68,2	10,9	20,9	85,1	--	--	81,5	14,1	40,3
Здоровье	71,8	90,4	18,8	84,5	70,3	80,2	89,6	--	40,5	89,1	90,8	10,1
Качество и рацион питания	74,1	10,6	15,3	84,5	70,3	80,2	88,1	9--	3--	89,1	90,8	10,1
Жилищные условия	47,1	36,5	16,5	68,2	17,3	14,5	76,1	19,7	40,5	77,2	21,5	11,6
Качество воды	65,9	--	14,1	81,8	13,6	40,5	68,7	29,9	10,5	82,6	13,0	40,3
Доступность и качество обслуживания общественного транспорта	40,0	34,1	25,9	--	31,8	80,2	62,7	31,3	6-	73,9	17,4	80,7
Качество дорог своей местности	31,8	54,1	14,1	52,7	36,4	10,9	67,2	25,4	70,5	38,7	80,7	70,6
Доступность и качество обслуживания медицинских учреждений	55,3	29,4	15,3	64,5	23,6	11,8	82,1	13,4	40,5	87,0	12,0	10,1

В аналитическом исследовании экспертов МОМ указывается на успешность адаптации в зависимости от типа предыдущего поселения мигрантов: «Трудности адаптации чаще отмечались среди лиц, которые до отъезда жили в сельской местности (52,6% из них сообщили о “некоторых трудностях” по сравнению с 44,6% для всей выборки) (табл. 9). В это время жители малых и средних городов с наименьшей вероятностью сообщали о существенных трудностях адаптации (16,7%), что может быть результатом переселения в населенные пункты аналогичного размера». Это предположение требует более масштабного исследования, т.к. небольшой размер выборки не позволяет углубиться в более подробные причины таких затруднений.

Таблица 9. Легкость адаптации по предыдущему типу поселения
(% опрошенных)

		В областном центре	В городе республиканского значения	В среднем или малом городе	В поселке городского типа	В районном центре	В селе
Привыкать было легко, сложностей не было	Количество	18	41	16	12	29	44
	%	43,9	44,6%	66,7	42,9	52,7	38,6
Было немного сложно, но уже привык(ла)	Количество	19	41	4	10	24	60
	%	46,3%	44,6%	16,7%	35,7%	43,6	52,6
Да, очень сложно и до сих пор не могу привыкнуть	Количество	4	8	4	5	1	5
	%	9,8	8,7	16,7	17,9	1,8	4,4
Затрудняюсь ответить	Количество	0	2	0	1	1	5
	%	0,0	2,2	0,0	3,6	1,8	4,4
ВСЕГО	Количество	41	92	24	28	55	114
	%	11,6	26,0	6,8	7,9	15,5	32,2

$N=354$

Сложнее проходила адаптация у тех, кто проживал в городе республиканского значения и в средних, малых городах. Наиболее легко адаптация проходила для бывших жителей областных центров.

Адаптация проходила с разной степенью сложности в зависимости от семейного положения респондентов (табл.10). В то время как большинство (53,1%) одиноких респондентов не могли вспомнить никаких проблем адаптации, большинство (54,1%) разведенных испытывали некоторые трудности адаптации. Поскольку 89% разведенных респондентов составляют женщины, возможно, стоит изучить основные факторы, которые могут создать дополнительные барьеры для интеграции этой группы.

Таблица 10. Легкость адаптации по семейному положению респондентов (% опрошенных)

		Холост (64)	В браке (249)	Разведен (37)	Овдовевший (4)	ВСЕГО (354)
Привыкать было легко, сложностей не было	Количество	34	110	14	2	160
	%	53,1	43,8	37,8	50,0	45,2
Было немного сложно, но уже привык(ла)	Количество	26	110	20	2	158
	%	40,6	44,6	54,1	50,0	44,6
Да, очень сложно и до сих пор не могу привыкнуть	Количество	2	24	1	0	27
	%	3,1	9,4	2,7	0,0	7,6
Затрудняюсь ответить	Количество	2	5	2	0	9
	%	3,1	2,1	5,4	0,0	2,5

$N=354$

Респонденты испытывали сложности, связанные с ощущением отсутствия поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых, чувством одиночества, напряженными отношениями с принимающим сообществом. В целом эти чувства и ощущения имеют личностный характер. Самая большая группа респондентов не смогла назвать никаких особых трудностей. Женщины относительно меньше указывали на отсутствие проблем, т.к. они больше переживали за обустройство детей и другие хлопоты, связанные с обустройством на новом месте (43,1% по сравнению с 51,4% мужчин) (табл. 11).

В сравнении взрослых и студентов видно, что молодые люди чаще испытывали проблемы одиночества. Студенты как правило приезжают на обучение самостоятельно, без семьи, проживают в общежитии. Сложности бытового характера, новое окружение вызывает чувство тревоги и страха чаще у молодых девушек, чем у юношей.

Таблица 11. Чувства или проблемы, испытываемые в процессе переезда по полу (% опрошенных)

МОЖЕТЕ ЛИ ВСПОМНИТЬ, КАКИЕ ЧУВСТВА ИЛИ НЕУДОБСТВА ВЫ ИСПЫТЫВАЛИ В СВЯЗИ СО СМЕНОЙ СВОЕГО МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ?

	Переселенцы		Студенты	
	Мужской пол	Женский пол	Мужской пол	Женский пол
Стресс	5,1	4,8	-	4,7
Страх	8,6	14,4	-	8,5
Чувство одиночества	12,0	11,4	23,8	24,8
Ощущение отсутствия поддержки близких, друзей, знакомых	28,6	25,7	14,7	16,0
Сложности в общении	11,4	14,4	5,4	4,7
Неудобство с привыканием к городскому/сельскому ритму жизни	12,0	18,6	9,5	7,0
Таких трудностей не испытывал(а)	51,4	43,1	38,1	31,0
Затрудняюсь ответить	5,1	4,8	4,8	0,8

$N=354, 150$

Значительное число респондентов сообщили о проблемах адаптации к новым условиям (табл. 11). Женщины чаще испытывали тревогу (14,4% по сравнению с 8,6% мужчин) и напряженные отношения с местными жителями (14,4% по сравнению с 11,4% мужчин). Больше женщин, чем мужчин, заявили о трудностях в приспособлении к другому ритму жизни после переезда в незнакомую среду (городскую или сельскую). Некоторые трудности адаптации, с которыми сталкиваются женщины, можно объяснить напряжением, вызванным сменой типа поселения: если до отъезда 12,9% из них жили в областных городских центрах и еще 10,5%-в пригородных районах (“поселки городского типа”), то более двух третей (68,4%) женщин переехали в села, где возможности для человеческого общения значительно ниже и существенная адаптация образа жизни может быть источником стресса. Эта проблема может быть особенно серьезной для лиц, которые не имеют возможность общения вне дома, например, для женщин, находящихся в декретном отпуске.

Чувство принадлежности (быть местным жителем) можно считать

признаком завершенного перехода к новому образу жизни в новой среде. В этом контексте ответы на вопрос, считает ли респондент себя местным жителем, достаточно оптимистичны (табл. 12). Примерно от 52% до 60% респондентов из трех регионов прибытия (Северный и Восточный Казахстан, Костанайская область) полностью согласны с этим утверждением. Около 80% опрошенных жителей Павлодарской области безоговорочно считают себя местными жителями.

Таблица 12. Самоидентификация как местного жителя
(% ответов на опрос)

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «Я ЗДЕСЬ (В ГОРОДЕ/СЕЛЕ) СЕБЯ ЧУВСТВУЮ МЕСТНЫМ ЖИТЕЛЕМ»?

		Полностью согласен (-на)	Скорее согласен (-на)	Скорее не согласен (-на)	Категорически не согласен (-на)	Затрудняюсь ответить
СКО	Количество	44	13	15	2	1
	%	51,8	15,3	17,6	2,4	1,2
ВКО	Количество	63	25	7	1	0
	%	57,3	22,7	6,4	0,9	0,0
Костанайская область	Количество	40	14	4	2	0
	%	59,7	20,9	6,0	3,0	0,0
Павлодарская область	Количество	73	7	6	2	0
	%	79,3	7,6	6,5	2,2	0,0
ВСЕГО	Количество	200	59	32	7	35
	%	62,1	16,7	9,0	2,0	9,9

Однако тот факт, что 20% опрошенных жителей СКО (17 респондентов) не считают себя местными жителями в регионе прибытия является примечательным. В то время как сопоставимые показатели относительно низки в других регионах, около 9% респондентов в Костанайской и Павлодарской областях не считают себя местными жителями. Эти ответы в определенной степени показывают причины возвращения внутренних мигрантов в свои регионы. Согласно данным, опубликованным в исходном отчете МОМ [1] из общего числа 9206 чел., переселенных в СКО и Костанайскую области 770 (8,3%) вернулись обратно в регионы выбытия. Надо иметь в виду объем выборки данного исследования, который ограничивает более широкую экстраполяцию полученных результатов.

Некоторые различия можно было наблюдать в тенденциях самоиден-

тификации в зависимости от типа поселения, в котором бенефициары проживали в регионах выбытия. Городские жители, как правило, сообщают о чувстве полной идентификации с регионом прибытия – это утверждение поддержали до 80% жителей районных центров и около 71% жителей средних или малых городов и региональных центров. Напротив, только 50,9% из тех, кто жил в сельских округах, и 57,1% из тех, кто жил в крупных сельских округах, согласились с этим утверждением.

Выводы

Актуальность вопросов миграции в современный период обусловлена двумя важными факторами: демографический дисбаланс территорий Казахстана и как следствие трудоизбыточность в южных регионах. Вместе с тем, нарастающая миграция из Казахстана, особенно молодежи также способствует снижению человеческого капитала, что может быть долгосрочным риском в целом для развития экономики, образования и нагрузки на социальную политику государства.

Предпринимаемая правительством Казахстана программа по привлечению жителей южных регионов в демографически убывающие северные области является важным механизмом пополнения человеческого потенциала в стратегически важных областях.

Успешность государственных программ оценивается на основе социальной адаптации и интеграции прибывших людей на новое место жительства. В оценках эффективности программ государственные органы чаще опираются на количественные показатели, связанные с квотой переселения и суммой расходов из государственного бюджета.

Социальная адаптация предполагает необходимость учета социально-психологических самопрезентаций людей в качестве местных жителей, их возможности и успехи в налаживании своего быта и коммуникаций с новым окружением. Именно эти моменты были отражены в данной статье.

Исследование, проведенное среди переселенцев и студентов показало, что важными социальными критериями, которые необходимо учитывать при работе с потенциальными участниками программ, являются пол, возраст, семейное положение, тип прежнего места жительства.

Наиболее уязвимыми группами являются молодые люди без семьи, женщины, воспитывающие детей. Надо обратить внимание, что студенты, обучающиеся в университете адаптируются сложнее, чем семьи, приехавшие на постоянное место жительства. Этот вопрос требует дополнительного исследования, т.к. образовательная миграция как возможность восполнения демографического и экономического дисбаланса имеет низкий уровень адаптации, а, следовательно, и риски в долгосрочной эффективности.

Таким образом, важным аспектом внутренней миграции и социальной адаптации являются вопросы восприятия и самоощущения. Разница в гендерных и возрастных критериях ведет и к различности восприятия

нового окружения, культурным контактам. Необходимо подходить более адресно к отбору бенефициаров программ и тщательно готовить программу адаптации на новом месте, учитывая не только количественные, но и качественные характеристики. Адаптация является двусторонним процессом и зависит от усилий как государственных органов, самих прибывших, так и местных жителей.

Список источников

1. Казмеркевич П., Садвокасова А., Баглай Б., Жампеисов Д., 2021. Оценка Программы переселения Юг–Север. Международная организация по миграции (IOM), Казахстан <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Assessment-of-South-North-Relocation-Programme-RU.pdf>
2. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Вопросы переселения казахстанцев с юга на север обсудили в Петропавловске [<https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/42329?lang=ru>], 20 ноября 2021
3. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан, [<https://stat.gov.kz/edition/publication/month>], 20 ноября 2021.
4. Байгарин М. Больше половины казахстанцев к 2050 году будут жить на юге страны// *inform.kz*, 7 ноября 2016. [https://www.inform.kz/ru/bol-she-pолоviny-kazhstancev-k-2050-godu-budut-zhit-na-yuge-strany_a2966918], 20 ноября 2021.
5. Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Анализа положения в области народонаселения в Республике Казахстан, Нур-Султан, 2019 С.-48. https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/UNFPA_FullReport_Rus_Final_Disabled_0.pdf
6. Национальный доклад «Рынок труда Казахстана: развитие в условиях новой реальности», 2021 г. с. 155 <https://iac.enbek.kz/ru/node/1179>
7. Реализация Государственной программы “Еңбек” [<https://prz.enbek.gov.kz/ru>], 10 ноября 2021
8. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. [<https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/285429?lang=ru>] 25 ноября 2021.
9. Bokayev, B., Torebekova, Z., & Davletbayeva, Z. (2020). Preventing brain drain: Kazakhstan's presidential “Bolashak” scholarship and government regulations of intellectual migration. *Public Policy and Administration*, 19(3), 25-35. <https://doi.org/10.5755/j01.ppaa.19.3.27764>
10. IOM (2019), Glossary on Migration, cited in: IOM (2019), *Reintegration Handbook: Practical guidance on the design, implementation and monitoring of reintegration assistance*, p. 11.
11. Правила добровольного переселения лиц для повышения мобильности рабочей силы Приложение 1 к перечню некоторых приказов Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан, в которые вносятся изменения Утвержден приказом Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 14 июня 2016 года № 515 // *mtszn_rus.yaz_.pdf* (enbek.gov.kz)
12. Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы [<https://prz.enbek.gov.kz/ru/node/5820>]
13. Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. [<https://primeminister.kz/ru/news/reviews/podgotovka-kadrov-obuchenie-osnovam-predprinimatelstva-rasshirenije-mikrokreditovaniya-na-sele-kak-v-kazhstane-realizuetsya-gosprogramma-enbek-2364216>],
14. Bokaev, B. N., & Zharkynbekova, S. K. (2011). Kazakhstan repatriates: Ethnic language identification and societal integration. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (11), 54-61.
15. Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова [<https://buketov.edu.kz>]

References:

1. Kazmerkevich P., Sadvokasova A., Baglai B., Zhampeisov D., 2021. Assessment of the South–North Resettlement Program. International Organization for Migration (IOM), Kazakhstan <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Assessment-of-South-North-Relocation-Programme-RU.pdf>
2. Ministry of labor and social protection of the population of the Republic of Kazakhstan. The issues of resettlement of Kazakhstanis from south to north were discussed in Petropavlovsk [<https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/42329?lang=ru>], November 20, 2021
3. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Socio-economic development of the Republic of Kazakhstan, [<https://stat.gov.kz/edition/publication/month>], November 20, 2021.
4. Baygarin M. More than half of Kazakhstanis by 2050 will live in the south of the country // *inform.kz*, November 7, 2016. [https://www.inform.kz/ru/bol-she-poloviny-kazakhstancev-k-2050-godu-budut-zhit-na-yuge-strany_a2966918], November 20, 2021.
5. United Nations Population Fund (UNFPA), Analysis of the Population Situation in the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, 2019 P.-48. https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/UNFPA_FullReport_Rus_Final_Disabled_0.pdf
6. National report "Labor market of Kazakhstan: development in a new reality", 2021 p. 155 <https://iac.enbek.kz/ru/node/1179>
7. Implementation of the State Program "Enbek" [<https://prz.enbek.gov.kz/ru>], November 10, 2021
8. Ministry of labor and social protection of the population of the Republic of Kazakhstan. [<https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/285429?lang=ru>] November 25, 2021.
9. Bokayev, B., Torebekova, Z., & Davletbayeva, Z. (2020). Preventing brain drain: Kazakhstan's presidential "Bolashak" scholarship and government regulations of intellectual migration. *Public Policy and Administration*, 19(3), 25-35. <https://doi.org/10.5755/j01.ppa.19.3.27764>
10. IOM (2019), Glossary on Migration, cited in: IOM (2019), *Reintegration Handbook: Practical guidance on the design, implementation and monitoring of reintegration assistance*, p. 11.
11. Rules for voluntary resettlement of persons to increase labor mobility Appendix 1 to the list of some orders of the Minister of Health and Social Development of the Republic of Kazakhstan, which are being amended Approved by order of the Minister of Health and Social Development of the Republic of Kazakhstan dated June 14, 2016 No. 515 // mtszn_rus.yaz_.pdf (enbek.gov.kz)
12. Programs for the development of productive employment and mass entrepreneurship for 2017-2021 [<https://prz.enbek.gov.kz/ru/node/5820>]
13. Official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. realizuetsya-gosprogramma-enbek-2364216
14. Bokaeв, B. N., & Zharkynbekova, S. K. (2011). Kazakhstan repatriates: Ethnic language identification and societal integration. *Sotsiological Researches*, (11), 54-61.
15. Karaganda University named after academician E.A. Buketov [<https://buketov.edu.kz>]

LOCAL ECO-ACTIVIST'S PERSPECTIVES ON ENVIRONMENTAL AWARENESS ISSUES IN KAZAKHSTAN

Yernazar Kumar

PhD Student in Municipal and Public Administration, KIMEP
University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: yernazar.kumar@kimep.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.04>

Abstract. Environmental issues in Kazakhstan are one of the most undermined research areas in Kazakhstan, particularly if we are speaking about aspects on environmental awareness. This study asked Kazakhstani eco-activists to provide their expert-rich responses to eleven open-ended questions related to environmental awareness aspects in Kazakhstan, which were divided into five sections, namely 1) degree of the environmental problem in the country; 2) reasons for the existence of the environmental problem; 3) role of the government in environmental awareness aspects; 4) the role of civil society in environmental awareness matters; and 5) solutions and prospects. For that, ten eco-activists have participated in our study, who were selected from the social media website 'Linkedin' via a convenience sampling method. As a data analysis, a content analysis approach was used. Our results have indicated that environmental awareness level has improved since 1990's and numerous factors ranging from low levels of ecological literacy and environmental activism were mentioned as reasons for existence of low level of environmental awareness. By now, there are practically no empirical data on how eco-activists view, comprehend and assess environmental awareness issues in Kazakhstan. Such primary data could help share valuable insight on important policy and research aspects, namely concerning ineffectiveness of government-initiated actions, role of civil society in pro-environmental projects, studying level of awareness for government-initiated environmental programs, or policy proposals in tackling low environmental awareness levels. Thus, our research could be both valuable for researchers in filling the research gap and for practitioners in proposing viable policy alternatives to address environmental awareness issues. Despite the study's research limitations concerning lack of international eco-activist's focus, social-desirability-response bias and low sample size representativeness, this study recommends conducting expert interviews with NGOs (e.g. UNECE or CARECECO), reintegrate environmental con-

cern and activism aspects as well as focus on policy solutions.

Keywords: *eco-activists; environmental awareness; environmental problems; Kazakhstan; content analysis; qualitative study.*

ВЗГЛЯДЫ МЕСТНЫХ ЭКОАКТИВИСТОВ НА ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Ерназар Кумар

Докторант в области муниципального и публичного управления, Университет КИМЭП, Казахстан, Алматы, email: yernazar.kumar@kimep.kz

Аннотация. Экологические проблемы в Казахстане являются одной из наиболее малоизученных областей исследований в Казахстане, особенно если мы говорим об аспектах экологического сознания. В этом исследовании казахстанским эко-активистам было предложено предоставить свои экспертные ответы на одиннадцать открытых вопросов, касающихся аспектов экологической осведомленности в Казахстане, которые были разделены на пять разделов, а именно: 1) степень экологической проблемы в стране; 2) причины существования экологической проблемы; 3) роль государства в аспектах экологического сознания; 4) роль гражданского общества в вопросах экологического сознания; 5) решения и перспективы. Для этого в нашем исследовании приняли участие десять эко-активистов, которые были отобраны на веб-сайте социальной сети «LinkedIn» с помощью удобного метода выборки. В качестве анализа данных использовался подход контент-анализа. Наши результаты показали, что уровень экологической осведомленности улучшился с 1990-х годов, и в качестве причин существования низкого уровня экологической осведомленности были названы многочисленные факторы, начиная от низкого уровня экологической грамотности и экологической активности. К настоящему времени практически отсутствуют эмпирические данные о том, как эко-активисты видят, осмысливают и оценивают вопросы экологического сознания в Казахстане. Такие первичные данные могут помочь поделить ценной информацией о важных аспектах политики и исследований, а именно о неэффективности действий, инициированных правительством, роли гражданского общества в экологических проектах, изучении уровня осведомленности об экологических программах, инициированных правительством, или политических предложений по решению низкий уровень экологического сознания. Таким образом, наше исследование может быть ценным как для исследователей в восполнении пробелов в исследованиях, так и для практиков в предложении жизнеспособных политических альтернатив для решения проблем экологической осведомленности. Несмотря на ограничения исследования, связанные с недостаточной направленностью международных эко-активистов, систематической ошибкой, связанной с социальной желательностью и репрезентативностью выборки, в этом исследовании рекомендуется проводить экспертные интервью с НПО (например, ЕЭК ООН или ЦА-

РЭСЭКО), повторно интегрировать вопросы охраны окружающей среды и аспекты активизма, а также сосредоточиться на политических решениях.

Ключевые слова: эко-активисты; экологическая осведомленность; проблемы окружающей среды; Казахстан; Анализ содержания; качественное исследование.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ АҒАРТУ МӘСЕЛЕЛЕРІНЕ ЖЕРГІЛІКТІ ЭКОБЕЛСЕНДІЛЕРДІҢ КӨЗҚАРАСТАРЫ

Ерназар Құмар

Муниципалдық және мемлекеттік басқару саласының докторанты, КИМЭП Университеті, Қазақстан, Алматы, email: yernazar.kumar@kimep.kz

Аңдатпа. Қазақстандағы экологиялық мәселелер, әсіресе, егер біз экологиялық хабардар болу аспектілері туралы айтатын болсақ, Қазақстандағы ең нашар зерттеу бағыттарының бірі болып табылады. Бұл зерттеу қазақстандық эко-белсенділерден бес бөлімге бөлінген, атап айтқанда, 1) елдегі экологиялық проблеманың дәрежесі; 2) экологиялық проблеманың болуының себептері; 3) экологиялық ақпараттандыру аспектілеріндегі үкіметтің рөлі; 4) қоршаған ортаны қорғау мәселелерінде азаматтық қоғамның рөлі; және 5) шешімдер мен перспективалар. Ол үшін біздің зерттеуімізге «LinkedIn» әлеуметтік медиа веб-сайтынан ыңғайлы таңдау әдісі арқылы таңдалған он эко-белсенді қатысты. Деректерді талдау ретінде мазмұнды талдау әдісі қолданылды. Біздің нәтижелеріміз 1990 жылдардан бері экологиялық хабардарлық деңгейінің жақсарғанын көрсетті және экологиялық сауаттылық пен экологиялық белсенділіктің төмен деңгейінен бастап экологиялық сананың төмен деңгейінің себептері ретінде көптеген факторлар аталды. Осы уақытқа дейін эко-белсенділердің Қазақстандағы экологиялық хабардар болу мәселелеріне қалай қарайтыны, түсінетіні және бағалайтыны туралы тәжірибелік деректер іс жүзінде жоқ. Мұндай бастапқы деректер маңызды саясат пен зерттеу аспектілері, атап айтқанда, үкіметтің бастамашылық әрекеттерінің тиімсіздігі, қоршаған ортаны қорғау жобаларындағы азаматтық қоғамның рөлі, үкіметтің бастамасымен қоршаған ортаны қорғау бағдарламалары туралы хабардар болу деңгейін зерттеу немесе проблемалармен күресудегі саяси ұсыныстар туралы құнды түсініктермен бөлісуге көмектесуі мүмкін. қоршаған ортаны білу деңгейінің төмендігі. Осылайша, біздің зерттеулер зерттеушілер үшін зерттеу олқылығын толтыруда және тәжірибешілер үшін экологиялық хабардарлық мәселелерін шешу үшін өміршең саясат баламаларын ұсынуда құнды болуы мүмкін. Зерттеудің халықаралық эко-белсенділердің назарының жоктығына, әлеуметтік қажеттілік-жауапқа бейімділігіне және іріктеу көлемінің төмен репрезентативтілігіне қатысты зерттеудің шектеулеріне қарамастан, бұл зерттеу ҰЕҰ-мен (мысалы, БҰҰ ЕЭК немесе CARECECO) сарапшылық сұхбаттар жүргізуді, қоршаған ортаға қатысты алаңдаушылық пен белсенділік аспектілерін қайта біріктіруді ұсынады. саяси шешімдерге назар аудару.

Түйінді сөздер: экологиялық белсенділер; экологиялық хабардар болу; экологиялық проблемалар; Қазақстан; мазмұнды талдау; сапалы зерттеу

Introduction

Environmental problems are one of the most urgent and pressing issues in the country of Kazakhstan that range from problems with deficiency of water resources and water pollution to land degradation as well as low biodiversity problem. Even before gaining independence, those pressing issues have become prevalent and have worsened ever since. Nowadays, many local Kazakhstani as well as international scholars have analyzed specific environmental problems in the country. However, not so many of them have assessed environmental awareness aspects in particular. Here, it should be noted that studies on environmental awareness have already been well-researched in the Western context, while in the context of Kazakhstan it had yet not gained much research attention. In terms of its definition, environmental awareness can be defined as a social term that can be understood as the individual's perception of their surrounding environment. In other words, environmental awareness studies deal with aspects such as the level of awareness for the environment, by which it may touch upon aspects related to environmental beliefs, attitudes, behavior and cognitive values.

The body of research literature on environmental awareness shows that most studies in the context of Kazakhstan have focused on aspects related to environmental education followed by studies on assessing the influence of media outlets; identifying the role of NGOs and civil society organizations; conceptualization of environmental awareness elements; role of environmental activism movements and awareness for health problems. While such studies did indeed provide some interesting findings and valuable primary data on various aspects, still to date there are no studies that have analyzed the views of eco-activists in Kazakhstan, especially within a qualitative research approach. Understanding the views of our eco-activists gives us some clues on how pro-environmentally active citizens of our country critically reflect about this problem. Moreover, as all of our eco-activists had and still have distinct and valuable life and practical experience on how pro-environmental policies or environmental awareness projects were carried, their contribution is immensely important.

It should be understood that eco-activists are active citizens of our country who positively promote, influence and critically reflect on environmental awareness issues in Kazakhstan, they can provide a different viewpoint on issues in comparison to ecological experts who are affiliated with government agencies. For instance, one eco-activist aimed to raise awareness for plastic pollution issues in the country after winning 2nd place in Samgau UPSHIFT mentoring program financed and organized by The Community of Youth Workers public association [1]. In another example, a young eco-activist helped Kazakhstani schoolchildren acquire green habits who received financial support from BeGreen Kazakhstan

Program of the United Nations Children's Fund [2]. Other eco-activists tackled the raising environmental awareness among citizens more creatively. The so-called online game 'Gorozhany' was launched by the civil society organization Eco Kultura headed by eco-activists in Almaty and supported by Eurasia's Foundation's Civil Society Support Program in Central Asia (CSSP), aimed to tackle the problem of lack of information on the question of how to solve urban environmental problems such as what to do if illegal tree trimming was discovered or what to do about garbage that was carelessly thrown onto the open streets [3]. Moreover, this civil society organization had also interviewed more than 900 Almaty residents (e.g. NGO representatives, general residents, city administration officials) in 2021 and found out that most people (approximately one in three residents) are concerned about the environment in comparison to issues such as housing and communal services (11%), education (9%) or transportation (14%) [3]. According to CABAR, eco-activists in Kazakhstan bring public issues to public discussion, and the most pressing issues that they deal with concerns protection of fauna, flora, raising awareness for pollution concerns, and protesting against hazardous and industrial pollution [4]. Moreover, the number of active eco-activists is increasing year by year and this tendency is likely to keep growing [4]. Thus, their important stance in our society should not be undermined but in fact recognized, supported and promoted.

This study aims to uncover the perspectives and views of eco-activists in Kazakhstan on eleven open-ended questions related to environmental awareness problem, which were divided into five sections: 1) degree of the environmental awareness problem in the country (total of four questions); 2) reasons for the existence of the environmental awareness problem (total of two questions); 3) role of the government in environmental awareness aspects (total of two questions); 4) role of the civil society in environmental awareness matters (total of one question); solutions and prospects (total of two questions). For that, this study used a mixed qualitative approach by conducting via a convenience sampling method a structured online interview with the respondents in order to receive their responses. In order to reach out to the eco-activists, we used 'Linkedin' as the social network platform to send out the interview requests. In the end, ten eco-activists have participated in this study and provided their feedback to all eleven open-ended questions.

Environmental Problems in Kazakhstan

Before gaining independence as well as up until contemporary time period, Kazakhstan was and still is plagued by various environmental problems. These have ranged from air pollution and water pollution issues to aspects of land degradation and destruction of biodiversity and endangered species. According to the paper written by White in 2019 on "Environmental Issues in Kazakhstan", many of the environmental issues that Kazakhstan faces to date are in reality the remnants of the Soviet past, while other environmental issues emerged after the post-independence periods as a result of poor governance and unprecedented

socio-economic developments [5].

Many different local scholars, international researchers and international organizations have addressed various environmental problems in the country. Most scholars agree on the following existence of the following environmental hot-spots in the country: land degradation and soil desertification issues [6]; negative impact on the environment as a result of industrial and oil industries [7]; water deficiency and water pollution issues [8-9]; air pollution problems [7] [9]; the infamous Aral and the Caspian Sea issue [5]; or negative radiation effects on health of local population [10].

Many international organizations also have also stressed the negative implications of environmental issues in the country on both the whole ecosystem as well as the health of the population. These include such organizations such as OECD [11], WHO [12] or the UNDP [13]. Besides that, scholars on the other hand have also pointed out the negative socio-economic implications that environmental issues have on the country [9].

Literature Review

Environmental Awareness: Origin

The concept of environmental awareness or as some say ecological awareness is not a new social term. In fact, it has been used since the last fifty to sixty years within the research community [14]. Its origin can be dated back to the early 1970's and 1960's environmental movements, when the social movement became from a local civic society initiative into a political movement driven by politicians, researchers, environmentalists and the public [14]. Moreover, according to Inglehart [15], the post-industrialization era also helped the society to refocus their attention to post-materialist values such as environmental concerns rather than materialist aspects. This was especially vibrant among western societies and within them among individuals who represented the higher social status [15].

Early waves of environmental movements were centered around the matter of understanding public's level of environmental concern towards support for pro-ecological government-related programs and policies [16]. Besides that, another research focus that was popular at that time were studies related to attitude and socio-psychological theories studying pro-social aspects [17].

However, in the 1980's the focus has changed and research became more centered around addressing aspects of environmental attitudes [16] [17]. Many scholars since then have established new theoretical frameworks, such as those proposed by Ajzen & Fishbein's 'theory of reasoned action' in 1980 [18].

The following decennial starting from the early 1990's, the research focus has once again shifted towards a new era of environmental science. From this new era on, research has shifted towards green growth aspects related to consumerism, studies of public perception, environmental behavior, and environmental knowledge [16]. Since then, the focus has also changed into studies related to environmental psychology, rational choice theory studies as well as

qualitative studies [16]. For instance, in terms of environmental psychology, some prominent works included studies on risk perception and consumer behavior, by which studies of environmental attitude and behavior have impacted social science and psychological studies that became crucial part of scholarly focus [16]. Nowadays, in our contemporary time period, the term environmental awareness has become within the academia a concept that has been and which is still used and applied in various research approaches, research fields and contextual settings [14].

Environmental Awareness: Definition & Research Scope

In terms of its definition, it can be defined in various ways. For instance, Handoyo et al. [19] defined environmental awareness as the aggregate sum of people's perception about environmental issues. According to them, these perceptions pertain different environmental values, beliefs and attitudes, such as environmental knowledge or personal attitude towards their surroundings [19]. It can also be explained from the point of view of a process of the interrelationship between the human and the natural environment [19].

Similar definitions were also provided by scholars such as Kollmuss & Agyeman [20]. Here, they referred to the concept of environmental awareness as one's reflection of people's attitude towards environmental surroundings of a person [20]. In other words, it is referred as the concept describing the state of people's awareness for environmental issues and who are knowledgeable and conscious about the environment they live in [20].

However, it should be noted that the concept of environmental awareness can be interchangeably used alongside other notions such as environmental concern and environmental consciousness [21]. For instance, environmental consciousness according to the scholars Sanchez & Lafuente [22] are defined as the level of how an individual is engaged towards pro-environmental behavior. Here the authors referred to the psychological factors that influence pro-environmental behavior. Similar definitions were provided by Schultz & Zelezny [17].

Besides providing definitions, scholars also have conceptualized it differently. According to Partanen-Hertell et al. [23] proposed theoretical model, the level of environmental awareness is made up of the following factors: motivation, knowledge, and skills. On the other hand, Sanchez & Lafuente [22] having proposed a broader framework, described environmental awareness as rather an environmental consciousness being influenced by the following psychological elements: affective, cognitive, active and dispositional. In another example Kaiser et al. [24] have introduced an expanded version of rational-choice model for measuring environmental attitude levels adding additional new domains of psychological elements measuring the level of environmental responsibility. Other theoretical models included, since the inception of this research focus, the so-called primitive models (e.g. environmentally responsible behavior model and reasoned action theory); planned behavior model; environmental citizenship model; model of human-nature interaction; value-belief norm (VBN) theory;

health belief theory and diffusion of innovation model [25].

Speaking of research scope, environmental awareness studies have been applied in many various research fields, most notably in the following: environmental attitudes and behavior [26]; gender difference studies [27]; environmental consumerism matters [28]; in relation with the concept of sustainability [29]; or environmental education aspects [30]. Hence, its research scope is extensive and stretches from aspects of public policy and media studies to corporate and health studies.

Developments in the context of Kazakhstan

In the research context of Kazakhstan, scholars have approached environmental awareness from various research fields. According to the literature review conducted by Kumar [31], as for the year 2022, approximately more than eighty research works on environmental awareness aspects have been written since 1991. According to the findings by Kumar [31], 44% of these papers were written in English, 22% in Kazakh and 34% in Russian. Besides that, the review of the literature also highlighted the distribution of all studies according to research focus. Here, the following can be concluded: environmental education (48.8%); ecological culture, literacy and consciousness (13.4%); case studies (9.8%); role of NGOs and social institutions (6.1%); mass and social media discourse (6.1%); country comparative analysis (6.1%); sustainable development (3.4%); environmental movements (2.4%); literature reviews (1.2%); information access (1.2%); and environmental behavior and value studies (1.2%) [31]. Thus, it can be concluded that most papers written on environmental education have focused on aspects of environmental education [31]. For instance, such scholars included works done by Aigul & Gaukhar [32] or Yessenamanova et al. [33].

Other research focuses on environmental awareness also included the influence of media outlets [34]; level of awareness for health problems [10]; its role in environmental activism movements and involvement of NGOs and civil society organizations [35]; or in terms of environmental codes [36].

Speaking of NGO's research campaigns, the UNDP had launched back in 2020 a social survey campaign in order to understand the perception of people in Kazakhstan on climate change matters [37]. This campaign targeted a total of 200 respondents and aimed to assess the level of awareness in Kazakhstan for climate change problems within the country as well as on a global scale [37]. While this survey was conducted offline, it was conducted in five different regions of Kazakhstan [37]. According to their findings from the survey, 63% of respondents viewed climate change problem as a serious threat, with air pollution regarded as one of the most concerning problems followed by waste management and water pollution issues [37]. Interestingly enough, 62% of respondents who have participated in this social survey were not aware of any awareness-raising initiatives on mitigation efforts on climate change issues in the country [37]. Thus, the findings showed that while on the one hand significantly more than half of the respondents viewed climate change as a serious environmental threat, on other

hand more than half also were not aware of any pro-environmental actions or initiatives conducted on a national level.

Other NGO projects also included early efforts conducted by local civic society clubs and environmental societies in 1990's [13]. One of such efforts were those of the local environmental organizations called 'The Karaganda Edelweiss' [13]. Other efforts also included the SPARE Program project conducted by Norwegian Society for Nature Conservancy in 2001 that aimed at teaching young but prospective teachers as well as students the aspects on ecology and sustainable development [13]. Similar projects were also launched by the UN in their GLOBE Program projects aimed at supporting volunteering efforts for ecological activists in Kazakhstan and Kyrgyzstan [13].

On a governmental level, several documents and state programs have addressed environmental awareness aspects in Kazakhstan. One of them included the so-called New Environmental Code of Kazakhstan, which was adopted in 2021 and that has replaced the previous 2007 version [36]. This New Environmental Code had replaced previous amendments with new legal provisions. For instance, these included the introduction of new environmental terms (e.g. environmental damage; environmental responsibility; polluters pay principle); legal amendments in aspects related to public participation processes concerning environmental control; introduction of new environmental permits; and toughening of state environmental monitoring procedures [36]. One of the few papers that have thoroughly and critically analyzed the New Environmental Code included the work done by Kumar & Makhmudova [36], have evaluated five main sections within the new code that touched particularly upon matters related to environmental awareness aspects. These mainly included the following sections: 1) environmental culture, education and awareness-building; 2) public environmental control; 3) public and state environmental review; 4) environmental information; and 5) environmental research [36]. For that, the paper has compared the legal novelties introduced in the new code with the older 2007 version.

Besides the New Environmental Code, the state has also launched a new program called 'Zhasyl Kazakhstan' in 12 October 2021 with an implementation period given until 2025 [38]. Its main goals included the improvement of the environmental situation in the country within the following four different pillars of strategic paths: Clean Kazakhstan, Economically Efficient Kazakhstan, Nature Kazakhstan, and Ecological Future Kazakhstan [38]. In terms of specific government efforts, these include supporting conservation initiatives with biodiversity issues; tackling water and air pollution levels; aiding waste management efforts, as well as in fostering environmental education processes related to raising public awareness and culture for environmental issues [38]. In terms of the latter, three main long-term objectives were outlined: 1) integration of environmental awareness principles in the educational system; 2) formation of eco-oriented informational basis in the country; 3) educating future ecologists and nurturing their knowledge [38]. Detailed information on specific government efforts were

provided in the document.

Other similar previous state projects also included early efforts conducted by Ministry of Natural Resources and Environmental Protection in 1998 with its Government Action Plan of the Concept of Environmental Safety of the Republic of Kazakhstan as well as the 2002 Concept of Ecological Education [13]. Such early state efforts were directed towards raising environmental education among preschool kids, secondary school children and among higher educational institutions [13]. These were outlined in detail in the UNDP 2004 report on 'Environment and Development Nexus in Kazakhstan' [13].

Research Methodology & Objective

For this qualitative research study, eleven self-administered open-ended questions were prepared that addressed the environmental awareness issue in the country. The target group for study were Kazakhstani eco-activists, of which a total of ten Kazakhstani eco-activists have participated in this study and who were all randomly chosen. For that, a convenience sampling method was used. It should be noted that eco-activists, who were knowledgeable in the broader fields of ecology, environmental science and environmental education, were chosen as target groups.

A qualitative research study in social science studies is mainly the idea of the researcher exploring meaning and insight in a given situation via various data collection techniques, which may include semi-structured or open-ended interviews [39]. In order to analyze the written responses, a content analysis was used for this study. A content analysis is defined here as a study of contexts and meaning of words, texts, messages, and recorded documents [40]. In addition, a content analysis makes meaning of the context and words as well as valid inferences from them.

In order to reach out and search for Kazakhstani eco-activists, the social media website 'Linkedin' was used as a primary search engine. 'Linkedin' is a business and employment-oriented online platform, which is primarily used for professional networking and career development matters. Since, many of the professional experts on ecology and eco-activists dwell around this social media networking site, has become a very valuable website tool to be used. The following keywords were used to type into the search bar of 'Linkedin' in all three languages of English and Russian: ecological experts Kazakhstan; environmental awareness eco-activists Kazakhstan; eco-activists Kazakhstan. As a criterion for choosing the proper research papers that corresponded and aligned with the topic on environmental awareness studies in the context of Kazakhstan, all keywords used in the search engine were used interchangeably when searching for eco-activists.

The request to fill out the eleven open-ended questions were based on two options: either via an online interview approach where all the respondent's responses were filled out by the interviewee independently when the interview

was conducted (e.g. via Zoom or WhatsApp video call), or via the respondent's own written responses that were then send out by the respondents to the interviewee personally. The questions to the respondents were send out in three language formats: Kazakh, Russian, and English. Alongside that, the respondents also could provide their responses also in those three languages, which were eventually then translated into English.

The objective of this study was to get an understanding on how eco-activists in Kazakhstan comprehended and how well-aware they were about environmental awareness issues in the country. The reason for choosing particularly eco-activists is that they could provide some rich expertise knowledge that are valuable for getting an in-depth knowledge of primary sources of information on environmental awareness aspects. For instance, these included answers to matters related reasons for why a low level of environmental awareness exists, role of government and civil society in environmental awareness projects or what solutions can be proposed to solve such a particular environmental problem. Since no primary source of information were available concerning eco-activist's perspectives in Kazakhstan on environmental awareness, such a study could give us an idea on their stances, perspectives and prospects about this particular topic, which would in return enrich our research on this topic as well as fill in the research gap.

The list of the eleven open-ended questions is illustrated below in Table 1.

Table 1 – Eleven Open-ended Interview Questions

Question	Section
1. Do you personally think that the problem of environmental awareness is a serious problem in the context of Kazakhstan? - Yes/or no, and please briefly explain why.	A
2. What environmental problems in Kazakhstan, in your opinion, are currently the most serious ones that require urgent attention? List three to five environmental issues (general or specific) and describe in detail the reasons why you chose them as the most pressing issues to be addressed.	A
3. From your personal and professional point of view, why do you think there is a problem of environmental awareness in Kazakhstan? Please name at least five reasons.	B
4. Do you agree or disagree with the following statement: "Environmental problems in Kazakhstan are the responsibility of the government to solve them"? How do you think, to what extent this statement corresponds to the mentality of the Kazakh society? Please answer these questions briefly.	C
5. Which theoretical model would best explain the low level of environmental awareness in Kazakhstan: Maslow's hierarchy of needs, post-materialist theory, or world society theory.	B

6. Are you aware of any government-initiated environmental programs or projects? Do you think that the state-initiated environmental programs/projects/strategies were effective or ineffective?	C
7. From your own personal point of view, do you think the level of environmental awareness has increased since the early 1990s and 2000s? If it has improved, how can this improvement be explained?	A
8. From your own personal point of view, do you think there are significant gaps in environmental awareness research in Kazakhstan?	A
9. What is the role of civil society in raising environmental awareness levels in Kazakhstan? How effective were/are they? How will its role change in the future: will it become more or less important? More importantly, why exactly?	D
10. "Solving environmental problems is possible with large investments in environmental education". To what extent do you agree with this statement?	E
11. Do you think Kazakhstan will be able to become more environmentally conscious/aware in twenty years? Are you optimistic or pessimistic about it? Please clarify your answer with your own personal opinion on that.	E

The content of the questions was based on five main sections: The eleven open-ended questions were divided into five sections:

- Section A: Degree of the environmental awareness problem in the country (Questions 1, 2, 7, and 8)
- Section B: Reasons for the existence of the environmental awareness problem (Questions 3 and 5)
- Section C: Role of the government in environmental awareness aspects (Questions 4 and 6)
- Section D: Role of the civil society in environmental awareness matters (Question 9)
- Section E: Solutions and Prospects (Questions 10 and 11)

Results and Discussion Section

This section summarized all the findings from the online interviews conducted. The results are based on the interview conducted with ten Kazakhstani eco-activists.

Section A

All Kazakhstani eco-activists viewed the problem of environmental awareness as a serious matter to be dealt with in the context of Kazakhstan (Question 1). All of the eco-activists justified their arguments by stating that as a result of the negative ecological trends of the last decade like the Aral Sea disaster, drought in Mangystau, drainage of rivers and other eco-problems, more people should be aware of environmental problems.

Another eco-activist provided here an example of how environmental education plays and will play in the future a crucial role in promoting environmental awareness in the country: *"As children receive basic school education, the entire population should receive environmental education, regardless of age, social*

status, profession. An ecological culture should be formed both in the family and in society. Its absence is already evident, since only a small part of the population is aware of the need to sort their garbage and properly dispose of it... In addition to the usual municipal waste boxes, there are many organizations that will accept correctly sorted waste, waste paper, out-of-order office equipment, batteries, clothing, etc. Basically, people do not see the yellow boxes on which it is written that paper, glass and plastic should be thrown into them. Plastic, glass and paper mixed with food waste end up in a common container, which subsequently makes it difficult to properly sort it at landfills. And this picture is observed in the center of the capital, let alone what is happening in the regions. Environmental education should be instilled in everyone, since it is not only waste that is thrown away, but also the rational use of water, electricity, paper and other resources, regardless of where a person is: at work, at home, on a business trip or visiting. Also, this education should include the study of global and local environmental problems in order to understand all the causal relationships that occur in the world and in the country. We can and should talk a lot about this problem. Therefore, the problem of lack of proper and high-quality environmental education stands alongside the already existing serious environmental problems in the country."

Speaking about environmental education, one highlighted that there are no environmental education programs with a tangible effect on the population, as the bulk of the people still do not understand the meaning of simple things such as what concerns aspects of separation of waste collection. Two eco-activists even personally have not yet noticed a single state project or NGO projects on environmental education. Moreover, even if such projects or initiatives exist, their target audience is a narrow circle of certain people, in view of which they do not bring tangible benefits.

Last but not the least, all ten eco-activists agree that (1) the general mass of the population might not be entirely environmentally aware, but the environmental awareness among the youth and urban citizens is rising; and (2) the degree of whether environmental awareness is a serious issue depends on social class and level of environmental knowledge by the individual. In conclusion, eco-activists view that the ecological situation in the country is aggravating and become more serious.

In terms of local environmental problems (Question 2), which need at the present time and in the future urgent attention, all ten eco-activists mentioned a total of ten main environmental problems. These included the following local problems: air pollution; solid waste problem; water pollution and quality of drinking water; deficiency of water resources; pollution of little lakes and seas (e.g. lake Balkhash); Caspian Sea Problem; trash burning in urban cities; lack of ecological culture; drought (e.g. summer drought of 2021 in Mangystau city); and soil erosion.

In the case for air pollution, this problem was present among all ten respondents and was highlighted as one of the main environmental problem in

Kazakhstan due to its adverse impacts it had on public health and local ecology. Moreover, three out of five eco-activists pinpointed the main pollutant cities affected by air pollution to be cities of Karaganda, Temirtau, Almaty, Zhezkazgan and Balkhash.

The second most urgent issue among eco-activists was regarding general solid waste management problem in the country. Here, one of the eco-activists mentioned the following interesting insight: *“Waste is country’s most underestimated threat. You can often see settlements where there are no solid waste landfills, but if they do exist, they provide spontaneous landfills without a clay pad and other sanitary requirements. This is dangerous due to the composition of the waste of these landfills, and disposal of hazardous waste are rarely properly done. Residents of remote settlements, due to the lack of bio-landfills and elementary environmental education, take animal corpses and hazardous waste to landfills.”*

Following that, the third most frequently mentioned environmental problem was regarding the deficiency of water resources issue. This problem according to six out of ten eco-activists will be the most acute problem in Central Asian region within the next fifteen years, especially surrounding the transboundary river regions. Such deficiency aspects could lead to energy security issues in the future. Moreover, while glacier melting was mentioned as one of the reasons for water resources depleting, the second eco-activist portrayed this problem as a more systemic problem: *“This particular problem can be linked to the systemic problem of lack of proper care and respect for groundwater; lack of geological research; lack of a rational and careful attitude to the existent vessel supplies of fresh water. Based on the above answer, the elementary irresponsible use of water by residents of cities leads to such waste of water and causes deficiency problems.”*

The next two most frequently mentioned problem concerned the problem of soil erosion and drought issue that was mentioned by six eco-activists. Soil erosion according to these eco-activists could result out of the complicated issue of transnational water deficiency problem in the region and improper handling of land in agriculture and cattle grazing. Moreover, since soil itself if contaminated with chemicals, requires special attention and could lead to food security issues as well as decrease of cultivation of agricultural land areas.

Lastly, ecological culture was the fifth most mentioned environmental problem. This specific problem was highlighted by five eco-activists to be a nationwide problem affecting practically everyone and was presented with the following statement: *“Due to the lack of ecological culture, people litter beaches, rivers, forests, and other places. People are not yet accustomed to separate waste collection; they do not know about their rights specified in the Environmental Code. According to the Code, the public is expected to participate in the examination or in public hearings, but public hearings are mostly fictitious, the people are simply not interested in them, and public examination is not practiced at all.”* Hence, for all five eco-activists, we can conclude that environmental prob-

lems in Kazakhstan are systemic issues and it is not important to rank environmental problems by priority, as there might be many other issues than just five or ten that need urgent attention.

The third question covered the respondent's viewpoint on whether the level of environmental awareness has improved since the early 1990's and 2000's (Question 7). Here, eight out of ten eco-activists pointed out that nowadays we can see some clear improvements compared to the early 1990's and 2000's. According to them, the greatest progress has been made within the last ten years that can be characterized as a result of the increased number of the eco-promotional campaigns initiated by the government and the introduction of environmental awareness classes in schools. Another argument that also stuck out was the existence of more data being available for the public compared to the past.

In contrast to this stance, two eco-activist mentioned that it in fact the level of environmental awareness did not change at all and that it got worse by now. In fact, it is argued that after the fall of the USSR, capitalism gave more rise to problems in ecological awareness, as one of the eco-activists recounts as: *"It remained the same, because during the 1990's there was no Internet, which did not allow us to monitor the situation not only in remote regions of the country, but also in the neighboring area of our own city. Then it might seem that there were fewer environmental problems and environmental education was higher, but this was not so. If all this were available, then a generation of people would educate the current generation in the right direction and instill in them the necessary skills, which has unfortunately has not become the case. From here make a logical conclusion."*

In terms of the question whether currently a huge research gap can be observed in environmental awareness studies in Kazakhstan (Question 8), here all ten eco-activists considered that there were in fact considerably huge research gaps. The main reason that stood true for all eco-activists is that there is no specific data base that could lay down the foundation for such studies. However, one important fact to highlight is that seven out of all eco-activists were not aware of the existence of the huge amount of environmental awareness studies but provided their viewpoint on what specific environmental awareness aspects research needed to be done. According to them, there is a lack of research on new natural resources as well as underground water aspects in cities such as Astana city. Other research gaps mentioned included the study on the effectiveness of environmental awareness campaigns initiated by the government and civil society organizations as well as the aspect concerning environmental education.

Section B

Among all eco-activists, there were mixed answers concerning the reasons for why a low level of environmental awareness exists in the country (Question 3). A total of twelve reasons were presented by all respondents. These included the following: imperfection of education system; weak competence of professors/teachers in ecology at schools; low ecological literacy levels; low eco-ac-

tivism level; weak environmental journalism; low level of focus on STEM research; loss of generation of valuable scientists and experts during the 1990's and 2000's; passive governmental position; lack of available information; Lack of a body or agency responsible for environmental education (the issue of responsibility); lack of civic family upbringing principles to encourage and nurture the care for ecology and nature.

If we look at the first reason of imperfection of education system, here the argument was about the weak theoretical base of knowledge to teach properly environmental education. Moreover, some eco-activists also stated that a more theoretical-based teaching methods were applied instead of practical ones. Four eco-activist mentioned the problem of low level of the society actively getting involved in pro-environmental actions and has reasoned it with the fact that not enough 'significant civic initiatives' have yet been conducted with a rather weak informative campaigns on the usage of pro-environmental tools on how to do solve specific household problems. For instance, properly sorting out waste in trash. Others have referred to other reasons such as lack of expertise and objective analysis within environmental journalism, and brain drain problem in the early 1990's and 2000's as a result of the fall of the Soviet Union, which resulted in the loss of very expertise, particularly in the area of hydrogeology.

In terms of 'passive' government position, the following quote can illustrate this notion: *"The positive shifts have emerged like promotion of 'environmental awareness' classes in school, and massive attention to environmental problems like the development of the new eco-protection regulations. Before it has mostly preferred to simply ignore the existence of environmental problems and as a consequence diminish the scale of these problems. That in turn led to the people's indifference towards environment."*

And last but not the least, another reason worth mentioning concerns the problem of 'lack of civic family upbringing principles' matter. Here, the following quote would well illustrate the problem: *"Upbringing in a family and the ability to follow an example from developed countries. Again, back to people who often travel abroad. There they see how foreign citizens take care of nature, sort garbage and know how to behave. Upon arrival, our citizens do not change, as if they did not return home. As such, there are no factors that impede awareness raising. It all depends on the person himself, his awareness and level of upbringing. A person behaves in society as is customary in a family. Therefore, just observe people and draw conclusions from this. I will not say that 100% of our population is like that, but unfortunately, there are very few environmentally oriented people in Kazakhstan who are conscious, correctly thinking and civilly behaving in society."*

Other reasons for low environmental awareness levels in Kazakhstan were also mentioned, which included the general socio-economic situation in the country as well as the high level of unemployment.

In the case with the question that asked respondents to choose out of three

theoretical models (Maslow's Hierarchy of Needs; Post-Materialism Theory; World Society Theory) that would best explain the low level of environmental awareness in the country (Question 5), the following interesting findings were provided. According to the respondents, significantly more than half of respondents (8 out of ten) chose Maslow's Hierarchy of needs as the main one for many reasons. First, according to respondents, 1) people do not have time and desire to think about ecological state of the country; 2) focus within the society is rather directed towards survival needs and money; 3) Worsening of economic conditions and high level of unemployment; 4) Low pro-ecological and progressive thinking. One scholar though provided a rather mixed answer and chose to not side with any of the theories provided. Instead, she provided the following remark: *"Degradation of society and the fall of moral and ethical principles. It's not even about the social status of people. Both people from well-off families and middle- and low-income level people equally litter and lack awareness. Both of these categories of citizens are equally wrong in front of nature and ecology. The same situation is observed in their behavior and attitude towards general traffic rules. The problem is the lack of upbringing. You can have a good education and position, but not there is no guarantee that you get a proper upbringing and people become responsible citizens."*

Section C

When respondents asked whether they agree that environmental problems in Kazakhstan the government's responsibility to solve it (Question 4), they responded in the following manner. Their answers are grouped into three main statements. According to three eco-activists, this statement was described as a double-edged sword, because *"...there is always a clash between the area of government responsibility and individual responsibility. Thus, government should do whenever it is in their area of responsibility like state ecological legislation and oversight function while it is not diminishing the contribution of the individual to solving the problem..."*

Another group of four eco-activists argued that everyone is responsible and that not one specific group, person or organization can be blamed for it. According to them, it is *"...difficult to make someone responsible and someone not. In fact, everyone is responsible. Sometimes, ecological problems exist and there is not enough manpower and resources to solve them. For instance, if people expect the government to solve it, how would for instance at the local level like Astana city where just in the mayor's office 900 people work, expect to solve a cities problem. In Kazakhstan, focus is more on social problems rather than ecological for now."*

Others partly (two respondents) agreed with the statement and highlighted the importance of the state's role as well as legal basis in the country. According to it, the state *"...should at least provide a legal foundation and strong education for the understanding of these rights for the people in order for them to understand their role in environmental problem solving matters. To create a*

lasting pro-environmental mentality, as in South Korea or Japan, it is necessary to take the same tough measures, starting with the requirements for garbage disposal, etc. I do not believe that our mentality affects the environmental ignorance of our people, since environmental education does not exist, or it exists but is very ineffective.” Here, one eco-activist also added the idea that for country-scale environmental issues, the government is responsible. Local problems lie in the area of responsibility of the population. Shifting all the blame on the government, when next to your doors, hallways are littered, speaks of the flawed thinking of the population. Local problems also include the inability of the people to behave with respect to nature, when people leave their garbage, do not follow fire safety rules. In this regard, it is not entirely the government’s fault when people lack the right pro-ecological thinking and habits to act consciously.

Last but not the least, only one eco-activists did indeed view the role of the state as a responsible one by mentioning the following. According to the activist, it is the government that is able to make significant positive changes and drives the ecological trends, as they have the funds and access to expertise alongside political will and strong lobbying laws.

When respondents were asked the question “Are you aware of any government-initiated environmental programs or projects? If yes, do you think that they were mostly effective or ineffective” (Question 6), the following interesting responses must be brought up. First, five out of ten eco-activists were of government initiatives, while the other half were unaware of government-initiated programs or projects. Second, most felt it difficult to judge whether it was ineffective or not, but most agree that to some extent they were in general effective, while few mentioned that government policies were overall ineffective. Besides that, most hope that recently approved and adopted New Ecological Code will positively influence the overall environmental policies. Moreover, another group of eco-activist suggested that level of awareness could be raised if environmental education begins at the levels of kindergarten and primary schools, but it could be ineffective if the teachers themselves do not have the proper level of knowledge about ecology. There is also a need for vivid practical examples not in words, but in deeds of pro-environmental campaign. Such deeds need to be done not for the sake of PR and as a political catchphrase, but rather with pragmatic objectives.

Besides these responses, the eco-activists also provided their own reasons for why government initiatives were somewhat ineffective. To sum up, the following five main reasons were provided:

1. No post-analysis of the initiatives (e.g. green initiatives of putting new trees but not taking care of them in the long-run).
2. Good and well-intentioned initiatives, but not objective evaluation.
3. Government is following “passive” position towards ecology, or perform some actions only as a response to public discontent and public pressure. Thus, government tend to create an agenda but not react to

- solve the problem directly.
4. Criticism regarding legislative aspects such as the Environmental Codes and government implementation of environmental projects. There is the problem of policy implementation and objective assessments of effectiveness of government programs.
 5. There is some behavioral change towards pro-ecological initiatives, but not sufficient political will.

Section D

Concerning the questions related to the role of the civil society in addressing environmental awareness issues in Kazakhstan (Question 9), all eco-activists stated that the civil society organizations in Kazakhstan have so far been effective in addressing this particular issue. According to them, within the current state of ecological society in Kazakhstan, civil society organizations are the main trend-setters and agenda-makers in the eco-agenda of the country. The oversight functions such as monitoring the violation of the state eco-legislation and serious cases of environmental pollution are mainly performed by the CSOs (civil society organizations). Findings also suggested that currently with the more active involvement of the state environment actors, eco-activists expect the role of CSOs to slightly increase, however despite the existence of high level of corruption and red tape in the governmental agencies, CSOs are expected to have considerable power. One powerful example, where the role of the civil society played a major role in raising awareness for environmental problems, was the Kok-Zhailau ski resort construction case, which is located in the city of Almaty. Here, due to the active engagement of the general public and the local civil society to protest against the construction, the project was temporarily postponed. One eco-activist even mentioned that “...*Their (CSOs) presence and increase by now is pleasing. If the number of such people and organizations grows, the role of environmental education will also grow...*” Some of the civil society organizations that will significantly impact the way how the problem of environmental awareness will be portrayed in the future included the UNDP, IUCN and CAREC. However, one eco-activist did conclude with the following statement that without the support from the population the civil society’s role becomes in the future insignificant and would have no tangible and visible positive impact: “*Only the society with its people can make a difference and the role of the civil society will expand in the future alongside the younger generation’s contribution.*”

Section E

From the analysis of the interview results, it was found out that seven out of ten eco-activists were rather optimistic about Kazakhstani society becoming more environmentally aware within the next twenty years, while the other two took a pessimistic and a neutral stance (Question 11). Considering, the recent changes in regulations, reconsideration and implementation of the changes in educational programs, optimists firmly believe and hope that the government has finally decided to consider the issue of environmental awareness seriously,

and thus, expecting positive outcomes and changes. Furthermore, many young people are seriously becoming more aware of the problems of ecological disaster. Although this is far from an active pro-ecological culture, with the right policy directions, many useful narratives can be introduced, at least for young people.

However, according to the eco-activists who shared a pessimistic outlook, there were five reasons for why Kazakhstan would not be able to become pro-environmentally aware in the future. One of the first reasons included the ever-increasing role of geographical location of Kazakhstan, where the country is susceptible for climate, migration and water crisis within the next twenty years. Hence, not only are environmental problems becoming serious matters, but also socio-demographic aspects.

The second reason is the absence of a strong political will of government to value pragmatism (practicality) over idealism (theoretical). This concerns especially the way how unattainable policy objective are formulated or policies are implemented.

The third reason is that there is no guarantee that environmental problems can be resolved within the next twenty years, as issues such as water supply and air pollution are long-term problems that need to be addressed systemically, and so does the issue of environmental awareness. Since also environmental awareness is a socially constructed term, it can change over time.

The fourth reason concerns the role of the civil society. While the civil society's role will likely increase in the future and might stretch its influence to the general public more by making them more environmentally informed, it might not solve the problem itself. In fact, only a small portion of the population might be aware of the positive impact a civil society has concerning environmental awareness aspects. Hence, an informed citizen does not always equal an environmentally-aware citizen.

The final fifth reason concerned the simple issue of the general public in lack of knowledge and will on how to solve environmental problems. In other words, the majority of the society is likely to be not interested to get informed about environmental awareness aspects in the future, and thus may not productively and constructively support any pro-environmental actions.

Finally, the neutral stance (or also a realist viewpoint) supported both arguments presented by the pessimist and optimist, but differed its future outlook with the following statement: *"You can be as optimistic as you like, but if the words and beautiful loud slogans are not supported by the actions of the government or each individual citizen, then there will be no benefit. Progress will not be achieved either in 20 years or in 30. In this regard, a quote from the great German philosopher Hegel comes to mind: "The laurels of only desire are a substrate of their dry leaves that will never turn green." Nothing will change from my optimistic or pessimistic attitude if each of us does not take actions to increase our own ecological culture and illumination, and does not transfer our*

knowledge and skills to the people around us. An environmentally conscious society can become both in two years or not at all.”. In this regard, the eco-activist does not concern itself with predicting the future and trends, but is rather focusing on changing the approaches being used as of present time.

Last but not the least, the eco-activists were asked to ponder about the two solutions of environmental problems of investment into environmental awareness studies and environmental education processes (Question 10). Here, mixed answers and some insightful viewpoints were provided. While six eco-activists fully agreed that investments both into environmental education and research are crucial, others were unsure concerning this policy proposal, especially on how to systemically provide an efficient environmental education and how it could solve directly environmental awareness issues. Instead it was proposed to direct the investments towards specific local projects involving the nudging principle.

Another interesting aspect worth highlighting were the possible problems and barriers such investments could raise. For instance, according to one eco-activist, it might be sometimes very difficult to introduce new initiatives into government activities, such as on where to get additional finances and balance the different priorities of investment targets between environmental and social aspects within national budgeting. In this regard, it was claimed that the issue is not in investments and amount of finances, but the way problems are approached and how finances are properly spent. Moreover, since environmental policy ideas are big, there is a possibility for problems with implementation of policies as well as tracking and monitoring their progresses to emerge.

Speaking of environmental policies, there is also a need to introduce transparent oversight measures of how efficiently investments are invested and spent. Last but not the least, all eco-activists sided along with the following general statement presented by one of young eco-activists: *“Even if environmental awareness might rise in the future due to investments into environmental education, this does not mean that people are becoming more pro-environmentally active. There still might be bad policy implementations.”*

Conclusion and Research Limitations

In conclusion, our results from our analysis of responses have shown us some interesting and new findings on the topic of environmental awareness issue in Kazakhstan. According to questions related to the degree of the environmental problem in the country (Section A), all ten Kazakhstani eco-activists acknowledged the fact that environmental problems in the country are serious issues to be dealt with on both local and national level, with a special focus on raising awareness for them. Some eco-activists have stated the importance of ecological education playing a vital role in forming an ‘ecological culture’ among the entire population of Kazakhstan and that everyone should be able to receive environmental education regardless of age, social status, or profession. It is also worth noting that one eco-activist. Following that, most eco-activists highlighted the following five environmental problems to be the most urgent

one that need to be given attention by both the state and the society (Question 2): 1) air pollution and its effects on public health and local ecology (e.g. high pollution levels within cities of Karaganda, Temirtau, Zhezkazgan, Balkhash and of course Almaty); 2) solid waste management problem (e.g. composition of hazardous waste in landfills and lack of bio-landfills); 3) deficiency of water resources issue that could lead to energy security issues (e.g. transboundary river regions; glacier melting issue; lack of geological research and rational use as well as management of water supplies); 4) soil erosion and drought problems as a result of poor handling and cultivation of land in agriculture and due to soil contamination; 5) low level of ecological culture. In terms of the latter point, it is worth pointing out that according to one eco-activist, the society is not yet 'accustomed' even to simply separate waste collections. Besides that, they also pointed out that many citizens were not aware of their rights according to the environmental code and how the public could exercise public hearings and public monitoring in the form of public environmental control processes. Following that, in terms of the question covering whether the level of environmental awareness has improved since 1990's and 2000's (Question 7), eight eco-activists saw an improvement due to state efforts and environmental education processes, while only two saw a worsening of the situation. And lastly (Question 8), all respondents did agree that there is a huge research gap in the research field on environmental awareness aspects in Kazakhstan, while seven of ten respondents were not aware of any environmental awareness research works, particularly what concerned for instance underground water research, effectiveness of environmental awareness campaigns by both the state and NGOs, and on environmental education processes.

Even more valuable information was provided concerning the reasons why a low environmental awareness level exists in the country (Section B), a total of twelve reasons were provided. The first three reasons concerned the ecological education processes, where eco-activists highlighted its weak system as well as the weak staff of teachers and professors teaching ecology in educational institutions. According to the arguments provided by the eco-activists, the existence of a weak theoretical knowledge base and the practice of outdated and ineffective theoretical-based teaching methods. All this has also resulted in low ecological literacy levels among the society, which also was accompanied by weak informative campaigns for pro-environmental actions and low environmental activism. Others have mentioned other reasons such as the problem of weak environmental journalism; brain drain of ecological and scientific expertise in the early 1990's and 2000's; passive governmental position towards addressing environmental problems; lack of STEM research as well as lack of fostering civic family upbringing principles that encourage pro-environmental attitudes and values. Particularly what concerned the latter argument about the role of the family in fostering pro-environmental attitudes and values, one eco-activist mentioned the fact that the main difference between developing states and de-

veloped states is in its approach to raise upcoming young generations based on pro-environmental values. Last but not the least, most eco-activists chose Maslow's Hierarchy of Needs as the best model that would theoretically explain the issue of why Kazakhstani society has low environmental awareness levels (Question 5). For that, eco-activists shared the justifications that 1) people don't have time to think about ecology, 2) it is not a prioritized as one of basic needs; 3) people are dis-incentivized due to bad socio-economic situations in the country; 4) no progressive thinking; 5) low moral and ethical values.

In terms of state responsibility and its role in fostering environmental education and awareness levels (Section C), the following conclusions can be drawn. First, while the majority of respondents agreed that not only the government is responsible for solving environmental problems in the country but also the society itself, others have highlighted the state's crucial legal rule in providing legal foundation and strong educational basis for educating the citizens about environmental rights as well as in nurturing a pro-ecological mentality. One activist even noted that country-scale environmental issues are majorly the government's responsibility, while local problems are the responsibility of everyone involved, including local administration, mayor's office and the individuals living there. However, one agreed that the government must play the stronger role here, as they only can generate and create positive changes with its political will, huge funds and expertise. Secondly, half of eco-activists were aware of government-initiated environmental programs and projects, while the other weren't aware of it (Question 6). And thirdly, if asked about its effectiveness, here the majority agree that the programs and/or projects that were so far implemented were considered as effective, especially when we are speaking of the newly adopted New Ecological Code. However, speaking of its ineffectiveness, five main reasons were presented, which included the inexistence of post-project analysis; no objective policy assessment; weak policy implementation; insufficient political will to solve specific environmental problems.

What concerned the role as well as its effectiveness of civil society in raising environmental awareness levels in the country (Section D), all eco-activists viewed the activities of the civil society organizations so far as effective. One of the most effective policies that they have so far been able to implement and introduce successfully into the country concerned its oversight function in being able to monitor violation of state eco-legislations and environmental pollution. Moreover, the respondents also pointed out the successful example of the role of the civil society movement in protesting against strong construction agencies (e.g. Kok-Zhailau case). Most agree that their role will likely grow in the future, particularly those NGOs such as UNDP, IUCN and CAREC, but its strengthened role may also depend on how much support they will be able to receive from the society as well as the youth of the nation.

Lastly, the last questions asked the respondents to openly state first their views on whether they viewed the future of the society's environmental aware-

ness as optimistic or pessimistic (Section E), and whether investments into environmental awareness studies and environmental education processes would help it in the future. In terms of the former, seven eco-activists were optimistic about the future, while viewed the future as rather bleak due to the following five main reasons: 1) countries increased susceptibility to increased issue of socio-demographic aspects as a result of migration, climate and water problems in the region; 2) absence of strong state's political will for pragmatism; 3) problem of systemic environmental problems (e.g. water and air pollution issues); 4) an environmentally-well informed citizen does not equal environmentally-active citizen; 5) prevalence of the majority of the society being passive and non-supportive for pro-environmental actions. When respondents were asked regarding question 10, mixed answers were provided. While on the one side eco-activist agree that investment into environmental education and research are crucial, others were unsure of such a policy effectiveness due to issues related to weak policy implementation, low finances as well as no tracking and monitoring of progresses made. Instead, some proposed to invest more into so-called nudging programs of small but specific local projects.

In sum, all these findings suggest that the level of awareness for environmental problems in the country among local eco-activists have risen and all of them who participated see it as a serious problem that needs to be tackled at both governmental as well as on the civil society level. In this regard, eco-activists level of environmental concern is on the highest level, meaning that they are emotionally invested in the problem and seriously care about it [41]. If in the future more eco-activists start to raise more and more aspects of environmental issues in our country, the outreach of awareness for it will pass on to the next generation and the youth will be even more eager to become not only pro-ecologically aware but also pro-environmentally active. As has Central Asian Bureau for Analytical Reporting predicted, the number of eco-activists in the future is likely to grow as same as its importance in our society [4]. The same can also be said about the number of NGOs in the country, as this tendency has been noticed since the early 1990's when the number of organizations started with 400 and had ever since grown to more than 1600 in 2019 [35].

According to Erhabor & Don [42], an environmentally aware and empowered youth serves in the society as one of the strongest agents for positive change in long-term objectives to lead and create a more pro-ecological culture. It is noteworthy to mention that since Kazakhstan has yet not developed, built and formed a new culture of environmentalism and see eco-activists as nuisance, supporting them is crucial and even necessary in order to recognize them as an important part of our society and value their views, criticisms and policy proposals [4]. Recognition of eco-activist's activities and their criticisms also ensures that they are able to provide the government an option of counterweight that balances the state's views towards environmental policy formation with eco-activism-based policy alternatives [35]. The examples of successful

eco-activist activities, such as those by United Nations Children's Fund with their BeGreen Kazakhstan Program [2], Samgau UPSHIFT mentoring Program by UNICEF Kazakhstan [1], or the 'Gorozhany' online project by Eurasia Foundation Organization [3], have shown us that we need to include and acknowledge the eco-activist's voices as well as their pro-environmental activities. This has also been supported by the views of [35] who have mentioned that so far ecological activism movements and eco-activists in Kazakhstan have faced many obstacles and its full potential has yet to be fully realized. Such obstacles included the issue with weak political will on a high political level; weak environmental lobbyism; and weak cooperative link between the so-called triad of 'expert community – the state – the public' [35]. Besides that, the authors also mention the existent problem of public's political apathy towards forming and providing public support for pro-environmental policies by both the state as well as Kazakhstani eco-activists [35]. It should be noted that this is also one of the reasons why it is important to raise environmental awareness for environmental causes among the public, as it will drive on the one hand public's receptiveness and responsiveness for pro-environmental policies while at the same time spur within the expert community a drive to solve the problem of lack of public access to statistical and official data on environmental activism movements [43].

All in all, this study provided a comprehensive and informative document of primary research data that for both scholars and practitioners, particularly for concerns scholars who can use this data to make meaning of how Kazakhstani eco-activists view, evaluate and comprehend environmental awareness projects. Moreover, such studies should be able to contribute not only as a valuable empirical data in order to fill in the research gap, but also foster civil society movements in support for pro-ecological projects, programs and movements by understanding the views and solution proposals of local eco-activists. Based on our study findings, the government bodies who are responsible for pro-environmental matters as well as civil society organizations should be able to identify different reasons for why overall the environmental awareness programs so far have been ineffective, and identify which environmental problems is prioritized over the other. Thus, our study is both rich in research-based empirical data but also rich in experience-based practical solution proposals for tackling the issue of low environmental awareness in the country.

Despite our study findings, it is noteworthy and even essential to point out that some research limitations that were encountered. One of the obvious limitations of this study concerns its low number of eco-activists who have participated to respond to the eleven open-ended questions. Since, our results will likely not be sufficiently representative enough of the Kazakhstani eco-activist's population, future studies should focus to include more eco-activists. Moreover, since our research also did not look into the difference of viewpoints of local eco-activists residing in different cities or regions within the country, this might also be worth looking into in the future.

Another research limitation of this study concerns its strict sample focus on Kazakhstani eco-activists. Since, no international eco-activists have participated in the study, there is a lack of international perspective on this particular matter. Thus, it is recommended to include them into relevant future research studies and take it into consideration.

Last but not the least, in terms of responses that were provided by the local eco-activists, the issue with how foreign and social concepts can be differently interpreted or understood in the context of Kazakhstan, must also be taken into consideration [44]. Social concepts and their meanings such as those of 'environmental activism', 'environmental activism' or 'environmental actions' may change in mono-cultural contexts due to differences in cultural and linguistic reasons [44]. Besides that, the so-called social-desirability response bias (SDRB) may also have prevailed to be existent in the responses presented by our respondents. Here, the social concept of SDRB can be defined as the situation when respondents portray a specific problem in a more sympathetic image than in reality [44]. In other words, it is also referred to the tendency of respondents, particularly within an open-ended interview, to answer question in a manner that will be viewed favorably by others [44]. In other instances, sometimes respondents also have the tendency to respond to questions with emotions rather than constructively and factual-based approaches.

Further Research Suggestions

In terms of research suggestions, the following three points can be suggested. First, since this study has only looked at the perspectives and opinions of Kazakhstani eco-activists, it could prove very valuable if other group of people could participate in such studies. These may include professors and teachers of environmental, ecological and sustainability studies; government experts well-versed in the inner workings of the Ministry of Ecology, Geology and Natural Resources; experts representing NGOs and local civil society organizations, particularly speaking of the regional offices such as UNDP, UNECE, CARECE-CO or the Green Women Movement Association.

Another research suggestion worth bringing to the table is the fact that a similar study could be conducted concerning aspects of environmental activism questions or in understanding the level of environmental concern for particular environmental issues. Especially what concerns the latter, an online survey could be conducted among hundreds of Kazakhstani eco-activists in order to understand more clearly which specific environmental issues are of a biggest concern at the current moment. The bigger the sample, the more representative it will be to make generalizations for this particular sample group.

Last but not the least, one more future research recommendation is dedicated to probably expand this list in future studies and include at the same time in its questions more in-depth focus on policy solutions to particular environmental problems. Since Kazakhstani eco-activists on the one hand are likely to be more aware of various environmental issues than the general population,

they could provide more progressive and also most likely a more interesting alternative solution proposal to solve specific environmental problems. Being able to acquire such unique solution proposals, we could compare them to the ones proposed by the government and evaluate them comparatively. Moreover, since one of this study's limitations concern its specific focus on 'Kazakhstani' eco-activists, future research could also include international non-Kazakhstani eco-activists in their sample in order to extend our sample outreach to foreign expertise as well as acquire an international perspective or point of view on these issues. The very fact that international experts could provide and share more in-depth and most probably also more refined responses, they could prove very valuable for local researchers.

References

1. UNICEF Kazakhstan. (2022). How young eco-volunteers from Kazakhstan are tackling plastic pollution. Generation Unlimited, 04 February 2022. URL: <https://www.generationunlimited.org/stories/how-young-eco-volunteers-kazakhstan-are-tackling-plastic-pollution>. Accessed: 22 September 2022.
2. Bocharova M. (2022). "I just wanted to do good and make people happy". UNICEF Kazakhstan, 09 March 2022. URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/en/stories/i-just-wanted-do-good-and-make-people-happy>. Accessed: 22 September 2022.
3. Eurasia Foundation Organization. (2021). Gamifying Eco-Activism in Kazakhstan. Eurasia Organization, 10 March 2021. URL: <https://www.eurasia.org/success-stories/gamifying-eco-activism-in-kazakhstan/>. Accessed: 22 September 2022.
4. Mustafina D. (2021). Kazakhstan: Environmentalism Can Bring You To Justice. Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/en/kazakhstan-environmentalism-can-bring-you-to-justice>. Accessed: 12 September 2022.
5. White, K. D. (2019). Environmental Issues in Kazakhstan.
6. Robinson, S. (2000). Pastoralism and land degradation in Kazakhstan. Pastoralism and land degradation in Kazakhstan.
7. Aiman, N., Gulnaz, S., & Alena, M. (2018). The characteristics of pollution in the big industrial cities of Kazakhstan by the example of Almaty. Journal of Environmental Health Science and Engineering, 16(1), 81-88.
8. Karatayev, M., Kapsalyamova, Z., Spankulova, L., Skakova, A., Movkebayeva, G., & Kongyrbay, A. (2017). Priorities and challenges for a sustainable management of water resources in Kazakhstan. Sustainability of Water Quality and Ecology, 9, 115-135.
9. Nugumanova, L., Frey, M., Yemelina, N., & Yugay, S. (2017). Environmental problems and policies in Kazakhstan: Air pollution, waste and water (No. 366). IOS Working Papers.
10. Pivina, L., Semenova, Y. U., Belikhina, T., Manatova, A., Bulegenov, T., Abisheva, A., & Zhunussova, T. (2018). Assessment of awareness of Kazakhstan population about influence of radiation on the health status. European Journal of Public Health, 28(suppl. 4), cky218-070.
11. OECD (2016). Multi-dimensional Review of Kazakhstan: Volume 1. Initial Assessment. OECD Development Pathways. OECD Publishing. Paris. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/multi-dimensional-review-of-kazakhstan_9789264246768-en. Accessed: 10 August 2022.
12. World Health Organization (WHO). (2005). Highlights on health in Kazakhstan. Copenhagen, Denmark. http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/103213/e88738.pdf. Accessed: 13 August 2022.
13. UNDP (2004). Environment and Development Nexus in Kazakhstan. URL: <https://www.thegef.org/sites/default/files/ncsa-documents/2147-22347.pdf>. Accessed: 12 August 2022.
14. Kokkinen E. (2013). Measuring environmental awareness in the world. University of

- Oulu: Oulu, Finland, pp. 1-84.
15. Inglehart, R. (2018). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton University Press.
 16. Rudig, W. (2001). *Western European studies, environment*
 17. Schultz, P. W., & Zelezny, L. (1999). Values as predictors of environmental attitudes: Evidence for consistency across 14 countries. *Journal of environmental psychology*, 19(3), 255-265.
 18. Vallerand, R. J., Deshaies, P., Cuerrier, J. P., Pelletier, L. G., & Mongeau, C. (1992). Ajzen and Fishbein's theory of reasoned action as applied to moral behavior: A confirmatory analysis. *Journal of personality and social psychology*, 62(1), 98.
 19. Handoyo B., Astina I. K., Mkumbachi R. L. (2021). Students' environmental awareness and pro-environmental behaviour: preliminary study of geography students at state university of Malang. In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. No. 1, Vol. 683, pp. 1-7.
 20. Kollmuss A., Agyeman J. (2002). Mind the gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior?. *Environmental education research*, No. 3, Vol. 8, pp. 239-260.
 21. Ham M., Mrčela D., Horvat M. (2016). Insights for measuring environmental awareness. *Ekonomski vjesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business, and Economic Issues*, No. 1, Vol. 29, pp. 159-176.
 22. Sanchez, M. J., & Lafuente, R. (2010). Defining and measuring environmental consciousness.
 23. Partanen-Hertell, M., Harju-Autti, P., Kreft-Burman, K., & Pemberton, D. (1999). Raising environmental awareness in the Baltic Sea area
 24. Kaiser, F. G., Ranney, M., Hartig, T., & Bowler, P. A. (1999). Ecological behavior, environmental attitude, and feelings of responsibility for the environment. *European psychologist*, 4(2), 59.
 25. Akintunde, E. A. (2017). Theories and concepts for human behavior in environmental preservation.
 26. Ajzen, I. (2005). *Attitudes, personality and behaviour*. McGraw-Hill Education (UK).
 27. Mohai, P. (1992). Men, women, and the environment: An examination of the gender gap in environmental concern and activism. *Society & Natural Resources*, 5(1), 1-19.
 28. Vining, J., & Ebreo, A. (1992). Predicting recycling behavior from global and specific environmental attitudes and changes in recycling opportunities 1. *Journal of applied social psychology*, 22(20), 1580-1607.
 29. Awan, U., & Abbasi, A. S. (2013). Environmental sustainability through determinism the level of environmental awareness, knowledge and behavior among business graduates. *Research Journal of Environmental and Earth Sciences*, 5(9), 505-515.
 30. Grimmette, K. A. (2014). The impacts of environmental education on youth and their environmental awareness.
 31. Kumar, Y. A. (2022). Environmental awareness study in Kazakhstan: a critical literature review. *KAZNU Journal. Journal of Psychology and Sociology*, 80(1), 112-127.
 32. Aigul, P., & Gaukhar, B. (2020). The Development Process of the Ecological Education in Independent Kazakhstan. *Journal of Intellectual Disability-Diagnosis and Treatment*, 8(3), 573-579.
 33. Yessenamanova, M. S., Tlepbergenova, A. E., Yessenamanova, Z. S., & Gilmanov, E. R. (2020, November). Analysis of studying ecological education in Kazakhstan. In *Journal of Physics: Conference Series* (Vol. 1691, No. 1, pp. 012036). IOP Publishing.
 34. Tursynbayeva, B. Z., Mukhambetkaliyeva, G. M., Auyesbay, K. A., & Baigabylov, N. O. (2020). National policy and the media in the formation of environmental awareness among students of Kazakhstan. *Media Watch*, 11(3), pp. 428-438.
 35. Kuzembayeva, A. B., Baikushikova, G. S., Delovarova, L. F., & Chukubayev, Y. S. (2019). Development of environmental movements in Kazakhstan through the prism of social and political transformations: key trends and current issues. *Central Asian Journal of Social Sciences and Humanities*, 3(1-2), p. 92-99.
 36. Kumar, Y. & Makhmudova, G. (2022). Analysis of Kazakhstan's New Environmental Code: Focus on environmental awareness aspects. The 19th KIMEP International Research Conference 8-9 April 2022. *Conference Proceedings of KIMEP University, Almaty*. pp. 450-567. URL: <https://www.kimep.kz/about/files/2018/02/KIRC-2022-Proceedings-final-1.pdf>
 37. UNDP (2020). Outcomes of an opinion survey on climate change and environmental

issues. Opinion Survey. URL: <https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/en/home/presscenter/news/2020/may/outcomes-of-an-opinion-survey-on-climate-change-and-environmenta.html>. Accessed: 12 August 2022.

38. Adilet. (2021). Ob Utverzhdenii nacionalnogo proekta "Zelenyj Kazakhstan" [On Approval of the National Project "Green Kazakhstan"]. Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan, 12 October 2021. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000731>. Accessed: 10 August 2022.
39. Strauss, A., & Corbin, J. (2008). Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory (3rd Ed.). Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE Publications.
40. Hsieh H. F., Shannon S. E. (2005). Three approaches to qualitative content analysis. Qualitative health research, no 9, vol. 15, pp. 1277-1288.
41. Chen, T. B., & Chai, L. T. (2010). Attitude towards the environment and green products: Consumers' perspective. Management science and engineering, 4(2), 27-39.
42. Erhabor, N. I., & Don, J. U. (2016). Impact of Environmental Education on the Knowledge and Attitude of Students towards the Environment. International Journal of Environmental and Science Education, 11(12), 5367-5375.
43. Kuratov, S. & Omarbekova, A. (2017). To the question of compliance with the Aarhus Convention in the Republic of Kazakhstan, In the English 49 supplement to the Bulletin of the Ecological Society Green Salvation, The sixth meeting of the parties to the Aarhus Convention, September 11-17, Budva, Montenegro, 12-21.
44. Nunkoo, R. (2018). Handbook of research methods for tourism and hospitality management. Edward Elgar Publishing.

МРНТИ:
06.54.31
11.25.67

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА: ПЕРСПЕКТИВЫ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Мейрам Сарыбаев¹,
Ермек Чукубаев²,
Арсен Малтабаров^{3*}

¹ доктор PhD, ст. преподаватель кафедры МО и МЭ, ФМО, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, e-mail: smeiram81@gmail.com

² к.и.н, доцент кафедры МО и МЭ, ФМО, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, e-mail: ermek.chukubayev@kaznu.kz

³ докторант кафедры МО и МЭ, факультета международных отношений (ФМО), КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, e-mail*: maltabarov.arsen1@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.05>

Аннотация. Научный интерес к теме исследования обусловлен тем, что эффективное государственное управление в современном мире во многом определяются развитием цифровой трансформации. Стоит отметить, что вопрос цифровизации сферы государственного управления был изучен авторами в том числе за счет использования метода теории игр. С этой целью в статье были проанализированы данные по цифровизации сферы государственного управления по всем пяти странам Центральноазиатского региона (ЦАР). Опираясь на открытые данные о распространении инноваций, публикуемые Всемирным Банком (ВБ), данное исследование было в основном сосредоточено на показателе GovTech. Считаем, что в условиях ускоренного развития экономик стран региона изучение вопроса развития цифровизации в сфере государственного управления приобретает особое значение.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, регион, база дан-

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ АЙМАҒЫ ЕЛДЕРІНІҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ҚАЗАҚСТАННЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ САЛАСЫНЫҢ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Мейрам Сарыбаев¹, Ермек Чукубаев², Арсен Малтабаров^{3*}

¹ PhD докторы, әл-Фараби ҚазҰУ, ХҚ және ӨЭ кафедрасының аға оқытушысы, Алматы қ., e-mail: smeiram81@gmail.com

² т.ғ.к., әл-Фараби ҚазҰУ, ХҚ және ӨЭ кафедрасының доценті, Алматы қ., e-mail: ermek.chukubayev@kaznu.kz

³ әл-Фараби ҚазҰУ, ХҚ және ӨЭ кафедрасының докторанты, Алматы қ., e-mail*: maltabarov.arsen1@gmail.com

Аңдатпа. Зерттеу тақырыбына ғылыми қызығушылық қазіргі әлемдегі тиімді мемлекеттік басқару көбінесе цифрлық трансформацияның дамуымен анықталатындығына байланысты. Авторлар мемлекеттік басқару саласын цифрландыру мәселесін, оның ішінде ойын теориясының әдісін қолдану арқылы зерттегенін айта кету керек. Осы мақсатта мақалада Орталық Азия аймағының (ОАА) барлық бес елі бойынша мемлекеттік басқару саласын цифрландыру жөніндегі деректер талданды. Дүниежүзілік банк (ДБ) жариялаған инновациялардың таралуы туралы ашық мәліметтерге сүйене отырып, бұл зерттеу негізінен GovTech көрсеткішін қолдануға бағытталған. Аймақ елдері экономикаларының жедел дамуы жағдайында мемлекеттік басқару саласында цифрландыруды дамыту мәселесін зерделеу ерекше маңызға ие болады деп санаймыз.

Түйін сөздер: цифрландыру, цифрлық трансформация, аймақ, деректер базасы, мемлекеттік басқару, цифрлық үкімет, электрондық үкімет, даму рейтингі.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE COUNTRIES OF THE CENTRAL ASIAN REGION: PROSPECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN KAZAKHSTAN

Meiram Sarybayev ¹, Ermek Chukubayev ², Arsen Maltabarov ^{3*}

¹ PhD, senior lecturer of the Department of IR and WE, FIR, al-Farabi KazNU, Almaty, e-mail: smeiram81@gmail.com

² c.h.s, Associate Professor of the Department of IR and WE, FIR, al-Farabi KazNU, Almaty, e-mail: ermek.chukubayev@kaznu.kz

³ Doctoral student of the Department of IR and WE, FIR, al-Farabi KazNU, Almaty, e-mail*: maltabarov.arsen1@gmail.com

Annotation. Scientific interest in the research topic is due to the fact that effective public administration in the modern world is largely determined by the development of digital transformation. It is worth noting that the issue of digitalization of the sphere of public administration has been studied by the authors, including through the use of the method of game theory. To this end, the article analyzed data on the digitalization of public administration in all five countries of the Central Asian region (CAR). Based on open data on the spread of innovation published by the World Bank (WB), this study was mainly focused on the GovTech indicator. We believe that in the context of the accelerated development of the economies of the countries of the region, the study of the development of digitalization in the field of public administration is of particular importance.

Key words: *digitalization, digital transformation, region, database, public administration, digital government, e-government, development rating.*

Введение

Необходимо отметить, что на современном этапе мир проходит через этап цифровой трансформации, когда большая часть отраслей экономики начинает сильно зависеть от инновационных цифровых технологий. Весь мир за прошедшее десятилетие стал свидетелем того, как изменился промышленно-производственный, социальный и политический спрос на технологии. Опыт развитых стран мира показывает, что уделение внимания внедрению цифровой инфраструктуры в рамках процесса цифровой трансформации критически важно для всех отраслей. Кроме того, заметен рост спроса со стороны, как частных лиц, так и различных предприятий.

Сферы финансовых услуг, агропромышленность, горнодобывающая промышленность, производство, логистика, энергетика, экономика, основанная на знаниях, на средствах массовой информации и развлечениях, сфера государственных услуг находятся в большой зависимости от цифровых технологий. Как показывает опыт политических и экономических региональных объединений, развитие цифровой инфраструктуры критически важно, как для стран, так и для целых регионов мира.

В быстро меняющемся мире требуются изменения способа предоставления услуг и их доставки конечным потребителям. Период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) стимулировал развитие цифровых услуг также и в сфере государственного управления. Необходимость сохранения активности, несмотря на социальное дистанцирование, значительно ускорила процессы технологической трансформации по всем странам мира, которые уже происходили внутри отраслей на разных уровнях. Так, удаленная работа увеличилась в сфере государственного управления, и многие государственные компании улучшили свои цифровые возможности за счет использования электронных платформ, веб-сайтов, служб электронной почты, использования ИКТ-услуг. В целом, цифровая трансформация стала необходимым условием постпандемического восстанов-

ления экономик. Изучение сферы цифровизации государственного управления в странах ЦАР актуализируется также и в связи с предложениями переноса системы электронного правительства на другие платформы. В частности, в 2021 г. был подписан меморандум о сотрудничестве в области цифровой трансформации Казахстана с российской государственной группой Сбербанк. Как известно, сотрудничество предполагало создание цифровой платформы для правительства Казахстана.

Материалы и методы исследования

В современных условиях одним из факторов эффективного государственного управления страной, его социально-экономического развития является формирование цифровой экономики. В данной работе исследуются различные теоретические и практические аспекты развития сферы государственного управления в контексте цифровой трансформации.

В рамках исследуемого вопроса считаем важным проанализировать основные характеристики сферы государственного управления в регионе ЦА. Данный подход, во-первых, обоснован тем, что на современном этапе основным двигателем цифровых инициатив в странах ЦА все же является государство. Во-вторых, важно понимать, что удачный опыт в сфере государственного управления одной страны региона (в отношении работающих социально-экономических моделей) может стать передовым для других стран. В этой связи считаем важным оценить масштаб проводимых в регионе ЦА работ по цифровой трансформации государственного управления. Более того, стоит определить какая перспектива ожидает как отдельно Казахстан, так и в целом регион ЦА в цифровом развитии. Важно отметить, что вопрос цифровизации сферы государственного управления был изучен авторами за счет использования методов статистического анализа, сравнения, теории игр.

Обзор литературы

Целью данной статьи является изучение уровня развития сферы государственного управления стран центральноазиатского региона (ЦАР). Считаем, что за счет определения степени эффективности инновационных политик стран ЦАР удастся определить перспективы цифровой трансформации.

В рамках написания данного исследования авторами были изучены труды Шабаль П., Бекова К. Б., посвященные вопросу институциональной конкуренции в век цифровой демократии [1]. Особый интерес представили труды Мухтаровой К. С., которые поднимают тему инновационных механизмов модернизации системы государственного местного управления и самоуправления в Казахстане [2]. Также были изучены труды Ондаш А. О., касающиеся вопросов цифровизации экономики Казахстана и изучению зарубежного опыта [3]. Теме государственного управления цифровой экономикой в Республике Казахстан посвящены работы Г. Даулиевой, М.

Исламоглу [4]. Вопросу использования цифровых технологий во внешне-политической деятельности государства посвящены работы Г. М. Дуйсен, Д. А. Айтжановой [5]. В изученных нами трудах по цифровизации стран ЦАР в большей степени затрагивается вопрос улучшения развертывания сетевой инфраструктуры в государственных организациях. В данном случае речь идет о доступности и эффективности государственных услуг.

В процессе написания статьи были изучены труды англоязычных авторов. Так, в последние годы в зарубежной науке различным вопросам цифрового государственного управления в интересах устойчивого развития посвящены научные работы: Burlacu, S. Loredana, M., Diaconu, A. [6]. Значимый интерес оказало изучение работ Hyungjun Seo, Seunghwan Myeong [7], посвященные теме приоритетных факторов построения правительства как платформы с аналитическим иерархическим анализом процессов. С целью использования метода теории игр были изучены работы российских ученых: Вартанова С. А., Ивина Е.А., Родионова И. Б., Губко М. В., Новикова Д. А., где затрагиваются вопросы программно-целевого использования метода теории игр. В целом, стоит отметить, что проблемы развития цифровых технологий в системе государственного управления находятся в центре внимания международных организаций как ООН, ВБ, ЕБРР и другие.

Результаты исследования

Во-первых, считаем важным оценить цифровую экосистему стран Центральноазиатского региона. Безусловно, будучи одной из самых быстрорастущих сфер в последние десятилетия цифровая трансформация вносит существенный вклад в экономическое развитие стран ЦАР. Согласно официальным данным около 43% (средний процент лиц, пользующихся Интернетом) всего населения региона ЦА имеет доступ к сети интернет [8]. Причем важно отметить, что данный показатель постоянно увеличивается с течением времени и не только по количеству пользователей, но и уровню трафика.

Как показывают официальные статистические данные, инфраструктура стран ЦАР для доступа и обеспечения покрытия сетью существует на достаточно приемлемом уровне. Хотя имеется существенная часть населения, которой по-прежнему не хватает средств для подключения интернета [9]. В этом смысле имеются примеры, когда компании продвигают использование государственных субсидий для стимулирования спроса на эти услуги среди семей с ограниченными финансами. Инвестиции облегчили процесс достижения уровня покрытия мобильной широкополосной связи для жителей региона. Говоря о динамике развития цифровых услуг и телекоммуникационных сетей в регионе ЦА, важно отметить относительную сторону ее успеха. Так, по крайней мере, телекоммуникационная отрасль стран ЦА стремится расширять свои фиксированные сети.

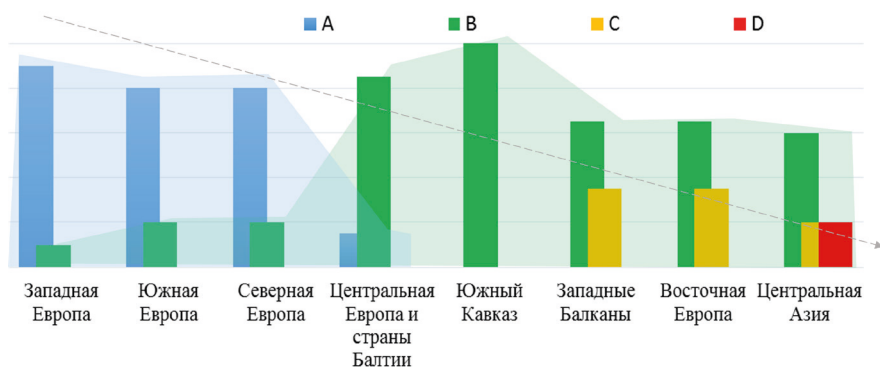
В целом, общая динамика показывает, что проводятся поэтапные работы по увеличению объемов использования оптоволокна и расширению

сети 4G. Точно так же усилия сосредоточены на подготовке платформ и бизнес-моделей для включения технологий нового поколения, таких как развертывание сетей 5G. Кроме того, на современном этапе граждане стран ЦАР становятся свидетелями диверсификации предлагаемого контента и увеличении количества спутниковых соединений. Здесь стоит напомнить, что сети являются основой цифровизации, компонентом, который необходим для доступа к услугам ИКТ. Обеспечение непрерывности услуг, как это делалось на протяжении всех лет, и даже несмотря на значительный пик спроса во время пандемии, было и остается приоритетным для правительств ЦАР.

Что касается сферы цифрового государственного управления, то за период глобальной пандемии она продемонстрировала свою существенную роль в обеспечении непрерывности и эффективности экономической, рабочей, образовательной и социальной деятельности. К примеру, в Казахстане инфраструктура данной сферы показала устойчивость к внезапным изменениям в трафике. Согласно обзору ООН по развитию электронного правительства за 2020 г. Казахстан занял 29-е место из 193 стран, по качеству государственных онлайн-услуг - 11-е место [10]. В целом, как показывает динамика, услуги поддерживались в период пандемии в штатном режиме.

Для полного отражения аспектов общегосударственного подхода к развитию цифровизации, так и ориентированности на граждан считаем важным изучить степень их развития с помощью индекса ВБ (GovTech maturity index).

Рисунок 1. Гистограмма уровней развития регионов Европы и Центральной Азии по показателю «GovTech» на 2020

Источник: составлено авторами по источнику [11]

Как видно из вышеприведенной гистограммы (см. рис.1) Всемирный банк оценивает показатели регионов и стран мира с точки зрения цифровой трансформации и зрелости государственных технологий по четырем группам (A, B, C и D). В то время как Группа A представляет регионы и страны с чрезвычайно высоким уровнем зрелости GovTech и внедрени-

ем цифровой трансформации государственного сектора, Группа D представляет регионы и страны, которые находятся на низком уровне зрелости GovTech и внедрения цифровой трансформации государственного сектора.

На основе информации, представленной на 198 государственных веб-сайтах и в опубликованных документах, средний балл регионов Европы и стран Центральной Азии указывает на то, что во многих странах есть национальные порталы онлайн-услуг. Иными словами, регионы Европы и Центральная Азия являются наиболее передовыми с точки зрения зрелости GovTech, несмотря на пробелы в вовлечении граждан в ряде стран. Так как на современном этапе в мире именно страны Европы и Центральной Азии берут на себя инициативу по активной цифровой трансформации, в статье проводится анализ по данным регионам.

Как показывают открытые данные страны Центральной Европы и Балтии считаются одними из самых быстро развивающихся стран в мире по цифровой трансформации. Граждане этого региона могут получать в Интернете практически любые виды услуг. Очевидно, что страны региона входящие в число ведущих экономик в GovTech находятся на высоком уровне построения устойчивого цифрового общества (см. табл.1).

Таблица 1. Перечень стран-лидеров в области «GovTech»
(в разрезе регионов Европы) на 2020 г.

Страна	Наличие информационной системы управления кадрами	GovTech maturity index 2020
Западная Европа		
Австрия	Да, фрагментир.	A
Франция	Да, централиз.	A
Германия	Да, централиз.	A
Люксембург	Да, централиз.	A
Швейцария	Да, фрагментир.	A
Центральная Европа и страны Балтии		
Эстония	Да, фрагментир.	A
Литва	Да, централиз.	A
Польша	Да, централиз.	A
Словакия	Да, централиз.	B
Восточная Европа		
Молдова	Да, централиз.	B
Россия	Да, централиз.	B
Южная Европа		
Италия	Да, централиз.	A

Западные Балканы		
Албания	Да, централиз.	В
Северная Македония	Да, централиз.	В
Северная Европа		
Дания	Да, централиз.	А
Норвегия	Да, фрагментир.	А
Швеция	Да, централиз.	А
Южный Кавказ		
Азербайджан	Да, централиз.	В
Передняя (Западная) Азия		
Турция	Да, централиз.	В
Источник: составлено авторами по источнику [11]		

В вышеприведенной таблице представлен перечень стран-лидеров в области «GovTech» (в разрезе регионов), правительства которых десятилетиями используют технологии для модернизации государственного сектора. Согласно открытым отчетам ВБ за последние пять лет (с 2015-2020 гг.) развивающиеся страны все чаще запрашивали поддержку для разработки еще более совершенных программ цифровой трансформации. Как показывают официальные данные авторитетных рейтинговых организаций, так и GovTech maturity index ВБ, в странах региона ЦА с обновлением техники дела обстоят достаточно неравномерно (см. табл.2).

Таблица 2. Рейтинг стран ЦАР по показателю GovTech maturity index 2020

Страна	GovTech maturity index 2020	Описание для группы страны
Казахстан	В	Страны, уделяющие значительное внимание решениям GovTech
Кыргызстан	В	
Узбекистан	В	
Таджикистан	С	Страны, уделяющие определенное внимание решениям GovTech
Туркменистан	Д	Страны, уделяющие минимальное внимание решениям GovTech
Источник: составлено авторами по источнику [11]		

Согласно представленному рейтингу стран ЦАР (по показателю GovTech maturity index 2020) по ключевым аспектам в четырех основных областях цифровой трансформации в государственном секторе: государственным системам, уровнем предоставления государственных услуг, вовлечением граждан и средствами поддержки государственных технологий страны ЦАР заметно отстают от стран-лидеров в области «GovTech». Как

показывают данные страной-лидером региона ЦА, которая уделяет наибольшее внимание решениям GovTech, является Казахстан. Учитывая общую динамику по уровню цифровой трансформации среди стран ЦА, на уровне государственного регулирования страна выделяется своей готовностью продвигать инновации. Тем более многочисленные исследования Всемирного Банка, ЕБРР, ООН и многих других международных организаций признали Казахстан образцовой в отношении цифрового государственного регулирования.

Таким образом, как можно представить из вышеуказанных таблиц по сравнению с остальными регионами мира в регионе ЦА наблюдается существенный разрыв в плане цифровой трансформации сферы государственного управления. В этой связи возникает вопрос: каковы причины отставания по уровню охвата, доступа и качества обслуживания в сфере государственного управления?

Ссылаясь на экспертные заключения можно отметить, что в целом отрасли экономики стран региона ЦА сталкивается с барьерами. В числе основных барьеров стоит отметить: административные трудности для развития инфраструктуры, сравнительно малые объемы привлекаемых инвестиций и, наконец, высокая стоимость цифровых решений. Как показывает мировой опыт, даже при наличии очень надежной и постоянно развивающейся инфраструктуры сфера цифровизации требует постоянных инвестиций. Это необходимо для того, чтобы идти в ногу с технологическим прогрессом, отраслью ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) и достигать целей предоставления всем гражданам наилучших услуг, в том числе государственных.

Считаем, что положение вокруг причин препятствующих цифровой трансформации в регионе ЦА, стоит проанализировать в рамках метода «теории игр». В частности, представить анализ данной ситуации как «игру с ненулевой суммой». Важно отметить, что в обеих матрицах (см. ниже) игра не может быть охарактеризована «игрой с нулевой суммой» (согласно которой все, что выигрывает один игрок, должно быть проиграно другим игроком). В представленных нами матрицах игроков всего 2, и выигрыши одного не означают проигрыш другого (игра не представляет собой соревнование).

Очевидно, что компании/ведомства/менеджеры, ответственные за проведение внутри стран цифровизации и за обеспечение этой связи, должны продолжать инвестировать/привлекать инвестиции. С точки зрения теории игр в иерархических отношениях государственный управленец (правительство/ведомство ответственное за инновации) является первым игроком [12]. Как и на примере реальных ситуаций, государственный управленец принимает решение относительно своей стратегии. Вторым игроком игры является разработчик инновационной политики (то есть новатор), который занимается потенциально развитием любой инновационной дея-

тельности (гос.корпорация/предприниматель/инвестор).

В таблице 3 указаны заголовки столбцов (выделение средств, низкая поддержка и отсутствие средств). Они представляют собой три стратегии, которые может принять игрок: 1 (правительство страны/ведомство ответственное за инновации); заголовки для каждой строки (не желание вводить цифровые технологии, низкая интенсивность внедрения цифровых технологий и высокая интенсивность их внедрения) представляют собой три стратегии, которые может принять игрок 2 (новатор/предприниматель/компания/государственный управленец из ведомства по внедрению новых технологий).

Таблица 3. Иллюстрация игры в рамках представления о внедрении цифровых технологий

Стратегии	Выигрыши новатора			Выигрыши государственного управляющего		
	выделе-ние фи-нансовых средств	гос.под-держка на низком уровне	отсутствие финансо-вой под-держки	выделе-ние фи-нансовых средств	гос.под-держка на низком уровне	отсутствие финансо-вой под-держки
Отсутствие инициативы вводить новые техно-логии	0	0	0	-1	- 0,5	0
Низкая ин-тенсивность внедрения цифровых технологий	0,5	0,25	-0,5	-0,5	0,25	0,5
Высокая ин-тенсивность внедрения	1	0	-1	1	0,5	1
Источник: составлено авторами						

Как можно заметить в таблице числа представляют выигрышные позиции сторон. Выигрыш для новатора всегда равен числу из матрицы сле-ва; выигрыш для государственного управленца всегда равен числу из ма-трицы справа. Стоит отметить, что в данном примере число 1 (единица) представляет наибольшую выплату (выигрыш) любому игроку. При этом выигрышем может быть, к примеру, возможное выделение финансовых средств под проекты игрока, оценка (баллы, рейтинги) деятельности игро-ка и т.д. Так, если новатор не ведет никакой деятельности, он ничего не получает. Низкая интенсивность новаторства (инвестиции в развитие циф-

ровизации) может дать новатору некоторую прибыль. Но эта прибыль будет уменьшаться по мере урезания бюджета под программы/проекты (например, на условные – 0,5 или 1). Что может произойти, к примеру, если игрок1 и игрок2 доверятся? Первый игрок получит максимальный выигрыш = 1 и его условный противник получит 1. Если первый игрок доверится, а игрок2 не проявит должное усердие, то игрок1 ничего не получит, при этом потеряв, например, вложенные средства. Если первый игрок не проявит инициативу, а игрок2 доверится, то оба игрока не получают выигрыш, по сути оставаясь в состоянии «стагнации». Если оба участника попробуют не проявить инициативу, то снова проигрывается тот же сценарий игры.

Очевидно, что наибольшая отдача для новатора возможна в ситуации высокой интенсивности цифровизации и активной поддержки со стороны государства. И наоборот, наибольшая выгода для государственного управленца возникает в ситуации, когда отсутствует финансирование, но имеет место высокая интенсивность цифровизации. Обе ситуации разные; таким образом, есть даже решение, в котором и новатор, и политический деятель получают выигрыш, равный 1. И новатор, и государственный управленец выиграют больше всего (выигрыш = 1) при высокой интенсивности цифровизации, но они также могут потерять больше всего (выигрыш -0,5) при той же стратегии. Кажется, что политик, в данном случае являясь государственным управленцем, никогда не способен проиграть, но его наименьший выигрыш в одном из сценариев может быть равен (-1).

Это следует из того, что в условиях отсутствия государственной финансовой поддержки, инновационный агент (новатор) будет вынужден «не заниматься инновациями» (отсутствие инициативы вводить новые технологии). Поэтому инновационная деятельность невозможна в условиях «совершенной неопределенности» по реализации проектов внутри страны. Теоретически это означает, что инновационная деятельность вообще невозможна в организационной системе с отсутствием четкой и обязательной государственной политики по финансированию цифровизации.

В матрице (см. табл. 3) предпринята попытка показать выигрыши игроков в стратегических ситуациях. Как видно из матрицы выигрышей, в этой игре есть только одна конфигурация, которую можно считать равновесием Нэша (отсутствие выделенных средств, отсутствие желания вводить новые технологии), поскольку ни у одного из игроков в этом случае нет стимула менять свою стратегию [13]. Таким образом, игроки попадают в ситуацию, когда оба они ничего не получают (или как бывает зачастую на практике – что-то сравнительно небольшое).

В современном мире традиционная экономика сосуществует и сливается с цифровой экономикой, порождая новую цифровую переплетенную систему. В ней интегрированы и взаимодействуют модели из двух поколений или укладов. Таким образом, мы видим в результате сложные экосистемы, находящиеся в процессе организационной, институциональной и норма-

тивной адаптации. Как показывает пример с методом теории игр, в любой стратегической ситуации, по крайней мере, один из игроков попытается изменить свою стратегию. Данный парадокс (как и в классической «дилемме заключенного») возникает из-за того, что игроки (новатор и государственный управленец) не доверяют друг другу. Причина не доверия друг другу, по-видимому, заключается в том, что инновационная политика неясна и в самом начале абстрактна. Кроме того существует подобная проблема, когда IT специалисты не понимают производственный процесс, а производственники не в полной мере понимают IT технологии.

Считаем, что на примере данной игры стоит упомянуть о Парето-оптимальной ситуации. Оптимальная по Парето ситуация (или оптимум по Парето) - это беспроигрышная ситуация. Считаем, что для стран ЦАР она может возникнуть тогда, когда есть поддержка на низком уровне финансирования со стороны государства и высокая интенсивность внедрения со стороны новатора. Но оставаться долго в данной ситуации невозможно в условиях неопределенности и развязывающих отношений, так как у новатора (как игрока) есть сильный стимул изменить свою стратегию в игре.

Роль правительств и регулирующих органов, как известно, заключаться в поощрении инвестиций. При этом центральную роль в этой роли играют институционализм и определенность. Это зависит от наличия правовой определенности, прочной институциональной основы и определенности в отношении нормативной и налоговой схемы. Учитывая эти факты на основе представленной матрицы нами было установлено, что для стран ЦАР необходима четкая стратегия/скоординированная работа по использованию возможностей цифровой трансформации.

Из самого метода теории игр уже не раз доказывалось, что даже при разном розыгрышах стратегий, седловая точка и устойчивые решения имеют место быть. Так, в ходе игры нами осуществлялся поиск устойчивых решений, когда отход от оптимальной стратегии (компромисса) невыгоден обоим игрокам. По аналогии с ответом на вопрос: «как осуществить сделку с максимальной пользой для себя?» можно отметить, что механизм развития цифровой трансформации был бы оптимальным для стран ЦАР, если для начала каждый игрок составил перечень проблем по реализации программ и проектов. Тогда каждая из сторон смогла бы быть в числе выигравших [14]. Считаем, что для нахождения рецепта активного развития сферы цифровизации государственного управления стран ЦАР необходимо:

- сделать политику (в данном случае финансирование) очень понятной для игрока 1 (новатора) и стабильной (не меняющейся);
- построить отношения игроков как иерархическую.

Таким образом, одна из задач теории игр, состоящая в том, чтобы выяснить, возможно ли некоторое равновесие, достигнута. Применение метода показало, что компромисс/седловая точка в наибольшей степени устраивающий игроков может быть достигнут. В результате, установив в ходе

применения метода теории игр данный факт, важно было также достигнуть основной цели метода - выработки рекомендаций для разумного поведения игроков в конфликтных ситуациях. В случае с приведенным матричным анализом для государственного управляющего (игрока 1) и новатора (игрока 2) важно выработать общую стратегию сотрудничества. Проще говоря, по нашему мнению, в период активной цифровой трансформации игрокам важно выработать, условно, «дорожную карту» для региона для согласованных мер по цифровизации отраслей экономики. В конечном счете создание стратегии/скоординированной работы для цифровой трансформации сектора государственного управления должно решить ряд сложных вопросов. В частности, речь идет, во-первых, о создании цифровой безопасности и, во-вторых, о вопросах природных, человеческих, продовольственных ресурсов. В этой связи хотелось бы обратить внимание на возможности, которые открываются в связи с развитием цифровой трансформации в рамках общей стратегии.

Так, в частности, страны ЦА могли бы разрешить вопросы:

- потока миграции людей и их хаотичного перемещения внутри страны и целого региона,
- эффективного регулирования перемещения товаров легкой промышленности, сельскохозяйственных продуктов и т.д.
- пользования трансграничными водными ресурсами и многие другие вопросы.

Данный подход исходит из наличия в государственном управлении стран пересекающихся цифровых программ, которые требуют участия всех отраслей экономики и ее поддержки со стороны государственных учреждений. Очевидно, что руководство в таких обстоятельствах должно исходить от высшего уровня исполнительной власти. В случае с регионом ЦА должно быть четкое понимание того, что требуются скоординированные и согласованные усилия правительств в сочетании с частным сектором, поскольку именно частный сектор несет вес инвестиций. Иными словами, государственное управление стран ЦА должно быть вовлечено и привержено развитию здоровой и продуктивной экосистемы.

Как хорошо известно, из метода теории игр, участники «дилеммы заключенных» могут прийти к оптимальному по Парето решению путем обязательных переговоров или многократного (бесконечного) повторения игры. Ниже нами выработана оптимальная стратегия подобного взаимодействия для сторон в качестве игроков.

Стоит напомнить, что основу цифровизации составляет аналитика данных. То есть в процессе цифровой трансформации стран ЦАР (после того как будет выработана общая стратегия новатора и государственного управления) важно провести преобразование первичных данных в полезные знания, которые можно будет использовать в дальнейшем. К примеру, подключение всех станков предприятий любой страны из ЦАР к системам мони-

торинга, дадут возможность владельцу/директору/правительству получать данные о загруженности и производительности оборудования. Представленная выше таблица подтверждает выдвигаемый нами тезис о том, что после согласованных действий странам ЦАР придется создавать каждую по отдельности базу данных для возможности мониторинга данных.

Мировой опыт показывает, что одним из ключевых факторов, обеспечивающих эффективное функционирование системы проектно-целевого управления и программно-целевого планирования в сфере государственного управления, является совершенствование информационной системы. Оно проводится через создание базы данных, их обработки и последующего мониторинга, и контроля, основанной на современных инструментах цифровой трансформации. Речь в данном случае идет о создании открытой, прозрачной, достоверной базы данных для возможности мониторинга.

Обсуждение результатов

Следует отметить, что предлагаемая в данном исследовании стратегия цифровой трансформации имеет положительные примеры в мире. Как показывает опыт тех же развитых стран мира, на современном этапе они ориентированы на стратегию мониторинга. Так, хотелось бы отметить, что в вопросе региональной кооперации вокруг цифровых технологий в странах создаются мониторинговые информационных центры по сбору данных (логистическая база) [15]. Так, в труде Дмитриева А.В. рассматривается тема внедрения технологий цифровой прослеживаемости, обосновывается важность концепции управления платформой.

Считаем, что вопрос о необходимости развития мониторинга данных в рамках цифровой трансформации государственного управления в регионе ЦА, также стоит проанализировать методом теории игр. В частности, представляется возможным составить модель организации работы по сбору и анализу данных в одной из стран ЦАР. Согласно классическому представлению данного метода бескоалиционную игру лиц можно ставить в соответствие стратегиям 1-го игрока (строки таблицы, см. ниже), стратегиям 2-го игрока (в той же таб.), а клетки таблицы заполнять значениями выигрышей игроков [16]. Представленная ниже пара матриц полностью описывает биматричную игру, описанной в работе Губко М.В., Новиков Д.А. применительно к задачам управления организационными системами. Как можно заметить, в зависимости от выбранной стратегии в игре складываются условные четыре ситуации. Очевидно, что они могут приносить игрокам разный моральный уровень удовлетворения (соответственно и выигрыши). Выше на шкале с положительными и отрицательными баллами проставлены соответствующие оценки. Их обычно представляют как выигрыши игроков.

Считаем, что в случае со странами ЦАР биматричная игра не является антагонистической, т.е. интересы игроков (стороны собирающей данные) не противоположны другой стороне (получающей данные). Можно сказать, что даже есть возможность сообщать друг другу о своих намерениях, или

координировать свои действия, или применять другие способы обмена информацией. То есть в данном случае выигрыш одного игрока не обязательно означает проигрыш другого. И что самое главное, сумма выигрышей не обязательно должна быть равна нулю. Эту игру может охарактеризовать как «игру с ненулевой суммой».

Представим, что страны ЦАР, в лице правительств, пытаются развивать цифровую трансформацию. Есть сторона, которая представляет данные в специализированные ведомства и сторона, использующая данные для мониторинга. В результате получим следующие две матрицы: «Игроки» - это стороны внутри государственных органов (табл. 4). Их стратегия, готовящихся представить данные по цифровизации к оценке: 1 стратегия - подготовиться хорошо (провести четкую сверку данных); 2 стратегия - подготовиться плохо (не проводить реформ, а значит и анализа цифровых данных).

Стратегии организации, оценивающей ситуацию с реализацией проектов и программ: 1 стратегия – учесть данные в мониторинге ситуации; 2 стратегия - не включить в мониторинг данные.

Таблица 4. Иллюстрация игры в рамках представления о внедрении системы сбора и мониторинга цифровых данных

Стратегии	Выигрыши стороны, которая представляет данные (игрок - 1)		Выигрыши стороны, использующей данные для мониторинга (игрок - 2)	
	учесть данные в мониторинге ситуации	не включить в мониторинг данные	учесть данные в мониторинге ситуации	не включить в мониторинг данные
подготовиться основательно	1	-1	1	0
подготовиться плохо	0	0	- 1	0
Источник: составлено авторами				

Приведенный пример демонстрирует игру, где участвуют два игрока. Каждый ведет игру в рамках выбранной стратегии и в ее ходе выбирает условное «сотрудничество» или «отказ на компромисс». Так, например, если оба решили сотрудничать, каждый зарабатывает по 1 баллу. Если оба решили проигнорировать, каждый получает по 0 (ноль) баллу. В игре, в которой речь идет о внедрении инновации, каждый из игроков выбирает позицию (стратегию), определяющую, хотят ли они «развития» или «стаг-

нацию». Данная игра не решается с помощью доминирования, и поскольку (1,1) явно является лучшим результатом для сторон, настоящая проблема заключается в сложности координации стратегий для достижения такого результата. Самая прибыльная стратегия - это когда оба игрока подходят к игре с мыслью о взаимном сотрудничестве от начала до конца. В этом случае общая выплата в игре является самой высокой.

Вышеприведенные матрицы подтверждают тезис о том, что необходимо наличие базы прозрачных данных и мониторинга. Актуальная и точная информация должна будет облегчить доступ к финансированию и инвестициям внутри региона. Таким образом, в виду этого считаем важным указать на наиболее важный аспект, который имеет основополагающее значение для регионального цифрового развития - внедрения мониторинга государственного управления. С учетом того факта, что именно в Казахстане наблюдаются положительные изменения по инновациям, важно чтобы страна была флагманом цифровой трансформации в регионе ЦА. Считаем, что цифровая трансформация в секторе государственного управления Казахстана может стать примером для остальных стран региона.

Ключевым моментом в совершенствовании процесса цифровой трансформации в сфере государственных услуг в Казахстане является создание условий, подходящих для сбора максимально актуальной информации. Как не раз отмечалось в других исследованиях отечественных и зарубежных ученых для достижения этого потребуются государственно-частные соглашения для поощрения инвестиций, необходимых для достижения этих целей.

Проведенный нами анализ на основе метода теории игр показал, для бизнеса могут открыться возможности для улучшения качества и доступности услуг. Например, не исключен сценарий, по которому страны региона на основе мониторинга будут пересматривать налогообложение отраслей, которые платят больше или меньше налогов, чем другие отрасли, имеющие решающее значение для экономики. Иными словами, налоговая нагрузка на различные услуги может корректироваться в соответствии с изменениями на рынках. В свою очередь, вполне вероятны ситуации, когда правительства стран будут корректировать внешнеторговую политику таким образом, чтобы облегчить доступ к ресурсам, избегая искусственного дефицита.

Считаем, что продвижение цифровизации в предлагаемом нами формате будет означать повышение производительности и расширение возможностей экономического роста для всего региона ЦА. Чтобы достичь этого, важно начать с цифровых программ, чтобы иметь четкую дорожную карту для всех отраслей и секторов страны.

На современном этапе в странах Центральной Азии уже в наличии в достаточной мере налаженная телекоммуникационная инфраструктура. Нужно отдельно выделить достижение огромного прогресса в плане охва-

та, улучшения качества и доступности услуг. Достижение же целей в области создания общей базы мониторинга требует обсуждения и реализации программ на правительственном уровне. Не исключено, что потребуются государственная и нормативная политика каждой из участниц, согласующейся с целями общей базы мониторинга, которые обеспечивают правовую определенность и ясность, в том числе для привлечения инвестиций в данный проект.

Формат общей мониторинговой и информационной базы требует долгосрочных шагов, которые выполняются последовательно и с правовой и институциональной защитой. В целом, считаем, что в случае принятия положительного зарубежного опыта подобный проект должен стать приоритетом всех участников региона.

Заключение

Таким образом, в рамках изучения темы развития цифровизации с сфере государственного управления стран ЦАР были выявлены основные причины отставания от передовых стран мира. За счет анализа официальных данных было установлено, что в странах ЦАР в разной степени создаются условия, чтобы государственные органы могли иметь доступ к Интернету с качественной пропускной способностью. Тем не менее, телекоммуникации, технологии 5G, которые скоро будут распространены в странах ЦАР, сами по себе не смогут разрешить целый пласт социально-экономических проблем.

Если ссылаться на открытые источники, то чтобы достичь уровней подключения, которые примерно такие же, как в более развитых странах условно на пятилетний срок региону как ЦА потребуются инвестиции в сотни миллиардов долларов США. Это, конечно, требует стимула для поощрения инвестиций со стороны государства. Тем не менее, как показывает практика решение данного вопроса не так однозначна как может показаться на первый взгляд.

В связи с вышеотмеченным нами было установлено, что страны ЦАР нуждаются в разработке систем сбора данных, которые, возможно, смогут создать уникальные возможности для стратегического решения общих проблем. В результате, была предпринята попытка продемонстрировать потенциал внедрения системы сбора и мониторинга данных в сфере государственного управления.

Предложенные модели взаимодействия на основе метода теории игр направлены на то, чтобы указать на наиболее приемлемые для стран ЦАР пути развития. Считаем, что создание общей цифровой базы для сферы государственного управления может стать основой для будущей стратегии цифровой трансформации стран ЦА. В этой связи, как отмечалось ранее, опыт Казахстана по развитию цифрового мониторинга может стать образцовым. Считаем, что предложенная модель должна привести к более эф-

фективной реализации программ и политик по цифровизации сферы государственного управления.

Список литературы

1. Шабаль, П., Беков, К. Б. Институциональная конкуренция в век прямой цифровой демократии // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия / 2020. Т. 99. № 3. С. 182-186 // <https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/10082/%D0%98%D1%81%D1%82-2020-3-182-186.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
2. Мухтарова, К. С. Инновационные механизмы модернизации системы государственного местного управления и самоуправления в Республике Казахстан / К. С. Мухтарова – Алматы: Қазақ университеті, 2017. 75 с. // <https://pps.kaznu.kz/Main/facultyPublications/42/1/0/2017>
3. Ондаш, А. О. Цифровизация экономики: зарубежный опыт и практика в Казахстане // 2020 - г. 5 - стр. // <https://pps.kaznu.kz/en/Main/File-Show2/163987/99/3/3181/2020/>
4. Даулиева, Г., Исламоглу, М., Ералиева, А. Государственное управление цифровой экономикой в Республике Казахстан // Казахстан-Спектр, 100(4) // <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.07>
5. Дуйсен, Г. М., Айтжанова, Д. А. Формирование цифрового пространства Казахстана и стран Центральной Азии в условиях индустриальной революции // Экономика, 2018. № 4(92). // <https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/6741>
6. Burlacu, S., Loredana, M., Diaconu, A. Digital Public Administration for Sustainable Development. European Journal of Sustainable Development (2021), 10, 4, 33-40 // <https://ecsdev.org/ojs/index.php/ejsd/article/download/1257/1237>
7. Seo, H., Myeong, S. The Priority of Factors of Building Government as a Platform with Analytic Hierarchy Process Analysis. Sustainability 2020, 12 pp., <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/14/5615/htm>
8. Burunciuc, L. How Central Asia can ensure it doesn't miss out on a digital future // <https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/how-central-asia-can-ensure-it-doesnt-miss-out-digital-future>
9. Цифровая Центральная Азия. Часть первая: Доступ к интернету (цифры) // <https://www.caa-network.org/archives/12646>
10. E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development // [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf)
11. Данные, цифровизация и государственное управление /Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии // 2021 г. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. // Doi: 10.1596/978-1-4648-1698-7.
12. Вартанов, С. А., Ивин, Е. А. Прикладная теория игр для экономистов // Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. // <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2020/03/...pdf>
13. Родионов, И. Б. Теория систем и системный анализ / И. Б. Родионов. - Казань: Изд-во КГТУ/КГТИ, 2006. // <https://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/ro-dionov/10.html>
14. Рабочий документ Субрегионального отделения для Северной и Центральной Азии. Реализация цифрового потенциала в Северной и Центральной Азии // <https://unece.org/sites/default/files/2020-12/98.pdf>
15. Dmitriev, A. V. Digital technologies of transportation and logistics systems visibility. Strategic decisions and risk management. 2019; 10(1): 20-26 с. // <https://www.jsdrm.ru/jour/article/view/817/736>
16. Губко, М. В., Новиков, Д. А. Теория игр в управлении организационными системами // Издание 2, М.: 2005. // mtas.ru/person/novikov/1148024921.pdf

References

1. Shabal, P., Bekov, K. B. Institucional'naya konkurenciya v vek pryamoj cifrovoj demokratii [Institutional competition in the Age of direct digital democracy]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya. 2020. V. 99. no 3. pp. 182-186 // <https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/10082/%D0%98%D1%81%D1%82-2020-3-182-186.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. [In Russ].

2. Muhtarova, K. S. Innovacionnye mekhanizmy modernizatsii sistemy gosudarstvennogo mestnogo upravleniya i samoupravleniya v Respublike Kazakhstan [Innovative mechanisms of modernization of the system of state local government and self-government in the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Qazaq universiteti, 2017. 75 pp. // <https://pps.kaznu.kz/ru/Main/facultyPublications/42/1/0/2017> [In Russ].
3. Ondash, A. O. Cifrovizatsiya ekonomiki: zarubezhnyj opyt i praktika v Kazahstane [Digitalization of the economy: foreign experience and practice in Kazakhstan] // 2020. 5 pp. // <https://pps.kaznu.kz/en/Main/FileShow2/163987/99/3/3181/2020/> [In Russ].
4. Daulieva, G., Islamoglu, M., Eralieva, A. Gosudarstvennoe upravlenie cifrovoy ekonomikoj v Respublike Kazakhstan [State management of the digital economy in the Republic of Kazakhstan] // Kazakhstan-Spektr, 100(4) // <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.07> [In Russ].
5. Dujzen, G. M., Ajtzhanova, D. A. Formirovanie cifrovogo prostranstva Kazahstana i stran Central'noj Azii v usloviyah industrial'noj revolyucii [Formation of the digital space of Kazakhstan and Central Asian countries in the context of the Industrial Revolution]. Ekonomika, 2018. no 4(92). // <https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/6741> [In Russ].
6. Burlacu, S., Loredana, M., Diaconu, A. European Journal of Sustainable Development (2021), 10, 4, pp. 33-40 // Doi: 10.14207/ejsd.2021.v10n4p33// <https://ecsdev.org/ojs/index.php/ejsd/article/download/1257/1237>
7. Seo, H., Myeong, S. The Priority of Factors of Building Government as a Platform with Analytic Hierarchy Process Analysis. Sustainability 2020, 12, 5615. <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/14/5615/htm>
8. Burunciuc, L. How Central Asia can ensure it doesn't miss out on a digital future // <https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/how-central-asia-can-ensure-it-doesnt-miss-out-digital-future>
9. Cifrovaya Central'naya Aziya. CHast' pervaya: Dostup k internetu [Digital Central Asia. Part One: Internet access] // <https://www.caa-network.org/archives/12646> [In Russ].
10. E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development // [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf)
11. Dannye, cifrovizatsiya i gosudarstvennoe upravlenie. Doklad ob ekonomike regiona Evropy i Central'noj Azii. 2021 g. Vsemirnyj bank, Vashington, okrug Kolumbiya. // Doi: 10.1596/978-1-4648-1698-7. [In Russ].
12. Vartanov, S. A., Ivin, E.A. Prikladnaya teoriya igr dlya ekonomistov [Applied Game Theory for Economists]. Vologda: VolNC RAN, 2020. // <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2020/03/...pdf> [In Russ].
13. Rodionov, I. B. Teoriya sistem i sistemnyj analiz [Systems theory and system analysis]. Kazan': Izd-vo KGTU/KGTI, 2006. // <https://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/10.html> [In Russ].
14. Rabochij dokument Subregional'nogo otdeleniya dlya Severnoj i Central'noj Azii. Realizatsiya cifrovogo potentsiala v Severnoj i Central'noj Azii // <https://unece.org/sites/default/files/2020-12/98.pdf> [In Russ].
15. Dmitriev, A. V. Digital technologies of transportation and logistics systems visibility. Strategic decisions and risk management. 2019; 10(1): 20-26. // <https://www.jsdrm.ru/jour/article/view/817/736>
16. Gubko, M. V., Novikov, D. A. Teoriya igr v upravlenii organizacionnymi sistemami [Game theory in the management of organizational systems]. Izdanie 2, M.: 2005. // mtas.ru/person/novikov/1148024921.pdf [In Russ].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦА НА 2022 Г. ЧАСТЬ IV.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при
Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Cornell Svante E., Barro Albert. Barro Albert. Social Reforms in Kazakhstan. . – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 74 p.

Сванте Е.Корнелл и Альберт Барро, начавшие в 2001 году серию о политических реформах в РК (аналогичная серия выходила в свет об Узбекистане в 2016-2018 гг.) под руководством К.Токаев, продолжили в этом году, выпустив отдельно работу «Социальные реформы в Казахстане».

Основные тезисы исследования повторяют предыдущее. Как только в 2019 г. Токаев пришел к власти, он сразу же заговорил о необходимости реформ всех областей жизни. Авторы считают, что наиболее успешной сферой была образовательная, основы которой заложил Н.Назарбаев. Повестку

дня «Казахстан 2050» авторы считают наиболее амбициозной в истории постсоветского Казахстана. В экономической сфере реформы преследовали три цели: превращение республики в «хлебную корзину» Евразии, максимально возможную индустриализацию и цифровизацию страны.

В целом, после реального ухода Первого Президента у К.Токаев оказались развязанными руки в плане реформ. Но бурные события января 2022 г. имели в политической области обратный эффект – усиление президентских полномочий (как это имело место в 2020 г.) после начала с эпидемией коронавируса. Чтобы сломать негативные тенденции, К.Токаев выдвинул в Послании 1 сентября 2022 г. новый глобальный лозунг: «успешное государство,

одна нация, процветающее общество». Однако для авторов осталось неясным проведение досрочных президентских и парламентских выборов: было ли это частью проводимых реформ или же борьбой с остатками креатуры Н.Назарбаева.

В общем, авторы видят залог успеха токаевских реформ в налаживании системы государственного менеджмента и других государственных институтов.

Вильемини Ф. Казахстан: конец эпохи: тридцать лет неолиберализма и геополитика в сердце земли. – Roma, Venezia: Istituto di Geopolitica, 2022 – 195 р.

Наш старый коллега и товарищ Фабрицио Вельямини, много лет проживший в Казахстане, решился подготовить собственную монографию. Она носит эпохальное название «Казахстан: конец эпохи», которое призвано подчеркнуть рубежный исторический характер переживаемой нами эпохи. Хорошо зная историю страны, автор придает ей многоплановый характер. Первую часть он посвящает истории и основам казахстанской внешней политики. Вторая часть по-

священа исключительно роли Н.Назарбаева в истории постсоветского Казахстана. Следует отметить, что исследователю очень высоко оценивает вклад Первого Президента в строительство политических институтов современного Казахстана.

Автор отмечает, что в первую очередь в экономическом отношении местная номенклатура принимает господствующие неолиберальные модели. Таким образом, демонтируются общественные структуры, расстраивая пеструю социальную ткань и с самого начала подтачивая хрупкие основы ее существования. Параллельно Казахстану пришлось переосмыслить основы своей идентичности по формулам национального государства и представительной демократии (так называемая переходная парадигма). Эти преобразования были обусловлены сопутствующим подрывом международных отношений сил, характеризующимся попыткой США установить однополярный мир вокруг своей гегемонистской силы. В этом контексте Казахстан интегрируется в международную систему, превращаясь в производителя нефти, в полном соответствии с интересами Запада, которые

таким образом получают рычаги влияния, определяющие его судьбу.

Казахстан, учитывая его размер и богатство, управляемый проницательным лидером Нурсултаном Назарбаевым, становится местом встречи великих деятелей международной политики. Благодаря миллионам, потраченным на имиджевые кампании, Н.Назарбаев может похвастаться отцовством «казахстанской модели» интеграции народов и религий.

Несомненно, представляют интерес такие сюжеты как возникновение в республике гибридного общества; влияние Китая на общее международное положение РК и его внутреннюю и экономическую политику. Вторая часть книги носит название «Новая холодная война» и конец режима Назарбаева: куда идет Евразия?». Здесь представлены такие темы как сложные и противоречивые отношения с Россией (Казахстан проверяет евразийские амбиции России); взлет и упадок «западного» вектора; роль турецкого фактора. В финале работы автор выделяет события 2022 года. Он подчеркивает, что все останавливается после начала 2022

года, когда гигант внезапно погружается в хаос. Распад страны имеет значение, выходящее за ее обширные границы. Под сомнение ставятся либеральная и националистическая модели, вдохновившие постсоветское возрождение, а также все западное присутствие на постсоветском пространстве.

В этом году карты были перетасованы, но Казахстан остается в центре «Большой игры», в которой Соединенные Штаты и Россия соревнуются за контроль над мировым перекрестком в Центральной Азии, в то время как китайцы, похоже, пользуются спором, чтобы включить регион в их «Новом шелковом пути». В условиях «новой холодной войны», противопоставляющей НАТО России Владимира Путина, этот гигант с глиняными ногами рискует быть раздавленным, как показали события 2022 года. И все-таки Ф.Вельяминов с надеждой смотрит в будущее Казахстана, которое он связывает со строительством и интеграцией РК в рамках новой единой Евразии.

Thibault Hélène, Caron Jean-François (eds.) Uyat and the Culture of Shame in Central

Asia. The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia. – L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2022. – XII+176 pp.

Издательство «Макмиллан» подготовило в 2022 г. любопытное исследование – «Уят и культура стыда в Центральной Азии. Издатели знают наш регион не понаслышке: оба многие проработали в Назарбаев-университете.

Книга посвящена роли стыда в общественном создании и общественной жизни населения региона. В работе рассматриваются в основном примеры Казахстана и Киргизии. Но истинной целью является показать негативный эффект на положение женщин в регионе. То есть, мы имеем дело с типично феминистским изданием. В работе показана также реакция молодого поколения на данное явление. Авторы даже сумели показать эту роль в политической жизни. В сфере теории авторы считают, что это явление является продуктом колониализма и коммунизма.

Insebayeva Nafissa. Modernity, Development and Decolonization of Knowledge in Central Asia: Kazakhstan as a Foreign Aid Donor. – Singapore:

Palgrave Macmillan, 2022. – XI+138 pp.

Отрадно видеть, что традиция издавать политологов из Центральной Азии и Казахстана на Западе. Наша соотечественница Нафиса Инсебаева (Фонд Ниппон, Япония) поддержала эту традицию, выпусти в Сингапуре исследование «Современность, развитие и деколонизация знания в Центральной Азии: Казахстан как донор внешней помощи». Книга посвящена трансформации Казахстана из реципиента в донора в области оказания внешней помощи. Хронологически автор освещает период с 2016 по 2019 гг. Но процесс перехода РК в новый статус в качестве официального представителя соответствующих международных институтов и проводника внешней помощи в ЦА начался еще в 2014 г. Основной вывод исследовательницы сводится к тому, что Казахстан в советский и постсоветский периоды представляет собой довольно редкий пример выпадения из привычной схемы «первый-второй-третий мир», отношений Север-Юг и представлений (господствовавших в западной политологии) о постколониальном мире.

Engvall Johan. Between Bandits and Bureaucrats: 30 Years of Parliamentary Development in Kyrgyzstan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 132 p.

Дж.Энгвалл (ветеран команды проф. Ф.Старра в Институте Центральной Азии и Кавказа при университете Дж.Хопкинса) выпустил книгу с характерным названием – «Между бандитами и бюрократами: 30 лет парламентского развития Киргизстана». Фактически, данная работа представляет собой историю создания и крушения парламентской модели в этой республике. Автор исходит из того, что в 2010 году (после свержения К.Бакиева, пытавшегося установить твердую президентскую власть по казахстанской модели) Киргизстан перешел к полной парламентской системе правления. Но уже через десятилетие в 2021 г. киргизский электорат одобрил возвращение к президентской форме правления, и в мае того же года была принята президентская конституция.

Исследователь исходит из того, что партийная система КР

страдала от имманентных недостатков: крайней фрагментации, слабой институализации, обслуживания частных интересов в ущерб политическим задачам, стоящим перед страной. К изъясам автор относит также отсутствие идеологических платформ и конкретных политических программ, культурное и националистическое давление, вызванное специфическими чертами исторической памяти киргизской нации. Тем самым, в отличие от Армении, Грузии и Молдовы, где сложились относительно устойчивые парламентские системы, в Киргизстане к 2020 г. начался хронический кризис парламентаризма.

Автор разделил историю киргизского парламентаризма на следующие этапы: «Легендарный парламент» (гл.1), зарождение политической конкуренции (гл.2), выход парламентской оппозиции на улицы (гл.3), «Революционный парламент» (гл.4), «Бакиевский карманный парламент» (гл.5), становление многопартийного парламентаризма (гл.6), коллапс политического представительства (гл.7), «последний новый парламент» (гл.8), «распаковка» парламентского представительства (гл.9).

В последней главе автор особо отмечает в специальном разделе роль Жогорку Кенеша как рыночного объекта.

В итоге автор приходит к следующим неутешительным выводам. ВС КР (Жогорку Кенеш) является зеркалом политической и социальной жизни республики в течение трех десятилетий, будучи сначала источником надежд, а затем – источником разочарования. Деятельность парламента все более сводила на нет уровень политического представительства и степень государственной независимости Киргизии. По мере институализации киргизского парламентаризма одновременно наблюдалась деградация человеческого капитала. Законодательная деятельность Жогорку Кенеша носила бессистемный и хаотичный характер. Все происходило на фоне реального ослабления функций политического представительства парламента, что стало особенно очевидным после 2015 г. Таким образом, делает заключительный вывод Дж.Энгвалл, в евразийском контексте эксперимент по внедрению в Киргизстане парламентской системы сделал из республики изгоя среди всех республик Центральной Азии.

Knoope Peter, de Leede Seran (eds.). Negotiating Gender in Central Asia: The Effect of Gender Structures and Dynamics on Violent Extremism. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2022. – 164 p.

Сборник «Переговоры по гендерным вопросам в Центральной Азии: эффект гендерных структур и динамика насильственного экстремизма» (под ред. П.Кнопу и С. Леде) посвящена необычной теме. Речь идет о применении насилия в отношении женщин на половой основе. В Киргизии, например, автор соответствующего раздела говорит о «войне против женщин». В целом эти процессы вытекают из роста и возрождения патриархальных отношений и исламизации региона. Два раздела книги затрагивают участие женщин (из Узбекистана и Казахстана) в сирийском конфликте, вопросы их «демобилизации» и адаптации к нормальной жизни.

Starr S. Frederick. Rethinking Greater Central Asia: American and Western Stakes in the Region and How to Advance Them. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. –

Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 41 p.

Проф. Фредерик Стар, автор нашумевшей в свое время концепции «Большой (т.е. расширенной) Центральной Азии» решил с учетом изменившейся геополитической ситуации откорректировать собственную теорию. Напомним, что эта концепция подразумевала объединение региона ЦА с Афганистаном и другими государствами Южной Азии в некий единый геоэкономический конструкт. То есть, фактически подразумевалось, что страны ЦА на себя бремя экономического, прежде всего энергетического, содержания южного соседа. Проект, естественно, провалился, и единственным его следствием стали встречи в дипломатическом формате 5+1 под эгидой США.

Ф.Старр отталкивается от двух геополитических шоков последнего времени: панического бегства американцев из Афганистана и вторжения России на Украину. По его мнению, изменение военно-политической ситуации в Афганистане усилило изоляцию региона и его зависимость от России. Однако, продолжают другие проекты: Юг-Север (через Ин-

дию и Иран) и Каракорумский мост из Китая в Пакистан. Все они, так или иначе, касаются Центральной Азии. Но США и Европа остаются вне этого геополитического процесса. Таким образом, подытоживает автор, республики ЦА попадают в транспортном смысле в еще большую зависимость от России и Китая. В этих условиях США и ЕС должны в своей политике в отношении Центральной Азии использовать влияние Турции и государств Персидского залива.

Автор не скрывает опасений, что после Украины Россия может продолжить процесс восстановления советской зоны за счет центральноазиатских республик. Соответственно роль Афганистана (для Запада) не только остается важной, но и возрастает. Также Вашингтон должен восстановить в прежнем и большем объеме свое стратегическое влияние на Пакистан, который единственный, кто способен манипулировать Талибаном. Основные препятствия на пути реализации западной стратегии в Евразии и Центральной Азии Ф.Старр видит в руководимой Пекином ШОС и руководимым Москвой ЕАЭС.

В конечном итоге автор при-

зывает пересмотреть официальную стратегию США в отношении Центральной Азии. В этом случае Вашингтону понадобится поддержка Великобритании, Турции и Евросоюза. Таким образом, несмотря на тот факт, что проф. Старр назвал свою работу «Пересмотр Большой Центральной Азии», смысл остался тот же. Все упирается в Афганистан как инструмент реализации стратегии Запада по отрыву региона от Большой Евразии.

Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78. 2022. А. В. Кортунов, К. В. Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацинь и др.; под ред. И. Н. Тимофеева, П. В. Бакулиной, Е. О. Карпинской и др. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. — 82 с.

Центральноазиатская проблематика рассматривается в традиционном обзоре «Российско-китайский диалог» (РСМД) за 2022 г. в евразийском масштабе и в контексте взаимодействия Западу, политики ШОС и реализации проектов ЕАЭС и Один пояс, один путь.

В работе отмечается, что Москва и Пекин одинаково заинтере-

ресованы в безопасности и процветании стран Центральной Азии и Евразии в целом, хотя по отдельным аспектам их интересы могут не совпадать. Экономическое влияние Китая в Центральной Азии растет, одновременно укрепляется и влияние России в сфере безопасности, особенно после вывода американских войск из Афганистана. Москва и Пекин осознают, что только при условии уважения разумных и законных прав и интересов друг друга в регионе удастся поддерживать стабильность и тренд на развитие.

Евразийский регион поделен авторами на субрегионы: Центральную Азию, Южный Кавказ и Новую Восточную Европу, — в каждом из которых существуют конфликты между соседями или противоречия, связанные с расхождениями их интересов. Неоднородность не позволяет обобщать наблюдаемые тенденции, проблемы и интересы стран региона. Так, государства Центральной Азии взаимодействуют со всеми крупными игроками от России и КНР до Индии, Пакистана, США и ЕС.

Москва стремилась продвигать идею диалога ЕС и ЕАЭС,

что, по оценкам российских экспертов, с геополитической точки зрения можно объяснить желанием уравновесить влияние Китая в регионе. В 2019 г. Европейский союз обновил стратегию по отношению к странам Центральной Азии. В документе подчеркиваются такие интересы ЕС, как использование транзитного потенциала региона, импорт энергоносителей и доступ на рынки стран ЦА. На последнем месте в этом списке – региональная безопасность. Евросоюз и страны Центральной Азии взаимодействуют в формате встреч министров иностранных дел стран региона с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и европейским комиссаром по международному партнерству. В ноябре 2021 г. на очередной встрече обсуждалась ситуация в Афганистане, и государствам ЦА обещали выделить практически половину средств из пакета помощи Кабулу общим объемом около 1 млрд. евро. С 2010 г. Инвестиционный фонд ЕС для Центральной Азии выделяет средства на реализацию проектов по окружающей среде, энергетике и развитию социальной инфраструктуры в

регионе.

В 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Модии совершил турне по странам Центральной Азии, после чего официальное взаимодействие Нью-Дели с региональными государствами на разных уровнях интенсифицировалось. С 2019 г. проходит Диалог «Индия — Центральная Азия» на уровне министров иностранных дел, последняя встреча в рамках которого состоялась в декабре 2021 г. в Нью-Дели. Секретари советов безопасности государств ЦА приняли участие в Третьем региональном диалоге по безопасности по Афганистану в индийской столице в ноябре 2021 г., где был представлен общерегиональный подход к ситуации в стране.

27 января 2022 г. состоялся первый саммит в формате Центральная Азия — Индия в связи с 30-летием установления дипломатических отношений с государствами региона, которые входят в ареал «расширенного соседства» Нью-Дели. Подобные мероприятия планируется проводить один раз в два года. С точки зрения экономического влияния на страны Центральной Азии Индия не представляется конкурентом

для России и КНР, хотя объемы торговли и планируется увеличить. Однако политический интерес Дели к этим государствам важен в контексте развития внутрирегиональной динамики и взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Распространение индийской мягкой силы в регионе способно сгладить дисбаланс во внешнем социокультурном влиянии на Центральную Азию, где в отдельных странах, например, в Казахстане и Киргизии, мягкая сила США и ЕС превалировала на многих направлениях.

Между продвижением мягкой силы России, КНР и Индии не должно быть идейных противоречий, так как все эти государства входят в ШОС. Москве, Нью-Дели и Пекину важно понимать, что влияние каждого члена этой организации по отдельности складывается в общее идейно-культурное поле, которое в том числе и представляет собой основу «шанхайского духа». К моменту принятия Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. КНР и Россия уже не считали их присутствие в Центральной Азии угрозой своему влиянию, а изменение геополитической обстановки

в мире в 2022 г. делает расширение присутствия Нью-Дели (и Исламабада) в регионе как альтернативы западному влиянию еще более выгодным для России.

При этом ни ШОС, ни ОПОП не позиционируются их членами как «анти-западные» проекты. В среднесрочной перспективе в рамках ШОС, по мнению российских экспертов, было бы правильным обсудить сочетаемость различных вариантов взаимодействия и интеграционных механизмов для понимания того, не пересекают ли они «красные линии» государств-членов, и выработать стратегии сопряжения либо размежевания таких экономических, культурных, информационных, медицинских и других инициатив.

Вместе с тем в отдельных областях наблюдается определенная конкуренция между Россией, КНР и Индией в Центральной Азии, например, в сфере «вакцинной дипломатии» и медицины в целом. Именно соперничество за влияние в регионе выступает движущей силой, которая стимулирует Москву, Пекин и Нью-Дели делать выгодные предложения по поставкам вакцины, безвозмездной помощи, расши-

рению торгово-экономического сотрудничества. В связи с этим для самого Центральноазиатского региона соперничество и конкуренция держав — членов ШОС приносит только выгоду.

По сравнению с другими региональными и глобальными державами Пакистан в целом уделяет меньше внимания сотрудничеству с Центральной Азией как с отдельной зоной. Определенным преимуществом Исламабад считает свое географическое положение, благодаря которому взаимодействие позволяет странам ЦА и западным территориям КНР получить доступ к теплым водам Аравийского моря и порту Гвадар — самому короткому пути отсюда на Ближний Восток и в Западную Азию. Весной 2021 г. было подписано соглашение о строительстве железной дороги Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, которая будет возводиться в течение пяти лет и свяжет Узбекистан, Афганистан и Пакистан.

Для Ташкента, активно проводящего политику усиления взаимодействия Центральной Азии и Южной Азии, этот проект позволяет диверсифицировать транспортные маршруты в дополнение к выходу к морю

через иранские порты. В июле 2021 г. в столице Узбекистана прошла международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», направленная на обсуждение модели взаимовыгодной стратегической связки «Центральная Азия — Южная Азия» в транспортно-логистической, энергетической, торговой, производственной, инвестиционной, технологической и культурно-гуманитарной сфере.

Ситуация в Центральной Азии отличается сложностью и изменчивостью, регион по-прежнему сталкивается с такими угрозами, как терроризм, религиозный экстремизм, транснациональная преступность, торговля наркотиками, нелегальная миграция, нестабильность в Афганистане, экологические катастрофы и т. д. Все это может нанести ущерб интересам двух стран. Безопасность и внутривнутриполитическая стабильность в Центральной Азии важны для России и Китая: они не могут допустить, чтобы турбулентность в государствах Центральной Азии спровоцировала нестабильность в граничащих с ними регионах

двух стран. Москва и Пекин поддерживают местные политические системы и системы государственного управления, они не заинтересованы в дестабилизации Центральной Азии в результате действий внешних акторов — инспирированных Западом «цветных революций» или проникновения религиозно-экстремистских и террористических сил.

Россия обладает рядом специфических интересов в регионе. Во-первых, Центральная Азия представляется ключевым участником евразийского интеграционного процесса под эгидой Москвы. Она будет прикладывать все усилия для укрепления ведущей роли ЕАЭС в регионе и продвижения интеграции в рамках Содружества независимых государств (СНГ). Во-вторых, Центральная Азия выступает стратегически важным регионом для России с точки зрения энергетического сотрудничества. В-третьих, Москва заинтересована в трудовой миграции из стран ЦА. За счет нее Россия может восполнить дефицит рабочей силы на низкоуровневых позициях на рынке труда, опираясь в том числе на широкое распространение русского языка в регио-

не, что упрощает интеграцию мигрантов. Переток избыточного человеческого капитала из Центральной Азии, в свою очередь, помогает сохранить социальную стабильность в государствах — экспортерах трудовых ресурсов. Кроме того, переселение в РФ способствует продвижению российской мягкой силы в Центральной Азии. Денежные переводы мигрантов играют заметную роль в содействии развитию некоторых стран региона. И в этом отношении возможности России несопоставимы с китайскими.

По оценкам авторов из КНР, к интересам Москвы в Центральной Азии также можно отнести балансирование влияния США и Китая за счет углубленного сотрудничества со странами региона в политике, экономике, энергетике, безопасности и в гуманитарной сфере.

Интересы Пекина в Центральной Азии связаны со следующими факторами. Во-первых, благоприятная ситуация в регионе важна для поддержания без-опасности, стабильности и высоких темпов развития западных регионов КНР. Страны Центральной Азии в целом проводят многовек-

торную и сба-лансированную внешнюю политику, не ориентируются на какую-либо одну державу и поддерживают мирное сосуществование и сотрудничество внутри региона, что отвечает интересам Пекина.

Во-вторых, Центральная Азия важна для Китая с точки зрения диверсификации источников энергии. КНР поддерживает целую сеть поставок нефтегазовых ресурсов, в которую входит и этот регион, что позволяет гарантировать энергетическую безопасность страны. Торговля энергоресурсами также позволяет укреплять сотрудничество, отвечая экономическим интересам соответствующих государств ЦА.

В-третьих, Центральная Азия — важный полигон для ОПОП. Благодаря строительству Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также реализации конкретных проектов в его рамках Пекин способствует повышению уровня связанности инфраструктуры и эффективности деловых операций в регионе, а также улучшению условий для его интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В-четвертых, расширяя масштабные разноуровневые

и многопрофильные обмены и углубляя сотрудничество в гуманитарной сфере, Китай укрепляет взаимопонимание между народами КНР и стран Центральной Азии, в особенности на молодежном уровне, и создает региональное сообщество единой судьбы.

Россия имеет ряд очевидных преимуществ в реализации своей политики в Центральной Азии по сравнению с Китаем. В области безопасности для ОДКБ, лидирующую роль в которой играет Москва, характерны высокий уровень институционализации и эффективная система внутренней координации. В силу исторических и иных причин Россия занимает более устойчивые позиции в Центральной Азии в области энергетики. Кроме того, уровень вовлеченности РФ в образовательную и научную деятельность в странах региона несоизмерим с китайским. Вместе с тем, по китайским оценкам, перспективы создания политического альянса в регионе, в том числе на базе ЕАЭС, невелики. Некоторые страны обеспокоены тем, что такое объединение наносило бы ущерб их статусу независимых суверенных государств.

Кроме того, менее экономически развитые центральноазиатские акторы при вступлении в ЕАЭС были заинтересованы именно в создании новых точек роста в партнерстве с Россией.

В китайских академических кругах принято считать, что экономические проблемы, социальная напряженность и недостатки в государственном управлении, с которыми столкнулись страны Центральной Азии, на первый взгляд вызваны негативным влиянием COVID-19, однако на деле все они есть следствие запоздалых социальных, политических и экономических преобразований. Россия и Китай предоставляли помощь странам региона в борьбе с заболеваемостью: были направлены тест-системы, медицинские бригады²⁸ и вакцины против коронавируса. Кроме того, Москва приняла специальные меры по улучшению положения трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, а Пекин расширил закупки сельскохозяйственной продукции из региона, особенно из Казахстана.

Негативное влияние на безопасность ЦА может оказать ситуация в Афганистане, сложившаяся после вывода американ-

ских войск. Во-первых, занятие Талибаном лидирующих позиций спровоцирует активизацию религиозных экстремистских сил в странах Центральной Азии, в результате чего местные власти столкнутся с более сложными политическими проблемами и вызовами в области безопасности. Республики Центральной Азии могут стать более зависимыми от России в вопросах военной безопасности, что, по китайским оценкам, создаст угрозы сохранению их автономности.

Ожидается, что центральноазиатские страны, столкнувшись с угрозами безопасности со стороны Афганистана, повысят свои требования к ШОС, в том числе к России и Китаю. Возрастут запросы на предоставление специального оборудования, обучение персонала и совместное патрулирование в приграничных районах.

Позиции России и Китая в вопросах поддержания мира и стабильности в Центральной Азии, борьбы с «тремя силами зла» и недопустимости длительного присутствия здесь вооруженных сил внерегиональных держав схожи. Две страны готовы к совместным действиям, включая консультации на

высоком уровне, обмен информацией, совместные военные учения, совместные заявления и т. д. Китай понимает, что Россия имеет большее влияние на ситуацию в области безопасности в Центральной Азии, чем КНР, и надеется, что Москва продолжит играть стабилизирующую роль в регионе.

Западные эксперты постулируют конкуренцию между Китаем и Россией в ЦА и даже заявляют о неизбежности их конфликта. Однако российско-китайские отношения стратегического взаимодействия существуют не только на словах, они не вынужденная мера, а осознанный выбор: только при условии уважения Россией и Китаем разумных и законных прав и интересов друг друга в регионе удастся сохранить стабильность и тренд на развитие, а ШОС и ОДКБ смогут гармонично развиваться и дополнять друг друга.

В январе 2022 г. в Казахстане вспыхнули беспорядки, страна пережила самый тяжелый кризис за 30 лет независимости. Президент Касым-Жомарт Токаев запросил помощь ОДКБ. РФ сыграла заметную роль в урегулировании ситуации, отмечалось российско-ки-

тайское стратегическое сотрудничество. Во-первых, Москва и Пекин сходятся во взглядах на причины обострения. Официальные лица в обеих странах склонны считать, что беспорядки инициированы внешними силами, однако, по мнению многих представителей академических кругов, внутривнутриполитический кризис был вызван противоборством политических сил и экономическими трудностями.

Во-вторых, несмотря на различия в масштабах реакции России и Китая на кризис в Казахстане, между ними налажена координация. Москва — член ОДКБ и имеет оперативный канал связи с Нур-Султаном, что позволило ей сыграть важную роль в стабилизации ситуации. У Пекина есть важные экономические и стратегические интересы в Казахстане, и сотрудничество с Москвой представляется наилучшей возможностью для их защиты. По оценкам некоторых китайских экспертов, в результате кризиса Россия восстановила стратегическое влияние на Казахстан, что внесло вклад в изменение геополитического устройства постсоветского пространства.

Ввиду краткосрочности кри-

зиса и его комплексного характера крупные внешние игроки не успели оказать сколько-нибудь существенное влияние на его течение, хотя в России и Казахстане распространялись слухи о возможном вмешательстве США. Возможно, события повлияли на решение о передаче власти в Туркменистане путем проведения досрочных президентских выборов в марте 2022 г. По мнению российских экспертов, результатом кризиса в Казахстане в январе 2022 г. стало усиление ОДКБ как региональной организации, так как блоку удалось провести свою первую реальную коллективную операцию.

Таким образом, заключают авторы, кризис в Казахстане продемонстрировал, что в Центральной Азии сохраняются риски дестабилизации в связи с деятельностью террористических и экстремистских движений или с вмешательством внешних сил. Это не отвечает интересам ни стран ЦА, ни России и Китая. Москва и Пекин разделяют общие потребности в сохранении стабильности здесь, и их сотрудничество может стать важной основой региональной безопасности.

Sahakyan Mher D., Gärtner Heinz (eds). China and Eurasia. Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order. – London, New York: Routledge, 2022. – XV+246 pp.

Работа «Китай и Евразия: пересмотр сотрудничества и противоречий в эру меняющегося мирового порядка» под ред. М.Саакяна (дир-р Совета Китай-Евразия по политическим и стратегическим исследованиям Армении) и Г.Гертнера (Департамент политических исследований Венского университета) продолжает тему расширяющегося китайского присутствия в Евразии. Один из руководителей проекта М.Саакян уже обращался к данной теме в своей персональной монографии «Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и Армения», сфокусированной на его родине и регионе Южного Кавказа. В работе проанализировано влияние инициативы «Один пояс, один путь» на мировое политико-экономическое положение, а также дана оценка вышеупомянутой инициативе с точки зрения национальной безопасности Китая. Целью работы является составление стратегической «дорожной карты», по-

средством которой государства Евразии могут быть вовлечены в китайский политико-экономический проект, содействуя политическому, военно-техническому, финансовому и экономическому сотрудничеству между Китаем и евразийским пространством.

Книга состоит из пяти частей, где первая посвящена собственно постановке проблемы соотношения Китая, Евразии и нового мирового порядка. Вторая часть охватывает проблематику транспортных коммуникаций между КНР и странами Евразии. В третьей части отдельно рассматривается китайско-российское сотрудничество с учетом наступления нового мирового порядка и взаимодействия в рамках двух проектов – российского (Большая Евразия) и китайского (ОПОП), а также двух организаций – ЕАЭС и ШОС. Четвертая часть рассматривает место Евросоюза, Западных Балкан, Южного Кавказа и ОПОП в рамках евразийской интеграции. И наконец, пятая часть изучает взаимоотношения Китая с растущими экономическими державами Азии – Советом сотрудничества стран Персидского залива и треугольником АСЕАН-КНР-Индия.

В целом, данная проблематика достаточно подробно изучалась в других изданиях, которых мы касались ранее. Авторы данного издания специально останавливаются на позициях средних и малых стран в отношении китайского проекта ОПОП и специфике их интересов и целей. Представляет интерес анализ авторами методов, действующих акторов. Так, формирование многополярного мира в Китае видится посредством укрепления связей с Евразией, в России – через Азию; и оба демиурга евразийской интеграции намерены максимально задействовать такие региональные институты как ЕАЭС и ШОС, а также взаимодействие на двустороннем уровне – РФ-ЕАЭС, РФ-ШОС, КНР-ЕС, КНР-АСЕАН и др.

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан
Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 28 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвященных актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Астана, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

**Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның
стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан
Республикасы Президентінің Жарлығымен
1993 жылғы 16 маусымда құрылған**

ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ негізгі міндеті – Қазақстан Республикасының ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық аспектілерін аналитикалық қамтамасыз ету.

Пенсильвания университетінің «Global Go To Think Tank Index Report» рейтингісі (2018 ж.) бойынша ҚСЗИ әлемнің 8162 талдау орталықтары арасынан 142 орынды иемденіп, рейтингке кірген жалғыз қазақстандық «ақыл-ой орталығы».

Институт өзінің 28 жылдық қызметі барысында халықаралық қатынастар, жаһандық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 300-ден астам кітап басып шығарды. ҚСЗИ-да үш журнал басылып шығарылады: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр» және «Central Asia's Affairs». Үш тілде жүргізіліп отыратын сайты, Facebook және Twitter әлеуметтік желілерінде өз парақшасы бар.

ҚСЗИ – жыл сайын әлемдік саясат пен экономиканың өзекті мәселелері бойынша бірқатар ғылыми және практикалық іс-шаралар өткізілетін ерекше халықаралық сарапшылар алаңы. Институттың ғылыми форумдарына Орта Азия мен алыс шетелдердің беделді сарапшылары қатысады.

Мекен-жайы және байланыс телефондары:

Қазақстан Республикасы, 010000,
Астана, Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

